

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2021. №2
Том 4

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2021

УЧРЕДИТЕЛЕМ ИЗДАНИЯ ЯВЛЯЕТСЯ
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
Издается в сотрудничестве
с Ассоциацией азиатских университетов,
Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева

Главный редактор журнала

С.Г. Максимова, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Заместитель главного редактора

О.Е. Ноянзина, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Выпускающий редактор

Д.А. Омельченко, кандидат социологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2021

ISSN 2619-0249 (Print)
ISSN 2619-0230 (Online)
2021. №2
Vol. 4

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

BULLETIN OF THE ASSOCIATION OF ASIAN UNIVERSITIES

Barnaul

Publishing house
of Altai State
University
2021

THE FOUNDERS OF THE PUBLICATION ARE
Altai State University
In partnership with Association of Asian Universities,
Eurasian National University

Editor-in-chief

Svetlana Gu. Maximova, Dr. Sci. (Sociology), Professor,
Head of Department of Psychology of Communications and Psychotechnologies,
Director of the Asian Expert-Analytical Center at the Altai State University (Barnaul, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Oksana E. Noyanzyna, Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University,
Consultant for the Division of Collaboration with Civil Society Institutions of the Department of Internal
Policy at the Altai territory Governor's Office (Barnaul, Russia)

Managing Editor

Daria A. Omelchenko, Cand. Sci. (Sociology),
Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

ISSN 2619-0249 (Print)

ISSN 2619-0230 (Online)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- А. Вакру**, PhD, исполнительный директор Центра российских и евразийских исследований им. Дэвиса Гарвардского университета (Кембридж, США)
- С. Бакли**, PhD, профессор социологии, член исполнительного комитета Центра российских, восточно-европейских и евразийских исследований, Иллинойский университет (Иллинойс, США)
- А.М. Есдаулетова**, доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- Н.О. Байгабылов**, PhD по социологии, заведующий кафедрой социологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- О.В. Калдыбаева**, PhD по социологии, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- И.Н. Молодикова**, кандидат географических наук, научный сотрудник Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия)
- Т.З. Козлова**, доктор социологических наук, профессор, Институт социологии РАН (Москва, Россия)
- Т.Н. Юдина**, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный социальный университет (Москва, Россия)
- А.Ю. Мягков**, доктор социологических наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет (Иваново, Россия)
- В.В. Орлова**, доктор социологических наук, профессор, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия)
- Т.М. Дадаева**, доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)
- О.Т. Лойко**, доктор социологических наук, профессор, Институт социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия)
- С.П. Парамонова**, доктор философских наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь, Россия)
- Г.В. Жигунова**, доктор социологических наук, профессор, Мурманский арктический государственный университет (Мурманск, Россия)
- Л.А. Осьмук**, доктор социологических наук, профессор, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия)
- В.П. Шалаев**, доктор философских наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия)
- Е.А. Попов**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- О.Л. Сытых**, доктор философских наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- М.И. Черепанова**, доктор социологических наук, доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.А. Должиков**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)
- В.С. Бойко**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

EDITORIAL BOARD

- Alexandra Vacroux**, PhD, executive director of the Davis Center for Russian and Eurasian Studies at Harvard University (Cambridge, USA)
- Cynthia Buckley**, PhD, Professor of Sociology at the University of Illinois, Urbana-Champaign, Executive Committee member at the Russian, East European, and Eurasian Center (REEEC) at the University of Illinois (Illinois, USA)
- Ardak M. Esdauletova**, Dr. Sci. (History), Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Nurlan O. Baigabylov**, PhD (Sociology), Head of Sociology Department at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Olga V. Kaldybaeva**, PhD (Sociology), Associate Professor at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)
- Irina N. Molodikova**, Cand. Sci. (Geography), Research Fellow at the Central European University (Budapest, Hungary)
- Tatiana Z. Kozlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- Tatiana N. Yudina**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Russian State Social University (Moscow, Russia)
- Alexander Yu. Myagkov**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ivanov State University (Ivanovo, Russia)
- Vera V. Orlova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russia)
- Tatiana M. Dadaeva**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)
- Olga T. Loiko**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Institute of Social-Humanitarian Technologies of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia)
- Svetlana P. Paramonova**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Perm State Polytechnic University (Perm, Russia)
- Galina V. Zhigunova**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Murmansk State Arctic University (Murmansk, Russia)
- Ludmila A. Osmuk**, Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)
- Vladimir P. Shalaev**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia)
- Evgeniy A. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Olga L. Sythyk**, Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Marya I. Cherepanova**, Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vyacheslav A. Dolzhikov**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)
- Vladimir S. Boiko**, Dr. Sci. (History), Professor at the Altai State University (Barnaul, Russia)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- М.С. Имомзода** президент Ассоциации азиатских университетов, ректор Таджикского национального университета, доктор философских наук, академик (Душанбе, Таджикистан)
- Е.Б. Сыдыков** ректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, доктор исторических наук, профессор
- М.М. Абишева** кандидат исторических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
- С.В. Землюков** президент Алтайского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Барнаул, Россия)
- С.Н. Бочаров** ректор Алтайского государственного университета, доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономики предпринимательства и маркетинга (Барнаул, Россия)
- Р.И. Райкин** проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)
- С.И. Межов** доктор экономических наук, директор Международного института экономики, менеджмента и информационных систем, заведующий кафедрой финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

EDITORIAL COUNCIL

Makhmadyusuf S. Imomov President of the Association of Asian Universities, the Rector of the Tajik National University, Dr. Sci. (Phylosophy), Academician (Dushanbe, Tajikistan)

Yerlan B. Sydykov Rector of L.N. Gumilyov Eurasian National University, Dr. Sci. (History), Professor (Astana, Kazakhstan)

Madina M. Abischeva Cand. Sci. (History), Deputy Dean of the International Relations Faculty at the L. N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Sergey V. Zemlyukov Dr. Sci. (Law), President of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Sergey N. Bocharov Dr. Sci. (Economics), Rector of the Altai State University, Head of Department of Business Economics and Marketing (Barnaul, Russia)

Roman I. Raikin Vice-Rector on International Affairs Development of the Altai State University (Barnaul, Russia)

Stepan I. Mezhev Dr. Sci. (Economics), Director, Head of the Department of Banking and Finance of the International Institute of Economics, Management and Informational Systems (IEMIS) of the Altai State University (Barnaul, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ
В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ
В КОНТЕКСТЕ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ13**

В.Е. Шинкевич

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ ЗА ОБОРОТОМ ОТДЕЛЬНЫХ
ВИДОВ ОРУЖИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ24**

М.И. Усейнов

**ОБРАЗ МИГРАНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ
ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ38**

С.А. Сарыглар

**ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В ДР КОНГО
С ПОЗИЦИИ КОНФЛИКТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА
РАЛЬФА ДАРЕНДОРФА49**

Г.А. Труфанов

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ
ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)61**

К.Е. Косыгина

**РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
НРОО «ЦКН „ТУУЛУ АЛТАЙ“»)77**

Н.Н. Касенова, Н.В. Кергилова

**ПЛЕЙСМЕЙКИНГ — ПОДХОД ДЛЯ РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ
(ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА)89**

О.С. Ласточкина

**СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА
В АЛТАЙСКОМ КРАЕ) 106**

А.С. Спирина

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ЖЕНЩИН-КИТАЯНОК В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНСКОЙ
МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЭМИ ТАН) 115**

М.В. Беликова, О.И. Клочкова

**ВИРТУАЛЬНАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК СИМПТОМ
ИНТЕРПАССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ 132**

Ж.Е. Вавилова

**ОТНОШЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ
В АРТИКУЛЯЦИИ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ)..... 141**

А.О. Панфилова, А.А. Смолина

**СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
КАК ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 151**

С.В. Мурашева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 165

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 169

CONTENTS

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

**SOME ASPECTS OF DRUG SECURITY
IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT
IN THE CONTEXT OF ANNUAL MONITORING OF DRUG SITUATION.....14**

V.E. Shinkevich

**CURRENT QUESTIONS AND LEGAL ISSUES OF IMPROVING
THE LEGISLATION ON STATE CONTROL OF THE TURNOVER
OF CERTAIN KINDS OF WEAPONS IN MODERN CONDITIONS25**

M.I. Useinov

**IMAGE OF A MIGRANT IN THE POPULATION OF THE BORDER REGION OF
RUSSIA'S NOTIONS.....39**

S.A. Saryglar

**THE PROBLEM OF CONFLICT REGULATION IN THE DR CONGO FROM
THE PERSPECTIVE OF RALPH DARENDORFF'S CONCEPT OF CONFLICT
REGULATION50**

G.A. Trufanov

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

**THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF COLLECTIVE ACTIONS
OF CITIZENS (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF SOCIALLY
ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS)62**

K.E. Kosygina

**THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF ETHNIC
AND CIVIL IDENTITY AMONG REPRESENTATIVES OF THE INDIGENOUS
PEOPLES OF THE ALTAI REPUBLIC (ON THE EXAMPLE OF THE
ACTIVITIES OF THE NGO «CCN „TUULU ALTAI“»)78**

N.N. Kasenova, N.V. Kergilova

**PLACEMAKING — AN APPROACH FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC
SPACES IN MODERN CITIES
(REVIEW OF FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE).....90**

O. S. Lastochkina

**SOCIAL TRUST AS A FACTOR
OF PERCEPTION OF CORRUPTION
(AS RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY
IN THE ALTAI KRAI) 107**

A.S. Spirina

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

**ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE GENDER IDENTITY OF CHINESE
WOMEN IN THE CONTEXT OF THE AMERICAN MULTICULTURAL
PARADIGM
(USING AMY TAN AS AN EXAMPLE) 116**

M.B. Belikova, O.I. Klochkova

**VIRTUAL SATISFACTION AS A SYMPTOM OF INTERPASSIVITY IN MODERN
SOCIETY 132**

Zh.E. Vavilova

**ATTITUDE TOWARDS THE ISSUE OF HOMELESS ANIMALS IN THE
ARTICULATION
OF COMMUNITY IN SOCIAL MEDIA
(BASED ON RESEARCH MATERIALS) 142**

A. O. Panfilova, A. A. Smolina

**SOCIAL CONFLICTS AS CAUSES AND CONSEQUENCES
OF CONTRADICTIONS IN RUSSIAN SOCIETY 152**

S.V. Murasheva

ABOUT AUTHORS 167

RULES FOR AUTHORS 171

БЕЗОПАСНОСТЬ И ИНТЕГРАЦИЯ В СТРАНАХ АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

SECURITY AND INTEGRATION IN ASIAN REGION

УДК 316.4:343.976

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАРКОБЕЗОПАСНОСТИ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В КОНТЕКСТЕ ЕЖЕГОДНОГО МОНИТОРИНГА НАРКОСИТУАЦИИ

В.Е. Шинкевич

*Сибирский юридический институт МВД России, Красноярск, Россия,
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия,
e-mail: vlashink@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-01

Состояние наркоситуации является значимым компонентом обеспечения безопасности современного общества. В этой связи наркотизм, эффективность реализации антинаркотической политики государственными и общественными институтами подлежат ежегодному изучению по различным направлениям. В статье на основании изучения статистических данных по госпитализации пациентов в организации Минздрава России с диагнозом «наркомания», объемов изымаемых правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ из незаконного оборота, а также уровня наркопреступности проанализирована наркоситуация в Сибирском федеральном округе. При оценке наркотизма использовались также результаты социологических исследований как неотъемлемой составляющей ежегодного мониторинга наркоситуации. Особое место уделено рассмотрению движения наркотиков опийной группы, состояния опийной наркомании, определению наиболее проблемных субъектов Федерации, расположенных в пределах округа, предпринята попытка определения наиболее вероятных регионов-транзитеров и концентрации наркотических средств и психотропных веществ. На основании проведенного анализа обращается внимание на высокий уровень нарконапряжен-

ности в округе, превышающей по отдельным направлениям соответствующие показатели по Российской Федерации, даются некоторые рекомендации для различных субъектов антинаркотической деятельности по стабилизации наркоситуации, снижению уровня нарконапряженности.

Ключевые слова: *Сибирский федеральный округ, наркопреступность, наркомания, наркоситуация, оборот наркотических средств*

SOME ASPECTS OF DRUG SECURITY IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT IN THE CONTEXT OF ANNUAL MONITORING OF DRUG SITUATION

V.E. Shinkevich

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Krasnoyarsk, Russia,
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia,
e-mail: vlashink@yandex.ru*

The state of drug situation is an important component of security enforcement of modern society. In this regard, narcotism, the effectiveness of the implementation of anti-drug policy by the state and public institutions are annually studied in various areas. In the article based on the study of statistical data on hospitalization of patients in the organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation with a diagnosis of «drug addiction», the amount of drugs and psychotropic substances seized by law enforcement agencies from illegal drug trafficking, as well as the level of drug crime, the drug situation in the Siberian Federal District is analyzed. Also, when assessing narcotism, the results of sociological research as an integral part of the annual monitoring of the drug situation were used. Special attention is paid to the consideration of the movement of drugs of the opium group, the state of opium addiction, determination of the most problematic federal subjects located within the district. An attempt to determine the most probable transit regions and the concentration of narcotic drugs and psychotropic substances is made. Reasoning from the analysis carried out, attention is drawn to the high level of drug tension in the district, exceeding in some areas the corresponding indicators across the Russian Federation.

Keywords: *Siberian Federal District, drug crime, drug addiction, drug situation, drug trafficking*

Введение

Анализ информационной политики России, конкретных направлений деятельности различных институтов государства позволяет говорить о том, что сегодня реально огромное внимание уделяется внешней безопасности страны, политической, военной и экономической уверенности России на международной арене как самостоятельному и влиятельному субъекту международных отношений. В то же время ситуация, складывающаяся в сфере незаконного оборота наркотиков, даже

в условиях некоторой отрицательной динамики объемов движения наркотических средств и психоактивных веществ, снижения уровня наркопреступности, количества лиц, находящихся на излечении с диагнозом «наркомания» и пр., может привести к тому, что в условиях активного противодействия и защиты от внешних угроз могут в дальнейшем возрасти угрозы безопасности внутри страны, в ее регионах (Тепляшин, Мамай, 2020). Прежде всего данные угрозы будут связаны со здоровьем и моральным состоянием нашей молодежи, которой предстоит жить и работать в «...принципиально новой для нашего общества социальной реальности» (Кох, 2020), а также существенное давление может испытать и социальная стабильность и благополучие всей страны в ближайшей перспективе (Шинкевич, 2019). Большая опасность наркотизации страны и регионов связана и с тем, что наркоманы представляют опасность не только для себя, но и для окружающих, как ближнего социального окружения (членов семьи), так и дальнего (способны вовлечь в наркопотребление других лиц) (Шеслер, 2021: 38–40).

Проблема употребления наркотических средств и психотропных веществ актуальна как для России в целом, так и для ее федеральных округов, субъектов, в том числе и Сибирского федерального округа. Распространение наркомании вызывает комплексную опасность для здоровья, нравственного состояния и социальной стабильности российского социума (Шинкевич и др., 2019). Острота проблемы отмечена и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации 23 ноября 2020 г. (Стратегия государственной..., 2020).

Методы исследования

Использование данных официальной статистики¹, результатов социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга наркоситуации позволяет проанализировать состояние и динамику данного опасного явления, выявить имеющиеся проблемы, оценить эффективность реализации антинаркотических программ и проектов. В ходе исследования применялись методы анализа, синтеза и обработки эмпирического материала с использованием математической статистики. Для анализа использовался как первичный эмпирический материал, собранный при участии автора в ходе мероприятий ежегодного мониторинга, так и вторичный — прежде всего документы статистического учета, составляемые субъектами мониторинга наркоситуации, и материалы Государственного антинаркотического комитета. Целью исследования является оценка состояния и динамики наркобезопасности в Сибирском федеральном округе на основе результатов ежегодного мониторинга наркоситуации.

Результаты исследования

Анализ эмпирической и статистической информации позволяет говорить о том, что на фоне некоторой положительной динамики снижения в России коли-

¹ При подготовке статьи использовались материалы ежегодного статистического учета состояния наркоситуации в Российской Федерации по различным направлениям: Статформа 2-МВ-ЗДРАВ; Статформа 171; Статформа 173, а также результаты социологических исследований.

чества лиц, употребляющих наркотики, наблюдается некоторый рост количества лиц с синдромом зависимости от каннабиноидов, психостимуляторов, синтетических наркотических веществ. Имеет место и полинаркомания, как результат поиска «наиболее приемлемого» наркотика. Вместе с тем лиц с наркозависимостью именно от указанных выше наркотических средств значительно меньше, чем лиц, чья зависимость есть следствие употребления опиатов, и это при том, что в округе отмечается значительное сокращение фактов изъятия из оборота наркотических средств и психотропных веществ опиоидной группы. Как показывает анализ результатов статистических исследований, наибольшее число лиц, зарегистрированных в медицинских организациях с диагнозом «наркомания», — это по-прежнему лица, употребляющие опиоидные наркотики. В 2014 г. таковых насчитывалось среди всех зарегистрированных пациентов 78,4%; в 2015 г. — 73,9%; в 2016 г. — 69,8%; в 2017 г. — 65,1%; в 2018 г. — 60,9%; в 2019 г. — 56,9%. Как видим, даже на фоне некоторой стабильной отрицательной динамики число пациентов с диагнозом «наркомания», употребляющих наркотики опиоидной группы, превышает 50% от общего количества зарегистрированных пациентов. Общие сведения о количестве пациентов и динамика числа зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» (2014–2019 гг.) отражена в таблице 1.

Таблица 1.

Сведения о количестве пациентов и динамика числа зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)», 2014–2019 гг.

Диагностическая группа	Абсолютное число пациентов					
	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Синдром зависимости от наркотиков (наркомания), в том числе от:	321 796	311 785	292 457	273 373	249 843	236 460
опиоидов	252 205	230 576	204 025	178 008	152 079	134 461
каннабиноидов	25 933	28 203	27 769	27 662	27 735	28 120
кокаина	58	55	72	69	75	80
психостимуляторов	9647	12 657	14 411	16 622	17 717	18 806
других наркотиков и их сочетаний	33 953	40 294	46 180	51 012	52 257	54 993
Пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков	225 419	232 778	203 047	184 680	171 868	166 699

Значительно большее число наркопотребителей показывают результаты социологических исследований, как неотъемлемой составляющей ежегодного мониторинга наркоситуации (рисунок 1).

Анализ результатов изучения официального количества пациентов, обратившихся за медицинской помощью, и итогов социологических исследований состояния наркоситуации, который проводится анонимно, позволяет рассчитать

коэффициент латентности наркоситуации. Хотя и результаты социологических исследований самого высокого уровня достоверности допускают 5% погрешности. При сопоставлении данных статистического анализа (отраженных в таблице 1) и данных социологических исследований (отмеченных на рисунке 1) данный коэффициент по России ежегодно может составлять кратность от 7 до 8 раз.

Рисунок 1 — Оценка наркоситуации по результатам социологических исследований в ходе ежегодного мониторинга, млн чел.

Аналогичные процессы, с некоторой особенностью, имеют место и в Сибирском федеральном округе, который территориально объединяет 10 субъектов Российской Федерации. Уникальность округа заключается в том, что он географически соединяет север и юг страны, имеет значимые транспортные узлы, его пересекает Транссибирская магистраль, а в самом восточном субъекте — в Иркутской области — начинается Байкало-Амурская магистраль. Округ граничит с субъектами Федерации других федеральных округов, где отмечается сложная наркоситуация: Челябинская, Свердловская области (Уральский федеральный округ), Забайкальский край (Дальневосточный федеральный округ). Сибирский федеральный округ также имеет общие границы с Республикой Казахстан, Монголией, Китайской Народной Республикой, что делает его привлекательным для зарубежных поставщиков различных видов наркотиков как возможного региона складирования и транзита в удаленные регионы России наркотических средств и психотропных веществ. Для регионов Сибирского федерального округа характерно проявление принципа связности его территорий, о чем убедительно говорят проведенные сибирскими учеными исследования (Мостовая, 2019: 10) и что при неблагоприятных условиях может способствовать наркотизации населения сибирских регионов ускоренными темпами.

Результаты изучения данных социологических исследований и статистических материалов ежегодного мониторинга наркоситуации позволяют оценить остроту и динамику наркоситуации в Сибирском федеральном округе и в субъектах Федерации, расположенных в пределах округа, определить ее направленность.

В 2019 г. в медицинских учреждениях Сибирского федерального округа были зарегистрированы с указанным выше диагнозом 35 806 пациентов, что составило

6,6% от общего количества зарегистрированных пациентов с подобным диагнозом в России (236 460 чел.). В федеральных округах Российской Федерации в 2019 г. больше было зарегистрировано только в Центральном — 65 404 чел. и Приволжском — 43 695 чел., но на территориях данных федеральных округов проживает значительно большее количество жителей. Учитывая то, что на 1 января 2020 г. в Сибирском федеральном округе проживало 17 118,4 тыс. человек, проведя небольшие расчеты, мы видим, что диагноз «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» был поставлен 0,21% населения округа, что выше общероссийского показателя, который составил 0,16%. Среди пациентов 6041 женщина (16,9% от общего числа пациентов, что несколько ниже общероссийских показателей, которые составили 17,1%). В Иркутской, Кемеровской и Омской областях, а также в Республике Хакасия данный показатель превышал общеокружной. По возрасту чаще всего нуждаются в медицинской помощи наркопотребители 20–30 лет. Среди пациентов этой возрастной группы таковых по округу 66,3% от общего количества пациентов, что выше аналогичного общероссийского показателя (65,7%). Относительный показатель, превышающий общеокружной по данной группе, отмечается в пяти субъектах: Иркутская область (76,1%), Красноярский край (69,6%), Республика Хакасия (70,9%), Новосибирская область (70,3%), Кемеровская область (72,7%). Кроме того, общероссийский показатель по данному возрастному периоду превышен и в Алтайском крае (66,1%).

Среди состоящих на диспансерном учете больных с диагнозом «наркомания» 725 пациента — это вообще выпускники средних общеобразовательных школ в возрасте 18–19 лет, возможно, большинство из них еще не успели выбрать и свою будущую профессию, практически еще ни разу не сталкивались с необходимостью решать какие-то жизненно важные и сложные проблемы, но приобрели уже пагубную и, как правило, болезненную зависимость от наркотиков. Наиболее остро данная проблема проявляется в Кузбассе и в Иркутской области, 73,4% пациентов данной группы находились на излечении в медицинских учреждениях данных субъектов. 83 пациента — это школьники в возрасте до 17 лет, в основном это жители Кемеровской, Иркутской областей и Красноярского края. Для наркозависимой категории граждан уже не имеет смысла ни жизненно важная и общественно значимая цель, ни деятельность по ее реализации. Все это замещается одномоментным навязчивым желанием — где достать денежные средства или иные возможности для получения очередной дозы. И семья, и друзья, и коллеги просто выпадают из круга общения наркомана, они им становятся «неинтересны», нередко становятся объектами необоснованной агрессии, если, конечно, они (ближайшее социальное окружение) сами не являются таковыми.

Угроза социальному и экономическому секторам явно выражена, и данная опасность не нуждается ни в каких пояснениях, это аксиома, не требующая доказательств. Более того, при анализе данных социологических исследований в рамках ежегодного мониторинга можно с уверенностью отметить, что и эти данные не отражают в полном объеме состояние наркоситуации в регионе, так как феномен наркомании отличается существенной латентной составляющей (Шинкевич В.Е., Те-

пляшин П.В. и др., 2019). В расчете на 10 тыс. населения в Сибирском федеральном округе приходится 20,92 чел, находящегося на излечении в медицинских учреждениях, что существенно выше, чем по Российской Федерации, где данный показатель составляет 16,11 чел.

Из таблицы 1 видно, что в тройку негативных лидеров за период 2017–2019 гг. по количеству зарегистрированных в медицинских организациях пациентов с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» в Сибирском федеральном округе попали Кемеровская, Иркутская, Омская, Новосибирская области. Эти субъекты Федерации расположены вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, имеют выход на государственную границу, являются крупными транспортными узлами (железнодорожный, воздушный, автомобильный, речной). Немного отстают в этом негативном рейтинге Красноярский и Алтайский края.

Практически повторяют места данного рейтинга и показатели рейтинга динамики численности зарегистрированных пациентов в медицинских организациях с диагнозом зависимости от наркотиков опийной группы, потребление которых является основным фактором наркотических расстройств. В 2019 г. 57,5% пациентов зарегистрированных с диагнозом «наркомания» в медицинских учреждениях округа, были именно те, кто употреблял опиоиды, что практически соответствует общероссийскому показателю — 56,9%. Вместе с тем в структуре изымаемых правоохранительными органами на территории Сибирского федерального округа наркотики опийной группы составляют всего 4,15% от общего количества изымаемых наркотиков. Это говорит как о существенной опасности опийной наркомании для человека и негативных последствий для его здоровья, так и, возможно, о наличии латентных каналов поступления данных наркотиков на территорию округа. Этот факт отмечается практически во всех субъектах Федерации, расположенных в пределах территории округа. Даже в Республике Тыва, где практически изъятие наркотиков опийной группы составляет сотые доли процента в изымаемом количестве наркотических средств и психотропных веществ, среди больных, страдающих наркоманией от употребления наркотиков опийной группы, таковых около 4%.

Соотношение относительных показателей зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)» и относительных показателей изъятия наркотических средств опийной группы по Сибирскому федеральному округу отражено на рисунке 2.

Давать качественную оценку «лучше» или «хуже» состоянию употребления наркотических средств и психотропных веществ в немедицинских целях в Сибирском федеральном округе в сравнении с другими федеральными округами сложно, так как эти показатели могут говорить как о плотности и частоте наблюдаемого признака, так и об активной антинаркотической работе субъектов, по «возвращению» наркозависимых в социум посредством отлаженной системы реабилитации и ресоциализации данной категории населения. Однако данные показатели говорят о наличии наркотиков опийной группы в регионе, о поступлении опийных нарко-

тиков на территорию региона прежде всего по так называемому северному маршруту, а распространенность наркотиков опийной группы в удаленных от границы регионах говорит и о транзите наркотиков опийной группы вглубь территории округа и в субъекты Федерации, расположенные на территориях других федеральных округов. Вместе с тем правоохранительными органами Сибирского федерального округа принимаются значительные меры по противодействию распространению и транзиту наркотиков опийной группы. В округе ежегодно изымаются из незаконного оборота значительные объемы наркотических средств и психоактивных веществ как в целом, так и опийной группы в частности, что отражено на рисунке 3.

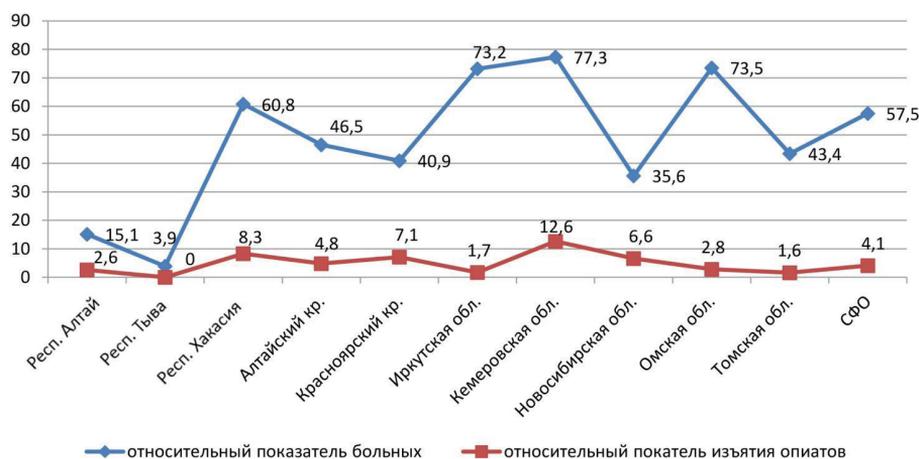

Рисунок 2 — Соотношение относительных показателей больных с диагнозом «наркомания» как следствие употребления опиатов и относительных показателей изъятия наркотиков опийной группы.

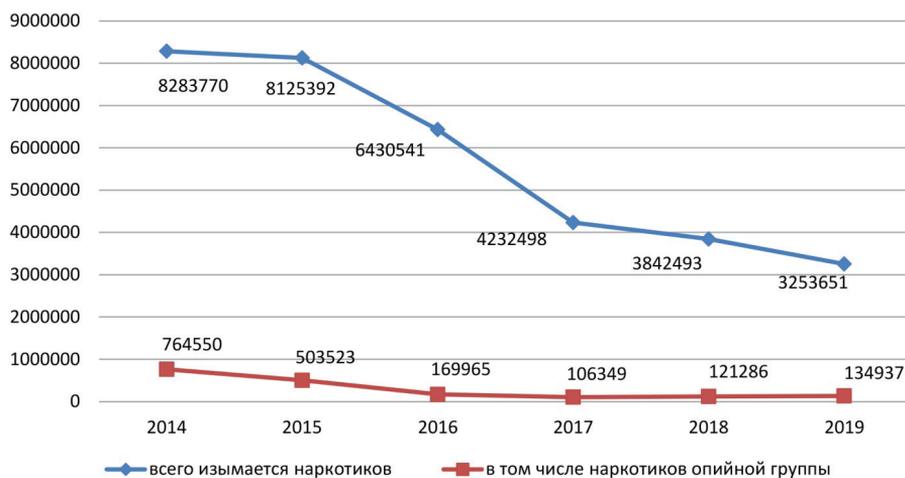

Рисунок 3 — Изъятие наркотических средств и психотропных веществ в Сибирском федеральном округе за период 2014–2019 гг.

За период 2014–2019 гг. по объему изымаемых наркотиков опийной группы Сибирский федеральный округ занимает второе место, уступая лишь Центральному федеральному округу. Всего в 2019 г. изъято 134 937 г — это около 17,84% всех наркотиков опийной группы, изъятых правоохранительными органами на территории России. С начала наблюдаемого периода (2014 г.) отмечается в целом снижение объемов изымаемых наркотических средств и психотропных веществ, что соответствует общероссийской тенденции. Однако с 2017 г. отмечается увеличение объемов изымаемых наркотиков опийной группы. С 2017 по 2019 г. эти объемы увеличились на 27%, что отражено на рисунке 3. В то же время за этот же период по России в целом уменьшилось изъятие наркотиков данной группы на 22,4%, постепенно снижается интенсивность транзита наркотиков опийной группы по «Северному маршруту» (Афганистан — Центральная Азия — Россия).

Наркомания как негативное социальное явление криминализирует социальную среду, разрушает политическую, культурную и социальную структуру общества. Динамика числа зарегистрированных наркопреступлений в Сибирском федеральном округе отражена на рисунке 4.

Рисунок 4 — Динамика числа зарегистрированных наркопреступлений в Сибирском федеральном округе за 2014–2019 гг.

Несмотря на то что в Сибирском федеральном округе за последние пять лет наблюдается снижение уровня наркопреступности, относительный показатель наркопреступлений на 100 тыс. жителей в 2019 г. составил 135,5 преступления, а это выше общероссийского на 4,5%. Более всего наркопреступлений в абсолютных показателях отмечается ежегодно в Кемеровской, Иркутской областях, Алтайском и Красноярском краях. Практически в этих же регионах отмечается наибольшее количество как пациентов медицинских учреждений с диагнозом «наркомания», так и объемов изъятия правоохранительными органами наркотических средств и психотропных веществ. Из числа расследованных наркопреступлений по округу 56,8% совершены непосредственно потребителями наркотических средств и психотропных веществ, при этом в Республике Алтай, Республике Хакасия, Алтайском и Красноярском краях данный показатель составил более 70%. 2,1% преступлений по округу совершено несовершеннолетними, больше всего в абсолютных величинах

(73 человека) и относительных (8,8%) преступлений совершено несовершеннолетними в Республике Тыва. Необходимо отметить, что число предварительно расследованных преступлений относительно всех регистрируемых наркопреступлений составляет немногим более 50%. Так, в 2019 г. предварительно расследуемые преступления составили 53,5%, из них 95,5% переданы в суд. Что незначительно выше общероссийских показателей, 53,4% и 96,6% соответственно. Из общего числа зарегистрированных наркопреступлений в 2019 г. по округу 41,1% относятся к тяжким. В тройку антилидеров входят Кемеровская область — Кузбасс, Красноярский и Алтайский края, где совершено 1886, 1379 и 1359 тяжких наркопреступлений соответственно. 3,6% наркопреступлений в 2019 г. совершены группой лиц по предварительному сговору. Чаще всего подобные преступления отмечались в Красноярском крае (183), Новосибирской области (150), Омской области (112).

Выводы

Давая сравнительную характеристику наркоситуации в Сибирском федеральном округе, необходимо отметить следующее: по количеству пациентов, зарегистрированных в медицинских организациях Минздрава России с диагнозом «синдром зависимости от наркотических веществ (наркомания)», округ находится на третьем месте после Центрального и Приволжского федеральных округов, в том числе вследствие потребления опиоидов. Округ занимает также третье место по изъятию правоохранительными органами как наркотических веществ в целом, так и наркотиков опийной группы, третье место округ занимает и по количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Наиболее остро наркоситуация складывается в Кемеровской, Новосибирской, Иркутской областях, Алтайском и Красноярском краях. Ежегодный мониторинг наркоситуации даст возможность различным субъектам антинаркотической политики, в том числе правоохранительным органам, своевременно принять адекватные меры по нормализации наркоситуации в регионе, определить эффективность реализации в регионах Сибирского федерального округа антинаркотических программ и проектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кох И.А., Девятьяров Р.С. Социализация личности: индивидуализм и коллективизм как ориентиры трансформируемого общества. *Siberian Socium*, 2020, 1 (11), 33–48.

Мостовая Е.Б. Сибирские проекты — региональные мультипликаторы ускорения социально-экономического развития. *Siberian Socium*, 2019, 4 (10), 8–17.

Тепляшин П.В., Мамай Е.А. Некоторые криминологические и социологические аспекты незаконного оборота наркотиков опийной группы (на примере Уральского федерального округа). *Вестник Сибирского юридического института МВД России*, 2020, 1(38), 51–56.

Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до

2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2030 г. № 733.

Шеслер В.А. Уголовно-правовая характеристика хищений наркотических средств или психотропных веществ: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2021.

Шинкевич В.Е., Бен Е.Н., Калиниченко Я.Н., Маслодудова Н.В., Молоков В.Н., Ступина С.А. Состояние и перспективы обеспечения наркобезопасности социума: по результатам мониторинговых исследований в Красноярском крае. М.: СибЮИ МВД России, 2019.

Шинкевич В.Е., Тепляшин П.В., Рублева Т.Ю., Лисихина Н.В., Бен Е.Н., Молоков В.В., Мамай Е.А., Красовская Е.А., Хухра М.А. Структура наркорынка и динамика потребления наркотиков опийной группы в Российской Федерации: социологический, криминологический и медицинский аспекты. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2021.

REFERENCES

Koh, I.A., Devityarov, R.S. (2020). Socializaciya lichnosti: individualizm i kollektivizm kak orientiry transformiruемого obshchestva. [Socialization of an individual: individualism and collectivism as reference points of the transformed society]. *Siberian Socium*, 1 (11), 33–48.

Mostovaya, E.B. (2019). Sibirskie proekty — regional'nye mul'tiplikatory uskoreniya social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Siberian projects as regional multipliers for acceleration of social and economic development]. *Siberian Socium*, 4 (10), 8–17.

Teplyashin, P.V., Mamay, E.A. (2020). Nekotorye kriminologicheskie i sociologicheskie aspekty nezakonnogo oborota narkotikov opijnoj gruppy (na primere Ural'skogo federal'nogo okruga) [Some criminological and sociological aspects of illicit drug trafficking in the opium group (on the example of the Ural Federal District)]. *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (38), 51–56.

Strategiya gosudarstvennoj antinarkoticheskoy politiki Rossijskoj Federacii do 2030 goda: utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 23 noyabrya 2030 g. № 733 [Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2030: approved by the Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2030, no. 733].

Shesler, V.A. (2021). *Ugolovno-pravovaya harakteristika hishchenij narkoticheskikh sredstv ili psihotropnyh veshchestv* [Criminal and legal characteristics of theft of narcotic drugs or psychotropic substances]: (PhD Thesis). Krasnoyarsk.

Shinkevich, V.E., Ben, E.N., Kalinichenko, Ya.N., Maslodudova, N.V., Molokov, V.V., Stupina, S.A. (2019). *Sostoyaniye i perspektivy obespecheniya narkobezopasnosti sociuma: po rezul'tatam monitoringovyh issledovaniy v Krasnoyarskom krae* [State and prospects of ensuring the drug safety of society: based on the results of monitoring studies in the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii.

Shinkevich, V.E., Teplyashin, P.V., Rubleva, T.Yu., Lisihina, N.V., Ben, E.N., Molokov, V.V., Mamay, E.A., Krasovskaya, E.A., Huhra, M.A. (2021). *Struktura narkorynka i dinamika potrebleniya narkotikov opijnoj gruppy v Rossijskoj Federacii: sociologicheskij, kriminologicheskij i meditsinskij aspekty* [The structure of the drug market and the dynamics of drug consumption in the opium group in the Russian Federation: sociological, criminological and medical aspects]. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii.

УДК:343.344

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ ЗА ОБОРОТОМ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ОРУЖИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.И. Усейнов

*Международный Университет Кыргызстана,
Таразский региональный университет им. М.Х. Дулати, Тараз, Казахстан,
e-mail: miras_useinov@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-02

Статья посвящена актуальной проблеме закона о государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия, вопросам, касающимся теории и практики на современном этапе. Особую значимость данной работе придает правовая проблема закона о государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия, а именно возраст гражданина, при котором дается право на приобретение оружия.

Большое внимание уделяется трагическим событиям, которые связаны непосредственно с незаконным применением огнестрельного оружия в подростковом возрасте, анализируются законодательные акты стран ближнего зарубежья и приводятся примеры. Кроме того, автор приводит конкретные предложения по решению данных проблем. Актуальность статьи не вызывает сомнений, так как оружие было одной из основных проблем всех времен и остается важной вехой для будущих исследований.

Статья актуальна тем, что в последнее время число преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, резко увеличилось в разных странах мира, особенно среди молодежи. Это свидетельствует о важности и своевременности статьи. В ходе исследования основной акцент ставится на актуальность правовой проблемы несовершенства закона об оружии. Материал статьи имеет ярко выраженную авторскую линию, так как автор не просто анализирует научные положения разных авторов, но высказывает свою точку зрения.

Ключевые слова: *права, свобода, декларация, конституция, оружие, оборот, возраст, убийство, правонарушение*

CURRENT QUESTIONS AND LEGAL ISSUES OF IMPROVING THE LEGISLATION ON STATE CONTROL OF THE TURNOVER OF CERTAIN KINDS OF WEAPONS IN MODERN CONDITIONS

M.I. Useinov

*International University of Kyrgyzstan,
Taraz regional university named after M. Kh. Dulati, Taraz, Kazakhstan,
e-mail: miras_useinov@mail.ru*

The scientific article is devoted to the topical problem of the law on state control over the circulation of certain types of weapons, issues related to theory and practice at the present stage. The particular significance of this work is attached to the legal problems of the law on state control over the circulation of certain types of weapons, namely, the age of the citizen, according to which the right to acquire weapons is given.

In the article, much attention is paid to the tragic events that are directly related to the illegal use of firearms in adolescence, the legislative acts of the neighboring countries are analyzed and examples are given. In addition, the author provides specific proposals for solving these problems. The relevance of the article is beyond doubt, as weapons have been one of the most fundamental problems of all time and remains an important milestone for future research.

The scientific article is relevant because in recent years, crimes related to the use of firearms have sharply increased in different countries of the world, especially among young people. This demonstrates the importance and timeliness of this article. In the course of the study, the main emphasis is placed on the relevance of the legal problem of imperfection of the law on weapons. The material of the article has a pronounced author's line, since the author does not easily analyze the scientific positions of different authors, but also expresses his point of view. The article is well structured, written in a clear and understandable language, the conclusions are logical, the literature corresponds to the stated topic.

Keywords: *rights, freedoms, declaration, constitution, weapons, turnover, age, murder, offense*

Побеждает закон, если вооружен.

Ежи Лец

Введение

Общеизвестно, что самое ценное для человека — это жизнь. На протяжении всех времен самое главное благо, что есть у человека, — это право на жизнь. С момента появления человека и на протяжении всего существования человечества люди стремятся сохранить жизнь и приумножить ее рождением. Именно поэтому в каждой развитой стране право на жизнь является главным, неотъемлемым и дан-

ным в равной степени всем людям и закреплено в основных нормативно-правовых актах государствах.

Право на жизнь означает, что никто, в том числе государство, не может лишать человека жизни. На наш взгляд, необходимо отметить, что государство обязано принимать соответствующие меры для защиты жизни, принимая законы, защищающие граждан, и соответственно принимая меры для защиты граждан, если их жизнь находится под угрозой. Государство должно учитывать право на жизнь при принятии решений, которые могут подвергнуть человека опасности. Это право называют абсолютным правом. Это право, в которое государство никогда не сможет вмешиваться. Однако бывают ситуации, когда это неприменимо. Например, право человека на жизнь не нарушается, если он умирает, когда государственный орган (например, полиция) применяет необходимую силу для того, чтобы остановить незаконное насилие, произвести законный арест, помешать избежать законного задержания и остановить бунт или восстание. Конечно, даже в этих обстоятельствах применяемая сила должна быть существенной и строго пропорциональной. Сила «соразмерна», когда это уместно и не более чем необходимо для решения данной проблемы.

Право на жизнь является основным личным правом человека, которое принадлежит каждому человеку от рождения, признается абсолютным и неотчуждаемым, определяет содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Реализация политических, социальных, экономических, культурных и других прав человека невозможна без обеспечения права человека на жизнь. Законодательное закрепление прав человека на жизнь вытекает из общепризнанных международных актов по правам человека.

Следует отметить, что в основу концепции прав человека заложены три неотъемлемые ценности: во-первых, каждое государство имеет свои определенные ограничительные рамки; во-вторых, у каждого гражданина есть своя индивидуальная сфера; в-третьих, каждый человек может выступить против государственных органов с целью защиты своих личных прав и свобод.

Права человека необходимо понимать как нечто определяющее базовые нормы, необходимые для того, чтобы жить с чувством достоинства, и их универсальность вытекает из того, что, по крайней мере, в этом все люди равны. В связи с этим мы не должны и не можем здесь кого-то выделять. В сущности, чтобы принять концепцию прав человека, достаточно лишь признания этих трех ценностей, и на наш взгляд, каждый с этим согласится. Именно поэтому права человека поддерживаются со стороны всех культур, цивилизованных демократических государств и мировых религий.

Здесь следует заметить, что в ст. 3 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г., говорится, что каждый человек имеет право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Здесь же преамбула гласит, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ратифицированный Казахстаном, закрепляет (ст. 6), что «право на жизнь

есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» (Международный пакт..., 1966). Право на жизнь, безусловно, является самым важным из всех прав человека.

Особо следует подчеркнуть, что в п. 1 ст. 1 Конституции Республики Казахстан государство утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого является человек, его жизнь, права, и свободы. При этом права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными, и неотчуждаемыми. Данное положение закреплено в п. 2 ст. 12 Конституции РК (Конституция Республики Казахстан, 1995). В этой связи характерной чертой правового государства был и остается высокий уровень правовой культуры населения как один из показателей его правовой системы.

Как нам известно, право издревле проявлялось во всех периодах общественной формации. Основная задача государственно-правовой политики направлена на повышение правовой грамотности населения.

Правовая культура граждан — это специфика отношений между человеком, обществом и властью, в которой на каждого возложены определенные права и обязанности, т.е. государство осуществляет свою деятельность в рамках демократических правовых институтов, так как общественные отношения в настоящее время законодательно подкреплены и вопросы уголовных правонарушений рассматриваются в действующем уголовном законодательстве.

Следует отметить, что уголовное право с момента своего возникновения призвано было охранять общество от преступных посягательств, охранять мир и безопасность человечества, а также предупреждать преступления, угрожающие основам существования человека, путем установления уголовно-правовых запретов на совершение преступлений. Уголовное право как одна из основных отраслей права есть совокупность юридических норм, которые определяют понятие и признаки преступлений, основания и пределы уголовной ответственности за их совершение, а равно условия освобождения от уголовной ответственности и наказания. Как и право в целом, оно регулирует определенную группу общественных отношений. В первую очередь — это те общественные отношения, которые складываются между государством в лице судов и правоохранительных органов с одной стороны и гражданином в связи с совершенным им особо опасным для общества правонарушением (преступлением) — с другой.

Наряду с регулятивной функцией, уголовное право выполняет и охранительную функцию, защищая человека, общество и государство от преступных посягательств. Эта функция реализуется как путем провозглашения в законе уголовно-правового запрета на совершение тех или иных деяний, так и путем реализации регулятивной функции, т.е. в процессе применения уголовного наказания к лицам, виновным в совершении запрещенных законом общественно опасных деяний.

Специфика и содержание уголовного права обусловлены теми задачами, которые стоят перед ним. Ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Республики Казахстан в качестве задач уголовного законодательства определяет защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, собственности, прав и законных интересов

организаций, общественного порядка и безопасности, окружающей среды, конституционного строя и территориальной целостности Республики Казахстан, охраняемых законом интересов общества и государства от преступных посягательств, охрану мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Согласно ч. 2 этой же статьи Уголовного кодекса для осуществления указанных задач Уголовный кодекс устанавливает основания уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния являются преступлениями, предусматривает наказания и иные меры уголовно-правового воздействия за их совершение, т.е. эти задачи решаются в процессе реализации регулятивной и охранительной функций уголовного права.

Таким образом, основные задачи уголовного права — это охрана указанных выше социальных ценностей и предупреждение преступлений. Причем, хотя профилактика и названа законом в качестве самостоятельной цели, но является как бы производной и подчиненной первой, более важной, определяющей сущность уголовного права задаче охраны наиболее ценных общественных отношений. Обе задачи взаимосвязаны и взаимообусловлены: охраняя общественные отношения, уголовное право тем самым предупреждает совершение новых преступлений, а предупреждая преступления — выполняет охранительную задачу. Как нам известно, именно уголовно-правовые нормы, как факт своего существования, так и их применение, выполняют задачу воспитания граждан в духе точного исполнения законов и уважения к правилам, существующим в обществе (Сагинбеков, 2012).

Проведенное нами исследование показывает, что преступление, сопряженное с незаконным оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, становится одним из факторов ухудшения криминогенной обстановки в мире и в странах Содружества Независимых Государств.

В сложившейся ситуации, на наш взгляд, эта проблема является наиболее актуальной и требует научного анализа с целью предупреждения рассматриваемого правонарушения, так как исследования ряда авторов показывают, что не только не уменьшается число этих противоправных деяний, но они становятся наиболее опасными для общества и государства.

На сегодняшний день многие государства неоднократно выразили свою озабоченность тем, насколько пагубно воздействует на мир и безопасность, права и развитие человека незаконный оборот огнестрельного оружия и его неправомерное применение.

Следует также заметить, что проблема с незаконным оборотом огнестрельного оружия затрагивает все государства мира и непосредственно влияет на общественную безопасность. Это достаточно весомая проблема в контексте безопасности человека и, как правило, занимает особое место в правоохранительной деятельности. Огнестрельное оружие используется в большинстве видов насилия, особенно в убийствах. Наиболее распространенная форма незаконного оборота оружия включает разнообразные виды огнестрельного оружия, как стрелкового, так и других видов вооружения. Сюда входят многие виды, стреляющие патронами, ядрами и взрывными снарядами, такие как ружья, пушки, бомбы, ракеты, кассет-

ные боеприпасы и т.д., однако характер этого оборота может значительно различаться в зависимости от вида вооружения.

Происходящие в мире различные финансовые, экономические, политические кризисы, рост региональной и мировой нестабильности в современном мире — все это приводит к криминогенной обстановке в обществе, которая влечет за собой негативные последствия как для общества, так и для государства. Следует отметить, что все эти тенденции создают благоприятные условия для совершения противоправных деяний с незаконным использованием различных видов огнестрельного оружия.

Огнестрельное оружие является продуктом человеческой деятельности, относится к числу объектов, которые несут в себе потенциальную угрозу здоровью и жизни человека, окружающей среде. Оно является предметом специально установленного правового режима обеспечения безопасности процессов его производства, эксплуатации, обращения и т.д. Исходя из этого, огнестрельное оружие является техногенным источником повышенной опасности. Под техногенным источником повышенной опасности в криминалистике следует понимать материальные объекты, созданные или преобразованные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, которые изначально содержат в себе высокую степень вероятности причинения необратимых изменений организму человека, элементам флоры и фауны, а также уничтожения или разрушения объектов окружающей природной среды и социально-экономической инфраструктуры» (Корин, 2015).

Огнестрельное оружие, как правило, производится для законных рынков лицензированными производителями. Оно может, однако, быть направлено на нелегальные рынки. Соответственно действия правоохранительных органов направлены на пресечение их незаконного передвижения. Огнестрельное оружие может распространяться на легальных и нелегальных рынках в течение длительного времени и, поскольку оно является товаром длительного пользования, его легко повторно использовать или перепродать. Конечно же, государству следует бороться с беспорядочным движением и использованием оружия.

На наш взгляд, для решения тех или иных проблем, связанных с оборотом огнестрельного оружия, необходимо постоянное совершенствование правовых норм в этой сфере.

Общеизвестно, что любой вменяемый и достигший определенного возраста человек осознает общественную опасность или полезность своих поступков. Вопрос об отсутствии сознания общественной опасности может возникать на практике лишь в редких случаях: либо в силу особых качеств самого субъекта (его неразвитость, умственные отклонения, психическое расстройство), либо в силу особой ситуации, в которой субъект оказался.

В настоящее время совершеннолетие — это возраст, с достижением которого согласно законодательным нормам наступает полная гражданская дееспособность. При совершеннолетию возникают другие дополнительные права и обязанности. Лица, не достигшие возраста совершеннолетия, называются несовершеннолетними. Несовершеннолетние в особых случаях могут становиться дееспособными при вступлении в брак или при наличии особых обстоятельств с установленного зако-

ном возраста, однако обычно без права голосовать, усыновлять и опекать детей. Возрастные ограничения в употреблении алкоголя, курении, вождении автомобиля, праве голоса во многих странах могут не совпадать со временем достижения возраста совершеннолетия (О государственном контроле..., 1998).

Начальный этап проведенного нами анализа показал, что в данной связи, на наш взгляд, самого пристального внимания заслуживает диспозиция ст. 15 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.04.2021), где законодателем предусмотрен общий возраст для приобретения гражданского оружия — 18 лет.

В ч. 1 ст. 15 Право на приобретение оружия гражданами Республики Казахстан указывается, что:

1. Право на приобретение гражданского оружия имеют граждане Республики Казахстан, достигшие 18-летнего возраста, после получения разрешения на приобретение конкретного вида оружия в органах внутренних дел по месту жительства.

Право на приобретение, хранение, ношение и использование метательного оружия (луков и арбалетов) для спортивных целей имеют граждане Республики Казахстан, достигшие 16-летнего возраста.

Сигнальное оружие, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздражающими веществами, пневматическое оружие с дульной энергией не более 7,5 Дж и калибром до 4,5 мм включительно регистрации не подлежат, и граждане Республики Казахстан имеют право приобретать их у юридических лиц — поставщиков без получения разрешения.

Огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие, указанное в пп. 1 ст. 5 настоящего Закона, граждане Республики Казахстан имеют право приобретать в целях самообороны без права ношения по разрешениям, выдаваемым органами внутренних дел по месту жительства без наличия удостоверения охотника.

Огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие и охотничье пневматическое оружие имеют право приобретать граждане Республики Казахстан с правом хранения и ношения, которые имеют удостоверение охотника.

Охотничье огнестрельное оружие с нарезным стволом имеют право приобретать граждане Республики Казахстан, имеющие в собственности охотничье огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие не менее трех лет, которым в установленном порядке предоставлено право на охоту.

Общее количество оружия, приобретенного гражданином Республики Казахстан, не должно превышать:

1) охотничьего огнестрельного оружия: с нарезным стволом — двух единиц; гладкоствольного — двух единиц;

2) оружия самообороны — двух единиц, в том числе огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия либо газовых пистолетов, револьверов, либо электрического оружия.

Данные ограничения не распространяются на оружие, являющееся объектом коллекционирования.

Граждане Республики Казахстан имеют право приобретать газовые пистолеты и револьверы, электрическое оружие в целях самообороны с правом хранения и ношения по разрешениям, выдаваемым органами внутренних дел.

Согласно вышеуказанному Закону право на приобретение гражданского оружия имеют граждане Республики Казахстан, достигшие 18-летнего возраста, после получения разрешения на приобретение конкретного вида оружия в органах внутренних дел по месту жительства.

В данной норме нас настораживает именно возраст гражданина, по которому дается право на приобретения оружия: по некоторым научным данным физические лица в возрасте 18 лет психически и физиологически не готовы к взрослой жизни и тем более владению оружием. Многие ученые утверждают, что возраст взросления человека более поздний, чем 18 лет. Мы все прекрасно понимаем, что по общему правилу правосубъектность наступает в полном объеме по достижении 18-летнего возраста: способность лица иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, субъективные права и юридические обязанности, т.е. выступать субъектом правоотношения. Например, право голосовать, призываться в армию, вступать в брак, получать водительское удостоверение и т.д. Но право владения оружием — это несколько иное, чем все остальные права, и обращение с ним может привести к непредсказуемым последствиям — мы видим, что происходит в различных странах именно в подростковом возрасте с применением огнестрельного оружия.

По определению Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) подростковый возраст (10–19 лет) является уникальным периодом формирования личности. Самые разнообразные физические, эмоциональные и социальные изменения, в том числе воздействие факторов бедности, жестокого обращения или насилия, могут усиливать уязвимость подростков к проблемам психического здоровья. Повышение уровня психологического благополучия подростков и защита их от тяжелых потрясений и факторов риска, которые могут сказаться на их возможностях успешного развития, имеют важное значение для обеспечения их благополучия в подростковом возрасте, а также их физического и психического здоровья во взрослой жизни. Критический переходный период является периодом роста и развития человека, который следует после детства и длится до достижения зрелого возраста, т.е. с 10 до 19 лет. Это один из критических переходных периодов жизненного цикла, для которого характерны бурные темпы роста и изменений, которые уступают лишь темпам роста и изменений, происходящих в грудном возрасте. Многие аспекты такого роста и развития управляются биологическими процессами, а достижение полового созревания знаменует собой переход из детства в подростковый возраст. Биологические детерминанты подросткового возраста носят, как правило, всеобщий характер, однако продолжительность и характерные особенности этого периода могут варьироваться в зависимости от времени, культуры и социально-экономической ситуации. За последнее столетие этот период претерпел многочисленные изменения, которые касаются более раннего наступления половой зрелости, более позднего возраста вступления в брак, урбанизации, глобальной коммуникации

и изменения сексуальных отношений и форм поведения (Документационный центр ВОЗ, 2014).

Корреспондент Би-би-си news по здоровью Кэти Силвер в своей статье отмечает: ученые пришли к общему мнению, что подростковый возраст надо увеличить до 24 лет. Постиндустриальным странам необходимо новое определение подросткового возраста, говорят эксперты, опрошенные медицинским журналом *Lancet* (*отметим, что The Lancet — еженедельный рецензируемый общий медицинский журнал. Один из наиболее известных и самых авторитетных медицинских журналов*). Если раньше европейцы вступали во взрослую жизнь в 19 лет, то сегодня это происходит в среднем в 24 года. Новую норму нужно отразить в законах, считает ряд экспертов (Силвер, 2018). Кроме того, ВОЗ предлагает поднять возраст совершеннолетия в Казахстане с 18 до 23 лет. Об этом сообщил постоянный представитель ВОЗ в Казахстане Олег Честнов в ходе совещания Детского фонда ООН по вопросам защиты прав детей (Мамырханова, 2018).

Следует отметить, что по статистическим данным органов внутренних дел в подростковом возрасте совершаются в среднем каждое пятое-шестое из всех зарегистрированных преступлений и с применением огнестрельного оружия.

Проведенные нами исследования выявили не только крайнюю серьезность проблемы, но и повышенную тревожность подростков, а главное — роль жестокости и агрессивности в данной среде. В качестве примера можно привести последнее трагическое событие, которое произошло в гимназии № 175 г. Казань, — массовое убийство. Из источников сообщается, что стрельба в школе в Казани произошла утром 11 мая, где было совершено вооруженное нападение на школу № 175. По данным на 18:00 мск в результате атаки на школу погибли девять человек, в том числе семеро детей. В результате стрельбы погибли, по предварительной информации, по меньшей мере девять человек, среди них один учитель и школьники. Источник ТАСС сообщил, что погибли 11 человек. Глава Татарстана Рустам Минниханов сообщил, что среди погибших семеро учеников восьмого класса — четверо юношей и три девушки. Пресс-служба главы региона уточнила, что всего погибли восемь человек — семь учеников и учитель. Информационный центр Национального антитеррористического комитета (НАК) сообщил, что ранены 16 человек из числа учащихся и сотрудников школы. Минздрав Татарстана сообщил, что в больницы доставлены 21 человек, в том числе 18 детей, шестеро из которых находятся в реанимации.

Здесь следует особо выделить, что Президент РФ Владимир Путин потребовал повысить требования к владению гражданским оружием и усилить контроль за его оборотом. Решения по этому вопросу должны быть обоснованными и жесткими. Ситуации, когда справку можно купить, даже не приходя на осмотр, должны быть исключены, подчеркнул глава государства.

Об этом он заявил на совещании с правительством при обсуждении стрельбы в казанской школе, произошедшей 11 мая. В результате трагедии погибли девять человек, в том числе семеро детей.

Президент поручил главе Росгвардии Виктору Золотову представить в письменном виде предложения по ужесточению контроля над оружием, чтобы потом

дать необходимые поручения. Глава государства отметил, что не все поручения, данные по итогам предыдущих нападений на школы, были выполнены.

Следует отметить и другие тревожные события — география незаконного применения огнестрельного оружия довольно широка, США занимают первое место в мире по расстрелам. Расстрелы школьников известны также в Канаде (массовое убийство в Политехнической школе Монреаля), России (стрельба в школе № 263, массовое убийство в керченском политехническом колледже, массовое убийство в гимназии № 175), Финляндии (массовое убийство в Йокела, массовое убийство в Каухайоки), Азербайджане (дело Гадирова) и во многих других странах.

Необходимо заметить, что секретной службой США (USSS) и Департаментом образования было проведено исследование, в котором начали составлять и изучать психологические портреты преступников. После чего опубликован отчет, в котором были рассмотрены 37 случаев расстрелов в школах США и сделаны следующие выводы:

1. Инциденты, связанные с насилием в школе, редко бывают внезапными, импульсивными действиями.
2. В 80% случаев минимум один человек знал, что нападавший планировал атаку, и почти в 60% два человека знали о нападении до того, как это произошло.
3. Большинство атакующих не угрожали своим целям непосредственно перед атакой.
4. Большинство нападавших с трудом справлялись с потерями или личными неудачами. Более того, многие думали или пытались покончить жизнь самоубийством (78%).
5. Главными мотивами нападения были: издевательства, преследования или угрозы — 75%; месть — 61%, 54% сообщили о многочисленных причинах.
6. Большинство атакующих имели доступ к оружию и использовали его до атаки.
7. Несмотря на своевременные ответные меры правоохранительных органов, большинство инцидентов, связанных с расстрелом, были прекращены другими средствами, помимо вмешательства полиции или SWAT (Special Weapons Assault Team — штурмовая группа со спецвооружением).

В данных исследованиях были установлены возможные причины совершения преступления:

1. Проблемы в семье. Фактор, который не так часто упоминается СМИ, но подкрепляется социальными исследованиями, — это структура семьи. Известный социолог из Гарварда Роберт Дж. Сампсон писал: *«Количество полных/неполных семей является самым главным показателем, влияющим на уровень преступности в городах в США»*. Журналист, редактор и ученый Майкл Кук однажды выразил мнение: *«...нам не понадобится больше контроля над оборотом оружия, если люди смогут лучше контролировать свой брак»*.
2. Отсутствие контакта между членами семьи: исследования показали, что в семьях преступников часто наблюдалась низкая эмоциональная близость. Данный параметр не поддается исчислению, ведь даже в самых благополучных семьях бывают периоды сложных отношений. Школьные стрелки имеют еще один общий параметр — отсутствие эмпатии и неспособность сдерживать агрессию. Такое поведение может быть связано с их психотическими симптомами (потеря ощущения реальности) и/или последствием насильственной травматизации, такой как ран-

няя физическая жестокость, которая способствует развитию диссоциативных состояний ума (отрицание реальности, деперсонализация).

3. **Подростковый возраст, незрелость является одним из основных выявленных факторов, повышающих вероятность того, что человек совершит преступление. В то время как лобные доли мозга подростка находятся в развитии, он может больше полагаться на другую часть мозга — миндалевидное тело. Такое мышление более эмоционально, оно сопровождается импульсивностью и агрессией.**
4. В части стран количество смертей от огнестрельного оружия имеет прямую зависимость от количества оружия, находящегося у населения. Однако в некоторых странах с большим количеством владельцев оружия происходит очень мало смертей от его применения (например, Исландия).
5. Травля, издевательства имеют место абсолютно во всех школах и, похоже, играют немалую роль в жизни многих школьных стрелков. Для осуществления травли необходимо три вида участников: хулиган, жертва и наблюдатели. Эта формула позволяет хулигану создавать не только личное, но и общественное давление на жертву. Учащиеся, которые подвергаются издевательствам, склонны к развитию поведенческих проблем, депрессии, меньшему самоконтролю и более низким социальным навыкам. После унижения жертвы не хотят повторения и пытаются восстановить свой имидж, чтобы не быть отвергнутыми сверстниками. Как показывает практика, их план восстановления справедливости много раз приводил к насилию. В 75% случаев стрелки говорили или находили свидетельства того, что они были жертвами издевательства в школе.

В связи с вышеизложенным и в целях минимизации числа правонарушений, связанных с применением огнестрельного оружия, на наш взгляд, необходимо совершенствовать *статью 15 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия».*

Необходимо отметить, что в законодательных актах об оружии Российской Федерации и Киргизской Республики установлен иной возраст права на приобретение огнестрельного оружия, хотя в связи с последними трагическими событиями необходимо внести и в эти законодательные акты определенные изменения.

Например, в *Федеральном законе от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оружии» Статья 13. Право на приобретение оружия гражданами Российской Федерации* отмечается, что право на приобретение гражданского огнестрельного оружия ограниченного поражения имеют граждане Российской Федерации, достигшие возраста 21 года, граждане Российской Федерации, не достигшие возраста 21 года, прошедшие либо проходящие военную службу, а также граждане, проходящие службу в государственных военизированных организациях и имеющие воинские звания либо специальные звания или классные чины юстиции. Право на приобретение газового оружия, огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия самообороны, спортивного оружия, охотничьего оружия, сигнального оружия, холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов Российской Федерации или казачьей формой, имеют граждане Российской Федерации, достигшие возраста 18 лет.

А в Законе Кыргызской Республики от 9 июня 1999 года № 49 «Об оружии» в статье 15. Право на приобретение оружия гражданами Кыргызской Республики устанавливается, что: право на приобретение оружия самообороны, спортивного и охотничьего оружия, сигнального оружия и холодного клинкового оружия, предназначенного для ношения с национальными костюмами народов республики, имеют право граждане Кыргызской Республики, достигшие 20-летнего возраста, после получения разрешения на приобретение конкретного вида оружия в органах внутренних дел по месту жительства. Возраст, по достижении которого граждане Кыргызской Республики могут получить разрешение на хранение и ношение охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия, может быть снижен не более чем на два года соответствующими руководителями органов внутренних дел.

Как мы видим, в законодательных актах соседних государств установлен иной возрастной предел права на приобретение огнестрельного оружия, но в этих же законодательных актах законодателем прямо или косвенно дается право на снижение правоприменителем возрастного предела на приобретение гражданского оружия, в связи с чем необходимо внести определенную конкретизацию в законодательные акты для выдачи разрешения на ношение гражданского оружия.

Выводы

Таким образом, чтобы разрешить эту проблему, по нашему мнению, необходимо внести изменения и дополнения в статью 15 Закона Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» в следующей редакции:

1. Право на приобретение гражданского оружия имеют граждане Республики Казахстан, достигшие 21-летнего возраста, граждане РК; не достигшие возраста 21 года, прошедшие военную службу в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях и имеющие воинские звания либо специальные звания или классные чины имеют право после получения разрешения в органах внутренних дел по месту жительства.

Право на приобретение, хранение, ношение и использование метательного оружия (луков и арбалетов) для спортивных целей имеют граждане Республики Казахстан, достигшие 16-летнего возраста.

На наш взгляд, внесение изменений и дополнений в законодательство — это веление времени, особенно после трагических событий, которые происходят в разных уголках мира. Стоит также отметить, что эта мера далеко не единственная в деле борьбы с незаконным использованием оружия, на наш взгляд, необходимо дальнейшее исследование данной проблемы.

Проведенные исследования показывают, а практика подтверждает, что сейчас в мире нет ни одного государства, которое не сталкивалось бы с проблемой незаконного использования огнестрельного оружия.

В целях подтверждения актуальности исследования следует рассмотреть вопрос о его целесообразности. Отметим, что проблема необходимости ограничения оборота оружия в последнее время в научной литературе стала дискуссионной.

По мнению Г. Борзенкова, недооценка опасности рассматриваемых преступлений чревата гибелью людей, причинением вреда их здоровью, уничтожением имущества, насильственными посягательствами на иные охраняемые уголовным законом ценности. Исследуемые в работе деяния, кроме того, что создают угрозу ряду объектов, потенциально способствуют запуску целого ряда опасных преступлений, которые могут быть совершены с использованием предметов вооружения. Незаконный оборот оружия в современных условиях является одним из факторов, негативно влияющих на состояние криминогенной ситуации.

Заключение

Таким образом, наше предложение по внесению изменений и дополнений в закон «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» будет способствовать снижению числа преступлений, связанных с незаконным применением различных видов оружия. Нужно заметить, что государство обязано на высоком уровне обеспечивать права и свободы человека и гражданина, соответственно обязано и охранять их, т.е. осуществлять правоохранительные функции. Защита прав и свобод человека и гражданина является приоритетной задачей государства, так как данный принцип отражен в основном законе страны, что и должно обеспечиваться правовыми нормами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзенков Г. Дифференциация ответственности по новому УК: нереализованные возможности. Законность, 1997, № 10, 10–12.

Документационный центр ВОЗ. Здоровье подростков: Информационный бюллетень. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/component/attachments/download/105.html>

О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия: Закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 г. № 339-І (с изменениями и дополнениями по состоянию на 07.07.2020).

Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г., с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.03.2019. URL: <https://online.zakon.kz/>.

Корин И. С. Особенности криминалистической методики расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия: Дис. ... кан. юрид. наук. М., 2015.

Мамырханова М. ВОЗ предлагает поднять возраст совершеннолетия в Казахстане с 18 до 23 лет. Курсив, 2018, 6 марта. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2018-03/voz-predlagaet-podnyat-vozzrast-sovershennoletiya-v-kazakhstan-s-18-do-23> (дата обращения: 01.06.2021).

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. URL: <https://www.un.org/ru/documents/>

Сагинбеков К.С. и др. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Тараз, 2012.

Силвер К. Ученые: подростковый возраст надо увеличить до 24 лет. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42745514> (дата обращения: 01.06.2021).

Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК. URL: <http://adilet.zan.kz/>.

REFERENCES

Borzenkov G. (1997). Differentiaciya otvetstvennosti po novomu UK: nerealizovannye vozmozhnosti [Differentiation of responsibility under the new Criminal Code: unrealized opportunities]. *Legality*, no 10, 10–12.

Dokumentacionnyj centr VOZ. [WHO Documentation Center]. *Adolescent health: Newsletter*. URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/component/attachments/download/105.html> (accessed 1 May 2021).

O gosudarstvennom kontrole za oborotom otdel'nyh vidov oruzhiya: Zakon Respubliki Kazahstan ot 30 dekabrya 1998 goda № 339-I (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 07.07.2020 g.) [Law of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 1998 No. 339-I On state control over the circulation of certain types of weapons (With changes and additions as of 07.07.2020)]

Konstituivaya Respubliki Kazahstan (prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda, s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 23.03.2019) [The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the republican referendum on August 30, 1995, with amendments and additions as of 03/23/2019)]. URL: <https://online.zakon.kz/>.

Korin, I.S. (2015). *Osobennosti kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s primeneniyem ognestrel'nogo oruzhiya* [Peculiarities of forensic methods of investigation of crimes related to the use of firearms] (PhD Thesis). Moscow.

Mamyranova, M. (2018). VOZ predlagaet podnyat' vozrast sovershennoletiya v Kazahstane s 18 do 23 let [WHO proposes to raise the age of majority in Kazakhstan from 18 to 23 years]. *Kursiv*, March 06. URL: <https://kursiv.kz/news/obschestvo/2018-03/voz-predlagaet-podnyat-vozrast-sovershennoletiya-v-kazahstane-s-18-do-23> (accessed 1 June 2021).

Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah [International Covenant on Civil and Political Rights] of December 16, 1966. URL: <https://www.un.org/ru/documents/>

Saginbekov, K. S., et al. (2012). *Ugolovnoye pravo Respubliki Kazahstan. Obshchaya chast'* [Criminal law of the Republic of Kazakhstan]. Tараz.

Silver, K. *Uchenye: podrostkovyj vozrast nado uvelichit' do 24 let* [Scientists: adolescence should be increased to 24 years]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-42745514> (accessed 1 June 2016/2021).

Ugolovnyy kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 g. № 226-V ZRK [The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V ЗПК]. URL: <http://adilet.zan.kz/>

УДК 314.74

ОБРАЗ МИГРАНТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИИ¹

С.А. Сарыглар

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: syldysma93@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-03

Вопросы адаптации и интеграции мигрантов являются одними из основных направлений социологии миграции. Успех адаптации мигранта зависит не только от него самого, но и от местного сообщества. Каждый из них в разной степени сталкивается с последствиями и трудностями миграции. И действия каждой из сторон определяют успех миграционных процессов. В статье рассматривается вопрос адаптационного потенциала принимающего сообщества через изучение образов мигранта в представлении населения приграничного региона. В работе представлены результаты психосемантического эксперимента, проведенного в Алтайском крае в 2020–2021 гг. (n=85). Средний возраст респондентов — 31,4 года. Образ мигранта в представлениях населения исследуется через ролевые позиции «мигрант», «мигрант из стран СНГ», «трудоу мигрант». В качестве шкал были использованы 28 пар категорий, описывающих лиц с различной социальной активностью. На основе анализа средних значений и факторного анализа построены семантические пространства оценки ментальных репрезентаций «образа мигранта», «образа мигранта из стран СНГ», «образа трудового мигранта». Отмечается негативное восприятие образов «мигранта» и «мигранта из стран СНГ». Для них характерны такие категории: «выносливый», «чужой», «далекий», «нетерпеливый», «хитрый», «вызывает неприязнь», «воинственный». Трудоу мигрант определяется населением как честный, ответственный, трудолюбивый, религиозный, общительный, легкий на подъем и готовый прийти на помощь. Образ «трудоу мигранта» вызывает у населения больше доверия и воспринимается более позитивно, чем образы «мигранта» и «мигранта из стран СНГ».

Ключевые слова: миграция, принимающее общество, образ мигранта, мигрант, мигрант из стран СНГ, трудовой мигрант, приграничные регионы России

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №19-311-90039 «Аспиранты. Адаптивные стратегии мигрантов стран СНГ с позиции социальной эксклюзии / принятия местного сообщества приграничного региона России» (2019–2021).

IMAGE OF A MIGRANT IN THE POPULATION OF THE BORDER REGION OF RUSSIA'S NOTIONS

S.A. Saryglar

*Altai State University, Barnaul, Russia,
e-mail: syldysma93@mail.ru*

The issues of adaptation and integration of migrants are one of the main directions of the sociology of migration. The success of a migrant's adaptation depends not only on himself, but also on the local community. Each of them faces the consequences and difficulties of migration to varying degrees. And the actions of each of the parties determine the success of migration processes. The article examines the issue of the adaptive potential of the host community through the study of migrant images in the perception of the population of the border region. The paper presents the results of a psychosemantic experiment conducted in the Altai Territory in 2020—2021 (n = 85). The average age of the respondents is 31.4 years. The image of a migrant in the perceptions of the population is explored through the role positions “migrant”, “migrant from the CIS countries”, “labor migrant”. As scales, 28 pairs of categories were used, describing persons with different social activity. Based on the analysis of average values and factor analysis, the semantic spaces for assessing the mental representations of the “image of a migrant”, “the image of a migrant from the CIS countries”, “the image of a labor migrant” were built. There is a negative perception of the images of “migrant” and “migrant from the CIS countries”. They are characterized by such categories as “hardy”, “alien”, “distant”, “impatient”, “cunning”, “arouses hostility”, “warlike”. A labor migrant is defined by the population as honest, responsible, hardworking, religious, sociable, easy—going and ready to help. The image of a “labor migrant” inspires more confidence in the population and is perceived more positively than the images of a “migrant” and “a migrant from the CIS countries”.

Keywords: *migration, host community, image of a migrant, migrant, migrant from CIS, labor migrant, border regions of Russia*

Введение

Процессы адаптации и интеграции иностранных мигрантов являются одними из ключевых социально-значимых вопросов современного общества. Несмотря на развитость современной коммуникации и возможности непрерывного культурного обмена, адаптация и интеграция в новом обществе остается одним из сложных и решающих этапов миграции. От того, насколько успешно прошел процесс адаптации и интеграции, зависят дальнейшие шаги: остаться на длительный срок, возвращаться на родину или мигрировать дальше. Каким путем пойдет мигрант, зависит не только от него самого, но и от местного сообщества. Каждый из них в разной степени сталкивается последствиями и трудностями миграции. И действия каждой из сторон определяют успех миграционных процессов.

Социальная адаптация рассматривается как процесс приспособления личности к условиям социальной среды, как «социальный процесс, в котором и адаптант (личность или социальная группа), и социальная среда являются адаптивно-адаптирующими системами, то есть активно взаимодействуют, оказывают воздействие друг на друга» (Леденева, 2014).

Адаптация мигрантов предполагает нахождение баланса между притязаниями иммигрировавшего и имеющимися условиями, возможностями принимающей стороны, что является гарантом бесконфликтного сосуществования обеих групп.

Адаптация и интеграция мигрантов является неотъемлемой частью государственной миграционной политики. Во многих странах мира накоплен значительный опыт в государственном регулировании процессов адаптации, интеграции иностранных мигрантов. В России же данное направление только получает развитие. Так, о значимости процессов адаптации и интеграции мигрантов в миграционной политике государства впервые было упомянуто в Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. от 13 июня 2012 г., где отмечается, что «...важным элементом государственной миграционной политики Российской Федерации является обеспечение условий для адаптации и интеграции мигрантов...» (Рязанцев, 2018).

Успех процессов адаптации и интеграции мигрантов, главным образом, определяется характером взаимоотношений с принимающим обществом. Поэтому изучение адаптационного потенциала принимающего сообщества так же важно, как и исследование адаптивных стратегий самих мигрантов.

Изучение адаптационного потенциала принимающего сообщества — одно из направлений современных исследований. Миграция захватывает все сферы общественной жизни и затрагивает многие научные области. В социологии одним из направлений изучения адаптационного потенциала является исследование образов мигранта в представлениях населения (Абакумова, Гришина 2018; Усманова, 2020), СМИ (Базина, 2015; Аблажей, 2012) с применением как социологических, так и психологических методов.

Материалы и методы

Эмпирической базой исследования являются данные психосемантического эксперимента, проведенного в 2020–2021 гг. в Алтайском крае (n=85). Средний возраст респондентов составил 31,4 года. В качестве объектов оценки, выражающих межличностные обобщения и стереотипы, были взяты три ролевые позиции, представленные следующими смысловыми блоками: «мигрант», «мигрант из стран СНГ» и «трудовой мигрант». В качестве шкал были использованы 28 пар противоположных друг другу категорий, описывающих лиц с различной социальной активностью, которых необходимо было оценить по семибалльной шкале.

Методом исследования является построение психосемантических пространств на основе результатов факторного анализа. Данные были обработаны с использованием программы для статистической обработки данных SPSS Statistics23.

Результаты

Для выявления особенностей ментальных репрезентаций был проведен факторный анализ по каждой ролевой позиции.

На первом этапе были просчитаны средние значения по каждой паре категорий в каждой ролевой позиции (таблица 1).

Таблица 1.

Распределение средних значений дескрипторов по ролевым позициям

		«Мигрант»	«Мигрант из стран СНГ»	«Трудовой мигрант»	
1	Чужой	3,49	3,35	3,20	Свой
2	Не похожий на меня	3,65	3,39	3,43	Похожий на меня
3	Далекий	3,42	3,24	3,17	Близкий
4	Хитрый, расчетливый	3,31	3,47	3,77	Наивный, доверчивый
5	Нетерпеливый	3,66	3,51	3,89	Толерантный
6	Честный, порядочный	4,20	4,04	3,97	Неискренний, лживый
7	Вызывает неприязнь, отвращение	3,78	3,71	3,63	Вызывает симпатию, уважение
8	Воинственный	3,64	3,51	3,97	Безопасный
9	Общительный	3,65	3,90	3,97	Замкнутый
10	Выносливый	3,38	3,31	3,03	Слабый
11	Религиозный	2,89	2,76	2,86	Неверующий
12	Ответственный	4,00	3,96	3,89	Безответственный
13	Безграмотный, некультурный	3,61	3,43	3,77	Образованный, культурно развитый
14	Свободный	4,19	4,24	4,63	Зависимый
15	Бедный	3,66	3,47	3,40	Богатый
16	Законопослушный	4,21	3,90	4,00	Нарушает закон, мораль и порядок
17	Придерживается консервативных взглядов, традиций	3,17	3,21	3,37	Сторонник прогресса, инноваций
18	Социально незащищенный	3,24	3,29	3,89	Социально защищенный
19	Готов прийти на помощь	3,79	3,76	3,97	Равнодушный

		«Мигрант»	«Мигрант из стран СНГ»	«Трудовой мигрант»	
20	Легкий на подъем	3,53	3,51	3,97	Медлительный, неуверенный
21	Высококвалифицированный	4,59	4,47	4,66	Низкоквалифицированный
22	Трудолюбивый, целеустремленный	3,44	3,69	3,77	Ленивый, «плывет по течению»
23	Готов выполнять непрестижную работу и трудиться за низкую плату	2,95	3,18	3,17	Готов выполнять только высокооплачиваемую, престижную работу
24	Чувствует солидарность, единство с другими жителями России	4,79	4,47	4,57	Не чувствует связи с другими жителями России
25	Хорошо знает историю России	4,94	4,71	4,69	Плохо знает историю России
26	Владеет в совершенстве русским языком	4,71	4,49	4,44	Не владеет русским языком
27	Хорошо знает российскую культуру	4,80	4,88	4,97	Плохо знает российскую культуру
28	Придерживается норм и традиций только своей нации, народа	3,00	3,12	3,54	Придерживается общепринятых российских норм и традиций

Далее для каждой ролевой позиции был проведен факторный анализ.

«Образ мигранта»

В результате факторного анализа была получена семифакторная структура, объясняющая 72,4% общей дисперсии. 44,8% дисперсии объясняется первыми двумя факторами.

В семантическом пространстве можно выделить три группы факторов, расположенных в разных полюсах (рисунок 1).

Так, в первый фактор, объясняющий 30,1% общей дисперсии, с высокими положительными нагрузками вошли такие характеристики мигранта, как чужой (1), не похожий на меня (2), далекий (3), хитрый, расчетливый (4), нетерпеливый (5), вызывает неприязнь, отвращение (7) и воинственный (8).

Второй фактор описывает 14,7% общей дисперсии и включает в себя категории, характеризующие социальную активность мигрантов: ответственный — безответственный (12), нарушает закон, мораль и порядок (16), низкоквалифицированный (21), не чувствует связи с другими жителями России (24), плохо знает историю

России (25), плохо знает российскую культуру (27). По фактору 2 на положительном полюсе также расположились такие категории, как неискренний, лживый (6), зависимый (14), социально незащищенный (18), трудолюбивый, целеустремленный (22), не владеет русским языком (26).

В центре психосемантического пространства расположились характеристики: выносливый (10), готов выполнять непрестижную работу (4), придерживается консервативных взглядов (5), безграмотный, некультурный (5), бедный (6).

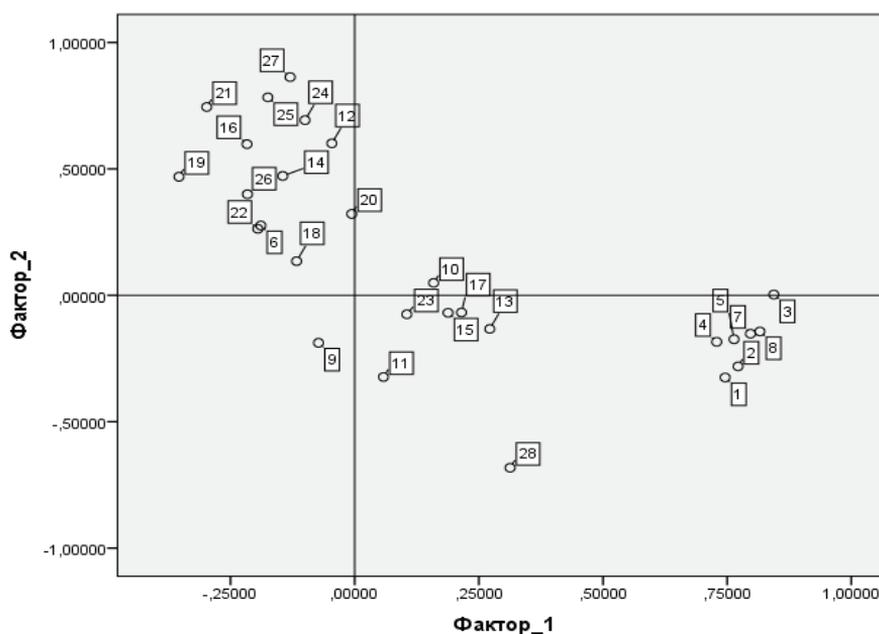

Рисунок 1 — Психосемантическое пространство оценки ментальных репрезентаций «образа мигранта».

Как видно, на психосемантическом пространстве на положительном поле по двум факторам расположилась категория «выносливый» (10).

«Образ мигранта из стран СНГ»

Факторный анализ ролевой позиции «образ мигранта из стран СНГ» позволил выделить также семифакторную структуру, объясняющую 80,9% общей дисперсии. 62,7% дисперсии объясняется первыми тремя факторами (рисунок 2).

В первый фактор (30,3% общей дисперсии) с высокими положительными нагрузками вошли характеристики, идентичные «образу мигранта»: чужой (1), не похожий на меня (2), далекий (3), хитрый, расчетливый (4), нетерпеливый (5), вызывает неприязнь (7), воинственный (8), придерживается консервативных взглядов (17) и традиций и норм только своей нации (28).

Во второй фактор, объясняющий 18,6% дисперсии, с положительными нагрузками вошли такие характеристики мигранта, как ответственный (12), низкоквалифи-

цированный (21), не чувствует связи с жителями России (24), плохо знает историю России (25), не владеет русским языком (26), плохо знает российскую культуру (27).

По второму фактору на положительном полюсе также расположились категории, подчеркивающие зависимое (14) и социально незащищенное (18) положение мигрантов, а также их законопослушность (16), готовность прийти на помощь (19), легкость на подъем (20) и целеустремленность (22).

На положительном полюсе по двум факторам расположились категории, характеризующие мигранта из стран СНГ прежде всего как чужого (1) и общительного (9).

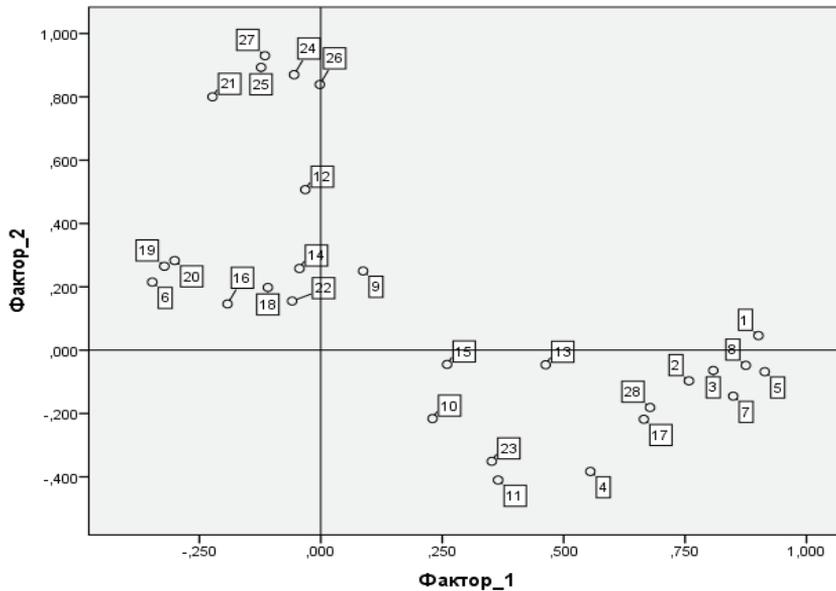

Рисунок 2 — Психосемантическое пространство оценки ментальных репрезентаций «образа мигранта из стран СНГ».

«Образ трудового мигранта»

В результате факторного анализа ролевой позиции «трудоустройство мигранта» была получена шестифакторная структура, объясняющая 80,5% общей дисперсии. 65,5% общей дисперсии объясняется первыми тремя факторами (рисунок 3).

В первый фактор, описывающий 37,7% дисперсии, с наибольшими положительными нагрузками вошли категории, описывающие позитивные личностные характеристики мигранта: честный (6), общительный (9), ответственный (12), готов прийти на помощь (19), легкий на подъем (20), трудолюбивый (22), а также категории, характеризующие уровень знаний российской культуры: плохо знает историю России (25), плохо знает российскую культуру (27).

Во второй фактор, объясняющий 15,6% общей дисперсии, вошли категории, характеризующие мигранта как «другого»: чужой (1), непохожий (2), далекий (3), хитрый (4), нетерпеливый (5), вызывает неприязнь (7), воинственный (8).

В центре психосемантического пространства расположились категории, вошедшие в третий фактор (12,2% общей дисперсии): религиозный (11), зависимый (14), бедный (15), придерживается консервативных взглядов (17), социально незащищенный (18), готов выполнять непрестижную работу (23).

На положительном полюсе по обоим факторам расположились категории непохожий (2), религиозный (11), зависимый (14), не владеет русским языком (26).

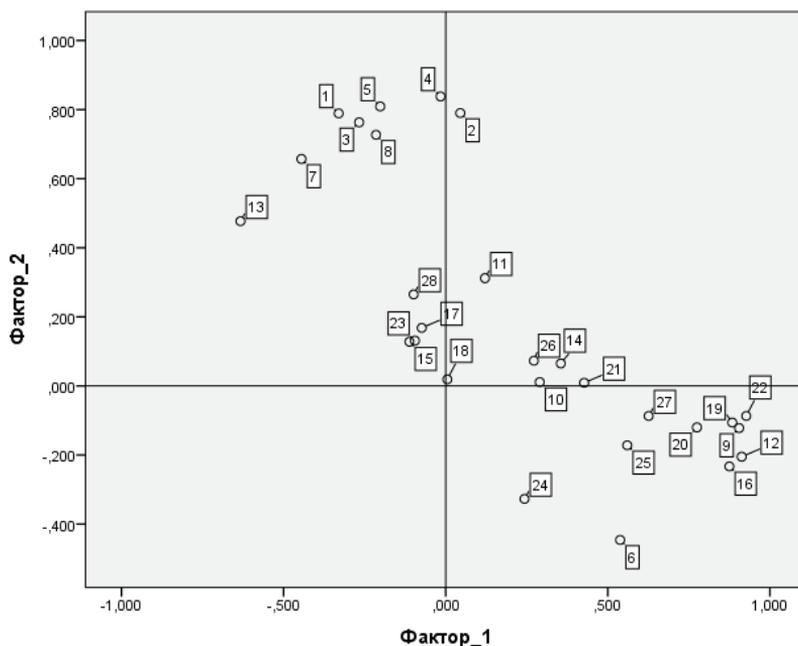

Рисунок 3 — Психосемантическое пространство оценки ментальных репрезентаций «образа трудового мигранта».

Обсуждение

Изучение образов «другого» занимает особое место среди исследований миграционных процессов. Под образом в общем смысле понимается «результат отражения объекта в сознании человека» (Максимова, Омельченко и др., 2017). Эти образы чаще всего становятся поведенческими «двигателями» и определяют действия и характер взаимоотношений с тем или иным объектом.

Образ «другого» становится ключевым фактором, определяющим отношение человека к другим людям. Взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества — это один из примеров взаимоотношений, когда образ «другого» определяет характер взаимоотношений и возможности их дальнейшего развития.

На основе данных психосемантического эксперимента были построены семантические пространства, описывающие образы «мигранта», «мигранта из стран СНГ» и «трудового мигранта».

Выбор данных ролевых позиций объясняется результатами социологических исследований среди иностранных мигрантов, где большинство мигрантов, пребывающих в приграничных регионах России, являются трудовыми мигрантами и гражданами стран СНГ (Сарыглар и др., 2019).

Как показывают результаты проведенного психосемантического эксперимента, в представлениях населения Алтайского края образы «мигрант» и «мигрант из стран СНГ» являются больше идентичными. Оба образа мигранта включают в себя такие характеристики, как чужой, непохожий на меня, далекий, хитрый, не-терпеливый, вызывающий неприязнь и воинственный.

«Мигранта из стран СНГ», в отличие от «мигранта», респонденты характеризуют как приверженца консервативных взглядов, традиций и норм своей национальности.

Главным критерием, отличающим «мигранта» от «мигранта из стран СНГ» и «трудового мигранта», стала его выносливость. На семантическом пространстве «образа мигранта» на положительном полюсе по первому и второму фактору расположилась характеристика «выносливый».

В семантическом пространстве «мигранта из стран СНГ» на положительном полюсе расположились такие характеристики, как «общительный» и «чужой». Чтобы ответить на вопрос, почему главными характеристиками «мигранта» стала выносливость, а «мигранта из стран СНГ» — общительность, потребуется проанализировать результаты дополнительных исследований, проведенных как среди населения, так и среди мигрантов.

Третья заданная нами ролевая позиция — «трудового мигранта», в отличие от двух других, позитивно воспринимается населением. Так, трудового мигранта население региона описывают прежде всего как честного, общительного, ответственного, готового прийти на помощь, легкого на подъем и трудолюбивого человека. При этом отмечают, что он плохо знает историю России и российскую культуру. На положительном полюсе семантического пространства расположились такие характеристики мигранта, как непохожий, религиозный, зависимый и не владеет русским языком.

Образ «трудового мигранта» формирует у населения больше позитивного отношения к миграции и мигрантам, чем образ «мигранта» или «мигранта из стран СНГ». Поэтому для развития адаптационного потенциала принимающего сообщества необходимо прежде всего изучить факторы и причины негативного восприятия образа «мигранта» и «мигранта из стран СНГ».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абакумова И.В., Гришина А.В. Образ мигранта в отечественных СМИ: особенности ценностно-смыслового восприятия в молодежной среде. Российский психологический журнал, 2018, 8 (1), 9–19. doi: 10.21702/rpj.2011.1.1

Аблажей Н.Н. Образ трудового мигранта в прессе и массовом сознании россиян. Вестник НГУ. Серия: История, филология, 2012, No 6, 17–23.

Базина Е.С. Тема миграции и мигрантов в российских СМИ: образ «чужого» и проблема информационной объективности. *Бизнес. Общество. Власть*, 2015, No 23, 24–36.

Леденева В.Ю. Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе: дисс. ... д-ра соц. наук. М, 2014.

Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П. Психосемантические модели восприятия этнических образов в оценках населения Алтайского края и Республики Алтай. *Политика и общество*, 2017, No 8, 76–94.

Рязанцев С.В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России. *Социологические исследования*, 2018, No 1, 105–111. doi: 10.7868/S0132162518010117

Сарыглар С.А., Максимова С.Г., Черепанова М.И., Молодикова И.Н., Куприянова И.В. Миграционная безопасность приграничных территорий России (на примере социологических исследований). *Социодинамика*, 2019, No 12, 189–201. doi: 10.25136/2409-7144.2019.12.31459

Усманова З.Р. Образ мигранта в сознании российской молодежи. *Русская политология*, 2020, 1 (14), 50–59.

REFERENCES

Abakumova, I.V., Grishina, A.B. (2018). *Obraz migranta v otechestvennyh SMI: osobennosti cennostno-smyslovogo vospriyatiya v molodezhnoj srede* [The image of a migrant in the Russian media: features of value-semantic perception among young people]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], 8 (1), 9–19. doi: 10.21702/rpj.2011.1.1

Ablazhej, N.N. (2012). *Obraz trudovogo migranta v presse i massovom soznanii rossiyan* [The image of a labor migrant in the press and the mass consciousness of Russians]. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], no 6, 17–23.

Bazina, E.S. (2015). *Tema migracii i migrantov v rossijskih SMI: obraz «chuzhogo» i problema informacionnoj ob'ektivnosti* [The topic of migration and migrants in the Russian media: the image of the “alien” and the problem of information objectivity]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast'* [Business. Society. Government], no 23, 24–36.

Ledeneva, V.Yu. (2014). *Social'naya adaptaciya i integraciya migrantov v sovremennom rossijskom obshchestve* [Social adaptation and integration of migrants in modern Russian society] (PhD Thesis), Moscow.

Maksimova, S.G., Omelchenko, D.A., Noyanzina, O.E., Goncharova, N.P. (2017). *Psihosemanticheskie modeli vospriyatiya etnicheskikh obrazov v ocenках naseleniya Altajskogo kraja i Respubliki Altaj* [Psychosemantic models of perception of ethnic images in the assessments of the population of the Altai Territory and the Altai Republic]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], no 8, 76–94.

Ryazancev, S.V. (2018). *Integraciya migrantov v kontekste vneshej migracionnoj politiki Rossii* [Integration of migrants in the context of Russia's foreign migration policy]. *Sociologicheskie Issledovaniya* [Sociological research], no 1, 105–111. doi: 10.7868/S0132162518010117

Saryglar, S.A., Maksimova, S.G., Cherepanova M.I., Molodikova I.N., Kupriyanova I.V. (2019). Migracionnaya bezopasnost' prigranichnyh territorij Rossii (na primere sociologicheskikh issledovanij) [Migration security of the border territories of Russia (on the example of sociological research)]. *Sociodynamica* [Sociodynamics], no 12, 189–201. doi: 10.25136/2409-7144.2019.12.31459

Usmanova, Z.R. (2020). Obraz migranta v soznanii rossijskoj molodezhi [The image of a migrant in the minds of Russian youth]. *Russkaya politologiya* [Russian political science], 1 (14), 50–59.

УДК 316.48

ПРОБЛЕМА УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В ДР КОНГО С ПОЗИЦИИ КОНФЛИКТНОЙ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА РАЛЬФА ДАРЕНДОРФА

Г.А. Труфанов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: valentinothedoctor123@gmail.com*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-04

Вопрос изучения сущности конфликта как процесса в разрезе современных политических исследований ставит вопрос о применении междисциплинарного метода, основанного на синтезе парадигм и подходов. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа конфликта в данном регионе в свете релевантности оценки стратегий поддержания в регионах с политической и военной нестабильностью в Африке. Научная новизна исследования обусловлена отсутствием попыток анализа перспектив урегулирования конфликта в Демократической Республике Конго (ДРК) в рамках конфликтной модели общества Ральфа Дарендорфа, как базиса для выстраивания концепта урегулирования конфликта в ДРК. Целью работы является рассмотрение сущностных параметров конфликтного процесса в ДРК, данный конфликт является самоконституирующим и одним из самых кровопролитных в истории независимых африканских государств, он осложняется огромным количеством участников конфликта на разных его этапах. Основной проблемой для решения была выбрана необходимость оценки процедуры урегулирования конфликтных противоречий в ДРК и возможности снижения присутствия насильственного компонента во взаимодействии, а также была проанализирована роль социально-политических институтов общества, которые могли бы благоприятно выступать в роли институтов миростроительства и принуждения к миру, с не теряющей актуальности деятельностью МООНДРК и ООН в целом. Основным результатом исследования выступает выработка концепции урегулирования конфликтов в ДРК, построенная на теории социального конфликта Ральфа Дарендорфа. Автор приходит к выводу, что редукция насилия в конфликте в ДРК и урегулирование конфликта в данном регионе возможны лишь при должном методологическом и теоретическом обеспечении процесса миростроительства. Подчеркивается также важность повышения темпа развития армии и полиции в ДРК, важность воздействия международных акторов в урегулировании конфликта через авторитет, а не через прямую интервенцию в конфликт.

Ключевые слова: Конго, ДРК, миротворчество, конфликт, противоречия, интересы, урегулирование, конфликтология

THE PROBLEM OF CONFLICT REGULATION IN THE DR CONGO FROM THE PERSPECTIVE OF RALPH DARENDORFF'S CONCEPT OF CONFLICT REGULATION

G.A. Trufanov

*St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russia,
e-mail: valentinothedoctor123@gmail.com*

The question of studying the essence of conflict as a process in the context of modern political studies raises the question of applying a new method – an interdisciplinary one based on the synthesis of paradigms and approaches. The relevance of the study is determined by the need to analyze the conflict in this region in the light of the relevance of assessing support strategies in regions with political and military instability in Africa. The purpose of this study is to consider the essential parameters of the conflict process in the DRC, this conflict process is constitutional and one of the bloodiest in the history of independent African states, complicated by a huge number of participants in the conflict at different stages. It is also necessary to analyze the role of the so-called managers in the conflict in the context of the essential transition and political transformation of the Congo after 1960 and the acquisition of formal independence against the background of the continuing expansion of Western corporations into the economic sector of the DRC. The main problem to solve was the need to assess the procedure for resolving conflict contradictions in the DRC and the possibility of reducing the presence of a violent component in the interaction, and the role of socio-political institutions of society that could favorably act as institutions for peace-building and peace enforcement, with the activities of MONUC and the UN as a whole not losing relevance. The main result of the research is the development of the concept of conflict resolution in the DRC, based on the theory of social conflict by R. Darendorf. The author comes to the conclusion that the reduction of violence in the conflict in the DRC and the settlement of the conflict in this region are possible only with proper methodological and theoretical support for the peace-building process. The author also emphasizes the importance of increasing the pace of development of the army and police in the DRC, the importance of the influence of international actors in resolving the conflict through authority, and not through direct intervention in the conflict.

Keywords: *Congo, democratic Republic of Congo, peacekeeping, conflict, contradictions, interests, resolving, conflict*

Введение

В данной работе авторы отразили современный взгляд на проблему конституированного конфликта в ДРК. Ее разработкой в отечественной науке занимались такие известные отечественные специалисты, как Г.М. Сидорова (2012, 2013, 2019), И. Евдокимов (2015). В зарубежной научной среде авторитетными специалистами

по данной тематике являются Т. Виркулон (Vircoulon, 2009), а также К. Намангале (Namangale, 2015) и П. Эббот (Abbot, 2014). Огромное количество докладов, резолюций, материалов «полевой» деятельности контингента ООН в ДРК предоставляет доступ к информации о реальном состоянии дел в данном регионе. Анализ конголезской проблемы, предложенный в данной работе, отличается от предыдущих попыток осмысления этого вопроса в первую очередь сущностью и новаторством подхода к изучению проблемы (междисциплинарность, синтез и обобщение знания из разных областей), позволяющего рассмотреть проблему с разных позиций. Актуальность исследования обусловливается постоянно возрастающими рисками, связанными с необходимостью поиска и имплементации эффективных инструментов урегулирования и диагностики конфликта в регионах с политической и военной нестабильностью. Основной целью данного исследования выступает рассмотрение ключевых параметров конфликтных процессов в ДРК. Эти процессы представляются самоконституирующимися, осложненными развитием по горизонтали вкупе с расширением круга групп интересов, включаемых в круг сторон и оппонентов. Основной проблемой для решения в данном исследовании была выдвинута разработка концепции конфликтологической теоретизации процессов урегулирования конфликта в ДРК на основе модели конфликта Ральфа Дарендорфа. Была проанализирована роль социально-политических институтов общества, служащих в качестве позитивных элементов процессов урегулирования конфликта. Основным результатом исследования выступает построение концепции урегулирования конфликта в ДРК, разработанной на основе теории социального конфликта Ральфа Дарендорфа. Автор приходит к выводу, что редукция насилия в конфликте в ДРК и урегулирование конфликта в данном регионе возможны лишь при должном конфликтологическом методологическом и теоретическом обеспечении процесса миростроительства. Необходимо продолжение реформирования армии и полиции в ДРК, утверждение их как инструментов урегулирования конфликта; необходимо управление конфликтом в ДРК со стороны международных организаций через их авторитет, экспертное мнение, супервизию, построение эффективных кооперативных отношений с властями ДРК, а не через прямую интервенцию в конфликтный процесс.

Конфликтное взаимодействие с высокой концентрацией насилия в ДРК.

Надо понимать, что оно конституировано, и редукция насилия в конфликте возможна лишь при его правильном урегулировании (Абгаджава, Петрова, 2018; Абгаджава, 2014). В этом отношении мы будем отталкиваться от концепции конфликта Ральфа Дарендорфа. Основным интересующим нас моментом является тезис о невозможности разрешения конфликта, так как базовые противоречия, лежащие в основании конфликта в ДРК, а именно экономические факторы, как первооснова интервенции в конфликт крупных корпораций, иностранных государств, огромное количество НВФ не могут быть сняты как детерминанты. В данном случае конфликт можно трактовать как столкновение антагонистически непримиримых интересов социальных групп. Представитель позитивно-функциональной теории конфликта Льюис Козер дал следующее определение социальному конфликту в «Функциях со-

циального конфликта»: социальный конфликт — это борьба за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников (Coser, 1956: 8–16). Отсюда становится ясно, что социальный конфликт несет в себе агональный аспект, он всегда является неким состязанием за наиболее полное удовлетворение своих потребностей, но не всегда интересы отдельно взятого индивида способны сочетаться с интересами общества, социальных групп и т.д. Необходимо принимать во внимание, что конфликт — это всегда способ негативного взаимодействия, характеризующийся наличием у субъектов интеракции установки на борьбу (Стребков, 2009; Стребков, Алдаганов, Газимагомедов, 2013). Льюис Крисберг отмечал, что необходимо рассматривать конфликт не как изолированную от реальности структуру, но как часть контекста реальности, зачастую оказывающую влияние на окружающую среду (Krisberg, 1973:10-17). Разрешить конфликт — это значит осуществить такое воздействие на детерминанты противоречий, которое прекратит их фактическое существование и не позволит им возникнуть вновь; речь здесь о причинах и их проявлениях в виде спорных проблем, но никак не о проявлениях конфликта. Разрешение с позиции Дарендорфа есть несостоятельный концепт. Таким образом, остается два основных способа влияния на конфликт. Первый способ — подавление конфликта. В случае с политическим конфликтом этот способ — уничтожение артикуляции интересов оппозицией или частичное удовлетворение ее интересов с последующим исполнением этих интересов в поле практики. Да, насильственные формы проявления конфликтных противоречий будут протекать скрытно и их мимикрия и частичное уничтожение оппозиции не дадут результата в долгосрочной перспективе, режим Мобуту продемонстрировал варианты подавления политического конфликта с оппозицией путем включения оппозиционеров в коррупционную сеть, но такое подавление все равно не позволило режиму Мобуту держаться вечно, поэтому можно понять, что подавление неэффективно в плане монументальности и длительности результата. Учитывая же особенности генезиса политического процесса ДРК, такие как затруднения в коммуникации внутри страны, трибализм, роль вооруженных сил и их слабую готовность и оснащенность, силу НВФ, можно прийти к выводу что причины слишком фундаментальны, чтобы измерить их во временном отношении, они должны быть измерены в культурном: т.е. должна быть признана их «инаковость» и особенность и невозможность их самоизживаемости и ликвидации извне путем воздействия на причины споров (Darendorph, 1959: 223–230). Подобные идеалистические модели здесь результата не возымеют. Поэтому в случае с ДРК необходимо заявить об урегулировании конфликта — как методе, имеющем реальную теоретическую силу для воздействия на конфликтное взаимодействие. Данный метод нацелен на проявления конфликтного взаимодействия и предполагает длительное существование противоречий, которое невозможно снять в одночасье (Darendorph, 1959: 223–230). Стоит отметить, что для достижения эффективности урегулирования конфликта по Дарендорфу необходимо соблюдение как минимум трех факторов. Во-первых, стороны должны осознать неизбежность и реальность своих взаимных притязаний в конфликте вкупе с за-

конностью мотивов оппонента. Речь идет не о том, что содержание интересов оппонента должно осознаваться как справедливое, но справедливое и закономерное в плане природы самого притязания и наличия своего интереса в конфликте: признание реалистичности конфликта обеими сторонами как неизбежного наличия проблемы и права на достижение своих целей в конфликте, изложения своей позиции в многостороннем диалоге. Нельзя делать избыточный упор и на общность целей, в случае с ДРК этот аспект приведет к дезинтеграции и саморазрушению коалиций правительственных сил и чрезмерному потаканию интересам НВФ, чего нельзя допускать, надо осознавать «демаркационные линии в конфликте». Во-вторых, необходимо достижение институализации групп интересов — организация, в данном случае на примере НВФ. Организация означает структурирование коалиций сторон с целью взаимно продуктивной артикуляции и формирования проблемных вопросов, подлежащих обсуждению, а значит, урегулированию. Согласно позиции Льюиса Козера, описанной в «Функциях социального конфликта», формирование групп приведет к эффективному диалогу и более четкому осознанию своих целей в конфликте, для огромного количества НВФ данный момент является довольно спорным, так как сама их природа не подразумевает структурированности и организации в коалициях с друг другом. Об их уничтожении не идет речи, так как сами социальные причины порождают их (BBC, 2021; Harper, 2021). Но осуществляется правовое и экономически санкционное воздействие международных сил, таких как ООН и коалиции иностранных государств, включенных в миротворческую деятельность на территории ДРК, на их бенефициаров — экспортеров полезных ископаемых, покупателей, транспортеров и т.д., иными словами, воздействие на источник материального благополучия. Воздействие заключается в сужении каналов незаконного или нежелательного экспорта до узкого ряда компаний, данный момент позволит поставить НВФ перед лицом единой для них всех опасности. К. Маркс считал, что единство и универсальность страданий приводит к интеграции классов, то же самое справедливо и применительно к НВФ, ведь их интеграция, как элемент создания вынужденной коалиции, приведет к их структуризации в условиях «выживания» — отсюда возможность их более широкого коалиционного представления в рамках диалога с правительственными силами. И третий, самый главный момент урегулирования конфликта представляет собой формализацию процедурного процесса и выбор формы роли третьей стороны в урегулировании конфликта. Процедурные правила включают в себя процедурные ограничения во взаимодействии субъектов, влияющие на форму протекания процессов урегулирования без влияния на сам исход урегулирования. Такими процедурными ограничениями могут являться установление времени и места переговоров, нейтральность территории, на которой будет происходить процесс урегулирования, статус участия третьей стороны и т.д. Такие правила помогают институализировать процедуру урегулирования, сделать ее максимально конструктивной и рациональной, снизить влияние эмоционального фона и аффектов. Касательно же формы урегулирования конфликта в целях редукции насильственного компонента — здесь стоит обратиться к Керру, которого цитировал Дарендорф в своей работе «Классы»: примирение, посредниче-

ство и арбитраж как наиболее эффективные формы. Что с практической точки зрения из этих трех форм наиболее предпочтительно в условиях протекания конфликтов в ДРК? Учитывая культурные аспекты, этническое многообразие, можно прийти к выводу, что примирение — вариант, наиболее затруднительный при работе с рутинизированным конфликтом в условиях столь масштабной этнической и языковой диверсификации, а также в условиях трайбализма и коррупции. Поэтому участие третьей стороны (посредничество и арбитраж) представляется как наиболее эффективная форма управления в конфликте в условиях ДРК. То же справедливо и для переговоров при участии третьей стороны, как организатора и авторитетного супервайзера всего процедурного процесса, выбора нейтральной территории, выработки нормативных организационных документов, сопроводителя переговоров на всех стадиях и помощника в составлении итоговых документов по соглашениям и гаранта их исполнения. Таким образом, авторитет и сила принуждения третьей стороны поможет преодолеть сопротивление при урегулировании конфликта, а ресурсная и нормативная база поможет удержать намеченный курс и укрепить прочность соглашений. Так, ООН посредством МООНСДРК воздействует и воздействовала на НВФ не через силу оружия в первую очередь, а через авторитет, а сама ООН в совокупности всех своих подразделений и мандатов выступала как гарант исполнения обязательств сторонами. Упорядоченность и институализированность отношений снимает остроту и редуцирует компонент насилия в конфликте. Причины конфликта, которые самоконституировались, изжить и ликвидировать невозможно, можно эффективно урегулировать конфликт и воздействовать на его проявления, делая его при этом инструментом социального прогресса. Важно определить форму участия ДРК как государства в данном процессе. Основными стратегиями поведения, по Кеннету Томасу, здесь могут быть сотрудничество, компромисс, консенсус. ДРК следует транслировать свой авторитет в мирном процессе и быть готовой на некоторые уступки, но нельзя демонстрировать нерешительность, слабость, отклонения от центрального курса в урегулировании проблемы. Авторитет и сила поддержки мирового сообщества — помощники ДРК.

Заключение

Проблема анализа самоконституирующихся конфликтов в ДРК уже разрабатывалась отечественными исследователями, пытавшимися дать конструктивный ответ на вопрос о природе конфликтов в ДРК, отмечавших релевантность усилий МООНСДРК по редукции насилия в Конго (Сидорова, 2012, 2013, 2019). Что делает работу с конфликтом возможной и продуктивной? Как возможно построить кооперативный и конструктивный процесс урегулирования конфликта в данном случае и что будет выступать его базисом? Ответ на данный вопрос лежит в пределах сущности кооперации (Crawford, 2017); (Ott, Lühe, 2018). Здесь, конечно же, важны два элемента — диалог и учет интереса оппонента в конкурентной борьбе. С построением конструктивного диалогового процесса все понятно, учет интереса оппонента ведет к продуктивности взаимодействия и преодоления этноцентризма, так развитого в ДРК. Это не слабость правительства, но залог будущей интеграции

в общество членов НВФ, более того, угроза потери всего только обострит сопротивление мятежников. Автор считает оптимальным решением разработку государственных социальных программ в сфере интеграции членов НВФ в общественную среду — сюда относится амнистия рядовым членам (не военным преступникам), возможность трудоустройства и т.д. Как можно в данном случае измерить величину конфликта? Первое, что стоит учитывать, — это огромный сектор государственной экономики в добывающей промышленности ДРК, в котором по-прежнему преобладающей силой являются иностранные гиганты и фирмы-посредники, делающие «грязный» в моральном отношении кобальт чистым и легальным. НВФ же могут являться инструментом конституирования и жизнеутверждения конфликта в ДРК, как инструменты социальной дезинтеграции. В каком отношении это выгодно иностранному капиталу? Как известно, ДРК еще с колониального периода своей истории была полем интереса для добывающих европейских корпораций, 1960 г. и обретение независимости в данном отношении мало что изменили. Конфликт выгоден для данной стороны как отвлекающий маневр для сокрытия эксплуатации, отчуждения. Легко все списать на войну и поствоенный период; разруха, воровство, бедность, патрон-клиентские отношения и бытовая коррупция — все это квинтэссенция застоя и инволюции, столь опасной для ДРК, но ведь трудно не согласиться, что это не всегда принесено войной. Стоит обратить внимание на сущность классового родства в экономическом и иных отношениях населения и участников НВФ. Все эти люди находятся примерно на одном социальном уровне, а существует проблема бедности, отсутствия социальной мобильности.

Необходимо признать, что помощь в построении эффективных армии и полиции — неотъемлемая часть процесса урегулирования конфликта. Армия и полиция — важнейшие институты урегулирования конфликта в ДРК. Стоит отметить, что важным институтом интеграции многочисленных этносов ДРК и универсальным инструментом артикуляции интереса стабильности является католическая церковь ДРК, как авторитетный институт, понятный и доступный большинству. Церковные иерархи не раз доказывали свою способность влиять на широкие массы, церковь способствует выстраиванию системы образования и дарит надежду людям в самых отдаленных территориях Конго, даже там, где правительство присутствует лишь номинально. Роль католической церкви Конго как института посредничества в переговорном процессе сложно переоценить. Примером тому является деятельность Апполинера Малу Малу, который выступал посредником в переговорном процессе между более чем 20 группировками на востоке страны в 2008 г. (Malacaria, 2007). Церковь — институт, стремящийся стать отправной точкой в интеграции, и от правильного отношения к ней зависит будущее процесса урегулирования конфликта. Какие основные проблемы и пути воздействия на них можно выделить в современных конголезских ВС? Проблема в данном случае — разрыв между текущей действительностью и желаемой. Основная проблема для армии ДРК — трайбализм, присущий в целом многим африканским странам, в случае с ВС это выражается в кумовстве и несправедливом и нелегальном распределении руководящих и иных должностей и хищении средств и имущества. Вторая немаловажная проблема — маленькие зарплаты и пенсии, что

соответственно ведет к злоупотреблению служебным положением, а отсюда и к нарушению прав человека — воровству, насилию. Следующий момент — техническая недооснащенность ВС и полиции. Например, на 2018 г. парк танков состоит в основном из старых советских машин типа Т-64 и китайских Тип 59 (International Security Sector Advisory Team, 2020). Заторможенность в развитии ВС в Африке в принципе связана с госпереворотами, нежеланием делать армию сильной, дабы избежать сильного оппонента в случае следующего переворота. Еще одним моментом является процветающий рутинизированный анимизм, вера в сверхъестественные силы, которые якобы готовы защитить солдат от пуль или сделают их невидимыми; это не раз приводило к краху в боевых операциях в прошлом, даже со времен осады Стэнливилля ситуация далеко не ушла. Также было распространено дезертирство, да и вообще отсутствие дисциплины и понимания того, что есть служба. Были попытки модернизации армии, примером тому стали дни стратегического планирования в 2003 г., когда была сделана попытка размещения контингентов ВС и полиции ДРК на местах, а также высказан постулат о намерении отставания между внутривластными институтами и постановлениями правительства. В августе 2011 г. был ратифицирован закон, коренным образом изменивший сущность ВС ДРК: закон о ВС ДРК — правовой фундамент и регламентация правовых отношений в ВС как контрактной армии. Стоит отметить, что данный закон стал платформой для преодоления в ВС таких нарушений прав человека, как насильственное рекрутирование детей, грабеж, сексуальное насилие, которое стало рутинизированным для ВС (Van der Lijn, Glawion, De Zwaan, 2019; International Security Sector Advisory Team, 2020). К разладу в дисциплине и в самом «здании армии» можно отнести участие военнослужащих в бандформированиях и контрабанде ресурсов. Выход в данном случае заключается в переоснащении и диверсификации этнического состава армии, установлении ее развития как института урегулирования конфликта и поддержания мира. Трайбализм, недостаточная оснащенность и подготовка — основные проблемы армии ВС. Здесь открывается огромный плацдарм для сотрудничества между Российской Федерацией и ДРК. В целом общая картина продуктивности полицейских сил и армии улучшается, продуктивность и профессионализм растут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абгаджав Д.А. Идеология и воспроизводство социально-политического порядка. Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения, 2014, No 3, 29–35.

Абгаджав Д.А., Петрова Н.В. Насилие и конфликт в межкультурном взаимодействии. Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, 2018, No 3, 402–413. doi: 10.21638/11701/spbu17.2018.308

Евдокимов И. Демократическая Республика Конго: «сердце Африки» — страна Патриса Лумумбы. К 55-летию установления дипломатических отношений. Международная жизнь, 2015, No 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1313> (дата обращения 17.02.2021).

Сидорова Г.М. Кто виноват в нестабильности Демократической Республики Конго? Вестник МГИМО, 2014, 6 (39), 29–36.

Сидорова Г.М. Политическая оппозиция в Демократической Республике Конго: акторы, ресурсы и стратегии борьбы. Вестник Пермского университета. Серия: Политология, 2019, No 3, 36–43. doi: 10.17072/2218-1067-2019-3-36-43

Сидорова Г. М. Проблема безопасности и реформы армии Демократической Республики Конго. Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2013, 3–2, 171–182.

Сидорова Г.М. Проблема миротворчества в условиях обострения конфликтов в Демократической Республике Конго. Научный диалог, 2012, No 9, 75–90.

Стребков А.И. Конфликтология в культурном и образовательном пространстве России. В кн: Конфликтология для XXI века: наука — образование — практика. Т. 1. СПб: Философский факультет СПбГУ, 2009. С. 415–421. doi 10.31312/978-5-6043166-1-0

Стребков А.И., Алдаганов М.М., Газимагомедов Г.Г. Российская конфликтология между настоящим и прошлым. Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология, 2013, No 1, 66–76.

Abbot P. Modern African wars. Osprey publishing, Oxford, 2014, No. 4. pp 3-16.

Congolese Army Military equipment and vehicle Democratic Republic of the Congo. URL: https://www.armyrecognition.com/democratic_republic_congo_rdc_army_uk/republic_democratic_congo_congolese_army_land_ground_forces_military_equipment_armoured_vehicle_uk.html (дата обращения 17.02.2021).

Coser L. The functions of the social conflict. NYC: The free press, 1956.

Crawford A. Conflict-Sensitive Conservation in the Maiko-Tayna-Kahuzi-Biega Landscape: Conflict analysis. International Institute for Sustainable Development. IISD, 2017.

Darendorpf R. Class and class conflict in industrial society. Stanford university press. California, 1959.

DR Congo's mysterious metal monolith destroyed by mob. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-56112310> (дата обращения 20.02.2021).

DRC: Transforming the Congolese Armed Forces. URL: <https://issat.dcaf.ch/Learn/Resource-Library2/Case-Studies/DRC-Transforming-the-Congolese-Armed-Forces> (дата обращения 17.02.2021).

Harper M. Killings by rebels 'have doubled' in DR Congo. URL: https://www.bbc.com/news/topics/cvenzmgylgwt/democratic-republic-of-congo?ns_mchannel=social&ns_source=twitter&ns_campaign=bbc_live&ns_linkname=6011966554a69202e80dded6%26Killings%20by%20rebels%20%27have%20doubled%27%20in%20DR%20Congo%262021-01-27T17%3A48%3A03.969Z&ns_fee=0&pinned_post_locator=urn:asset:efe60fea-e9ff-4751-8947-b966c42d645a&pinned_post_asset_id=6011966554a69202e80dded6&pinned_post_type=share (дата обращения 17.02.2021).

Harper M. Separatists target DR Congo army camps in mining hub. URL: https://www.bbc.com/news/topics/cvenzmgylgwt/democratic-republic-of-congo?ns_

mchannel=social&ns_source=twitter&ns_campaign=bbc_live&ns_linkname=602933def1296a02de3a9639%26Separatists%20target%20DR%20Congo%20army%20camps%20in%20mining%20hub%262021-02-14T14%3A55%3A24.386Z&ns_fee=0&pinned_post_locator=urn:asset:19698f85-8d6a-4d23-8ca0-6557d5a99360&pinned_post_asset_id=602933def1296a02de3a9639&pinned_post_type=share (дата обращения 20.02.2021).

International Security Sector Advisory Team. Police Reform Lessons from donor programming on accountability, demilitarization and representativeness of police institutions, 2020.

Krisberg L. *Sociology of Social Conflict*. N.Y.C, Prentice-Hall, 1973.

Malacaria D. We ask not to be abandoned. URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_13531_13.htm (дата обращения 17.02.2021).

Namangale C. Dynamics of Conflict Management in the Democratic Republic of the Congo. PRISM, 2015, No 2, 72–83.

Ott L., Lühe U. *Conflict Prevention: Connecting Policy and Practice*. Swisspeace, 2018, No. 2, 7-13.

Van der lijn J., Glawion T., De Zwaan N. Towards legitimate stability in CAR and the DRC: external assumptions and local perspectives. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), 2019.

Vircoulon T. Congo RDC: l'échec des faiseurs de paix. URL: https://www.liberation.fr/planete/2009/02/06/congo-rdc-l-echec-des-faiseurs-de-paix_308130 (дата обращения 17.02.2021).

REFERENCES

Abgadhava, D.A. (2014). Ideologiya i vosproizvodstvo social'no-politicheskogo poryadka [Ideology and creation of social-political order]. *Bulletin of SPbGU. Political science. International relations*, no 3, 29–35.

Abgadhava, D.A, Petrova, N.V. (2018). Nasilie i konflikt v mezkul'turnom vzaimodejstvi. [Violence and conflict on account of international cooperation]. *Bulletin of SPbGU. Philosophy and conflictology*, no 3, 402–413. doi: 10.21638/11701/spbu17.2018.308

Evdokimov, I. (2015). Demokraticeskaya Respublika Kongo: «serdce Afriki» — strana Patrisa Lumumby. K 55-letiyu ustanovleniya diplomaticheskikh otnoshenij [DR Congo: the heart of Africa — the country of Patrice Lumumba. To the 55 anniversary of diplomatic relations]. *The International Affairs*, no. 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1313> (Accessed 17 February 2021).

Sidorova, G.M. (2014). Kto vinovat v nestabil'nosti Demokraticeskoy Respubliki Kongo? [Who is guilty for unstable situation in DR Congo?]. *Bulletin of MGIMO*, 6 (39), 29–36.

Sidorova, G.M. (2019). Politicheskaya oppoziciya v demokraticeskoy Respublike Kongo: aktery, resursy i strategii bor'by [Political opposition in DR Cong: actors, resources and strategies]. *Bulletin of Perm university. Series: Political sciences*, no 3, 36–43.

Sidorova, G.M. (2013). Problema bezopasnosti i reformy armii Demokraticeskoy Respubliki Kongo [The problem of safety and military reformation in DR Congo Kongo]. *Scientific*

diaries of Kazan university. Series Humanities, no 3–2, 75–90.

Sidorova, G.M. (2012). Problema mirotvorchestva v usloviyah obostreniya konfliktov v Demokraticeskoy Respublike Kongo [The problem of peacebuilding in situations of open conflicts in DR Congo]. *Scientific dialog*, no 9, 75–90.

Strebkov, A.I. (2009). Konfliktologiya v kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve Rossii [Conflictology in educational and cultural spaces of Russia]. *Konfliktologiya dlya XX veka: nauka — obrazovanie — praktika* [Conflictology for 21st century: science — education — practice]. Vol. 1 (pp. 415–421). SPb.: Filosofskij fakul'tet SPbGU.

Strebkov, A.I., Aldaganov, M.M., Gazimagomedov, G.G. (2013). Rossijskaya konfliktologiya mezhdru nastoyashchim i proshlym [Russian conflictology between past and present]. *Bulletin of SPbGU. Philosophy and Conflictology*, no 1, 66–76.

Abbot, P. (2014). *Modern African wars*. Osprey publishing. Oxford.

Congolese Army Military equipment and vehicle Democratic Republic of the Congo. URL: https://www.armyrecognition.com/democratic_republic_congo_rdc_army_uk/republic_democratic_congo_congolese_army_land_ground_forces_military_equipment_armoured_vehicle_uk.html (accessed 17.02.2021).

Coser, L. (1956). *The functions of the social conflict*. NYC: The Free Press.

Crawford, A. (2017). *Conflict-Sensitive Conservation in the Maiko-Tayna-Kahuzi-Biega Landscape: Conflict analysis*. International Institute for Sustainable Development (IISD).

Darendorpf, R. (1959). *Class and class conflict in industrial society*. California: Stanford university press.

DR Congo's mysterious metal monolith destroyed by mob. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-56112310> (accessed 20.02.2021).

DRC: Transforming the Congolese Armed Forces. URL: <https://issat.dcaf.ch/Learn/Resource-Library2/Case-Studies/DRC-Transforming-the-Congolese-Armed-Forces> (accessed 17.02.2021).

Harper, M. (2020). *Killings by rebels 'have doubled' in DR Congo*. URL: https://www.bbc.com/news/topics/cvenzmgylgwt/democratic-republic-of-congo?ns_mchannel=social&ns_source=twitter&ns_campaign=bbc_live&ns_linkname=6011966554a69202e80ded6%26Killings%20by%20rebels%20%27have%20doubled%27%20in%20DR%20Congo%262021-01-27T17%3A48%3A03.969Z&ns_fee=0&pinned_post_locator=urn:asset:efe60fea-e9ff-4751-8947-b966c42d645a&pinned_post_asset_id=6011966554a69202e80ded6&pinned_post_type=share (accessed 17.02.2021).

Harper, M. (2020). *Separatists target DR Congo army camps in mining hub*. URL: https://www.bbc.com/news/topics/cvenzmgylgwt/democratic-republic-of-congo?ns_mchannel=social&ns_source=twitter&ns_campaign=bbc_live&ns_linkname=602933def1296a02de3a9639%26Separatists%20target%20DR%20Congo%20army%20camps%20in%20mining%20hub%262021-02-14T14%3A55%3A24.386Z&ns_fee=0&pinned_post_locator=urn:asset:19698f85-8d6a-4d23-8ca0-6557d5a99360&pinned_post_asset_id=602933def1296a02de3a9639&pinned_post_type=share (accessed 20.02.2021).

International Security Sector Advisory Team. (2020). *Police Reform Lessons from donor programming on accountability, demilitarization and representativeness of police institutions*.

Krisberg, L. (1973). *Sociology of Social Conflict*. N.Y, Prentice-Hall.

Malacaria, D. *We ask not to be abandoned*. URL: http://www.30giorni.it/articoli_id_13531_13.htm (accessed 17.02.2021).

Namangale, C. (2015). Dynamics of Conflict Management in the Democratic Republic of the Congo. *PRISM*, no 2, 72–83.

Ott, L., Lühe, U. (2018). Conflict Prevention: Connecting Policy and Practice. *Swisspeace*, no 2, 7–13.

Van der lijn, J., Glawion, T., De Zwaan, N. (2019). *Towards legitimate stability in CAR and the DRC: external assumptions and local perspectives*. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI).

Vircoulon, T. (2009). *Congo RDC : l'échec des faiseurs de paix*. URL: https://www.liberation.fr/planete/2009/02/06/congo-rdc-l-echec-des-faiseurs-de-paix_308130 (accessed 17.02.2021).

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАБИЛЬНОСТЬ

STATE, CIVIL SOCIETY AND STABILITY

УДК 323.2

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ)¹

К.Е. Косыгина

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: sene4ka.87@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-05

В исследовании проводится анализ институциональной среды ассоциированных коллективных действий граждан на примере функционирования организаций некоммерческого сектора, которая формируется государством и влияет на их работу. С помощью методов экономико-статистического, сравнительного и структурно-логического анализа выявлены основные тренды в предоставлении финансовой и имущественной государственной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления. Исследование показало, что государственное финансирование осуществляется по двум крупным направлениям: отраслевому и грантовому (конкурсному).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00326 А «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе».

Отмечены проблемы реализации этих направлений. Определено, что на региональном уровне преобладает форма конкурсных субсидий из бюджетов субъектов РФ на реализацию социальных проектов некоммерческими организациями. В части проводимой имущественной государственной поддержки установлено, что более чем у половины из зарегистрированных организаций отсутствует помещение для осуществления своей деятельности, при этом только 13% получили его в безвозмездное пользование от государства. Результаты настоящего обсуждения могут быть использованы органами власти для принятия управленческих решений в области реализации государственной политики, направленной на развитие некоммерческого сектора.

Ключевые слова: коллективные действия, НКО, СОНКО, институциональная среда, государственное управление, гражданское участие

THE INSTITUTIONAL ENVIRONMENT OF COLLECTIVE ACTIONS OF CITIZENS (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS)

К.Е. Kosygina

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia,
e-mail: sene4ka.87@mail.ru*

The study analyzes the institutional environment of associated collective actions of citizens on the example of the functioning of organizations of the non-profit sector, which is formed by the state and affects their work. Using the methods of economic-statistical, comparative and structural-logical analysis, the main trends in the provision of financial and property state support to socially oriented non-profit organizations at the federal, regional and municipal levels of government are identified. The study showed that state funding is carried out in two major areas — industry and grant (competitive). Problems of implementation of these directions are noted. It is determined that at the regional level, the form of competitive subsidies from the budgets of the subjects of the Russian Federation for the implementation of social projects by non-profit organizations prevails. In terms of state property support, it was found that more than half of the registered organizations do not have premises for carrying out their activities, while only 13% received it for free use from the state. The results of this discussion can be used by the authorities to make management decisions in the implementation of public policy aimed at the development of the non-profit sector.

Keywords: *collective actions, the non-profit sector, non-profit organizations (NPO), socially oriented non-profit organizations (SONPO), governance, institutional environment, civil participation*

Введение

Коллективные действия пронизывают общества на всех уровнях: от локального до глобального, и проявляются в различных формах. В широкой трактовке коллективные действия описываются как ситуации, в которых люди сотрудничают для достижения общих целей (Гужавина, 2020). В настоящем исследовании под коллективными действиями подразумеваются формальные/неформальные совместные действия, предпринимаемые общественными организациями и инициативными группами, индивидуумами с общими целями, направленные на решение проблемы, имеющей общественное значение или кажущейся таковой. Стремление к коллективным действиям объясняется объединением ресурсов и координацией стратегий с единомышленниками для более эффективного достижения результата (Косыгина, 2021: 19). При анализе коллективных действий, используя широкий подход, следует учитывать две формы их проявления: политическую вовлеченность и социальную (общественную) деятельность. Последняя форма коллективных действий направлена на решение общественно значимых проблем, улучшения качества жизни населения, к которой можно отнести гражданское участие в развитии территорий, помогающее поведение, совместную благотворительность, участие в работе общественных и иных некоммерческих неправительственных организаций (Уханова, 2021: 92).

В теоретическом осмыслении внимание к данному общественному явлению среди ученых возрастает в конце XX столетия (Olson, 1971; Ostrom, 1998). Повышенный интерес исследователей к коллективным действиям обусловлен прежде всего изменениями и потрясениями, происходящими в некоторых странах, а также усилением роли институтов гражданского общества. Российский социум не является исключением. Среди отечественных ученых изучением коллективных действий в разных их проявлениях занимаются А.В. Соколов (2020), Т.А. Гужавина (2020), А.В. Семенов (2019), Ю.Г. Волков (2017), Ю.В. Уханова (2021) и др. В монографии «Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования» под редакцией Т.В. Павловой и С.В. Патрушева (2005) утверждается, что невозможно понять ход истории, эволюцию политических режимов, состояние современных экономик, обходя вниманием институт коллективных действий, который артикулирует интересы и цели отдельных групп и слоев, структурирует их взгляды, предпочтения, обеспечивая акторов знанием возможных выгодных стратегий.

Проанализировав научные публикации по проблематике коллективных действий, можно заключить, что некоторые аспекты остаются недостаточно изученными и дискуссионными. В частности, это касается институциональной среды формирования коллективных действий, что объясняется динамизмом процесса и появлением новых факторов быстро меняющейся ситуации, требующей оперативного исследования. Однако существуют некоторые ограничения изучения институциональной среды коллективных действий, обусловленные тем, что форм их проявления достаточно много, хотя они и сводятся к двум большим группам, о которых говорилось выше. Следовательно, определить характеристики институциональной среды всех разновидностей коллективных действий в рамках одного

исследования представляется проблематичным. Поэтому для анализа выбрана одна из основных их форм — общественные объединения и иные некоммерческие организации, создаваемые на добровольной основе исходя из общности интересов и совпадения мотивов участников. В ракурс исследования попадают НКО, которые работают в статусе социально ориентированных (СОНКО). Эти структуры выступают ведущей формой организованных (формальных/ассоциированных) коллективных действий, направленных на достижение общего блага, социальных целей (Косыгина, 2021). Выполнение социально ориентированными некоммерческими организациями своей миссии происходит различными способами: путем привлечения благотворительных пожертвований, использования труда волонтеров, социально-проектной деятельности, выполнения государственного заказа на оказание социальных услуг (Старшинова, Бородкина, 2020).

Таким образом, цель настоящей статьи — изучение институциональной среды формирования коллективных действий на примере деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций¹.

Материалы и методы

Исследование опирается на работы российских и зарубежных авторов по обозначенной проблематике, а также на законодательные источники, ведомственные отчеты, документы федеральных и региональных органов власти.

Кроме того, использовались данные Федеральной службы государственной статистики, часть из которых опубликована на портале Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Информация о СОНКО собирается Росстатом по форме 1-СОНКО, которая представляет собой статистический инструментарий наблюдения за их деятельностью. На настоящий момент это наиболее полный массив данных об организациях некоммерческого сектора, существующий в российской официальной статистике, но не лишенный недостатков. В частности, методология наблюдения не обеспечивает международную сопоставимость.

Методологическая основа исследования включает в себя методы экономико-статистического, сравнительного и структурно-логического анализа.

Результаты и обсуждение

Институциональная среда состоит из правил, обычаев, норм, преобладающих в государствах, обществах, профессиях и организациях, которые влияют на поведение и результаты деятельности. По отношению к организациям институциональная среда — это экзогенная сила, которая формирует, ограничивает или стимулирует их работу (Swaminathan, Wade, 2016). Благодаря своему регулирующему статусу и способности создавать, обеспечивать соблюдение нормативных требований формальными и неформальными средствами, государство является центральным стратегическим звеном в институциональной среде, политику которого организации должны принимать во внимание. Поэтому важность институциональной среды,

¹ В исследовании социально ориентированные организации и некоммерческий сектор определяются как тождественные.

создаваемой государством, и для организаций некоммерческого сектора становится очевидной. Обсуждение процесса государственной поддержки рассматриваемых организаций повысит способность правительства удовлетворять потребности населения.

Государственная политика влияет на некоммерческие организации разнообразными способами. Во-первых, правительство устанавливает основные правовые условия, в которых действует сектор. Во-вторых, оказывает поддержку на разных уровнях организации управления: федеральном, региональном и местном. Анализ российского законодательства показал, что в качестве приоритетов своей политики государство выбрало следующие виды поддержки НКО-сектора: финансовую, имущественную, информационную, методическую и консультационную¹ (рисунок 1).

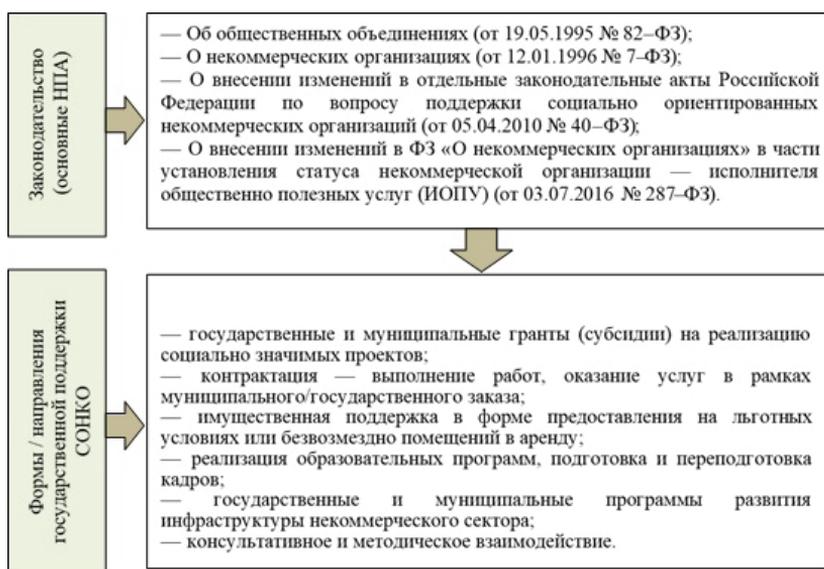

Рисунок 1 — Институциональная среда, формируемая государством для содействия развитию социально ориентированных некоммерческих организаций.

Источник: составлено автором.

Целью оказываемой поддержки и сотрудничества между правительством и организациями некоммерческого сектора является удовлетворение социальных и экономических потребностей населения, формирования условий для осуществления общественно-полезной деятельности самими гражданами. Основной путь — включение СОНКО в реализацию государственной социальной политики.

Одним из наиболее важных способов влияния на развитие сектора является предоставление финансовой поддержки. Отметим, что это не новая реальность,

¹ О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7–ФЗ (ред. от 30.12.2020). Статья 31.1. Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций органами государственной власти и органами местного самоуправления.

в развитых странах Западной Европы правительство является самым крупным источником поступлений в сектор, опережая как доход от платных услуг, так и благотворительность. Более того, доминирующая роль государства в доходах организаций НКО–сектора наиболее распространена там, где предполагается существование «государства всеобщего благосостояния» (Старшинова, Бородкина, 2020). Напротив, в России большую часть своих доходов некоммерческие организации зарабатывают собственными силами или получают от пожертвований граждан и организаций. В общей сложности около 70%. И только 14% от них составляют бюджетные средства, полученные в виде грантов, государственных и муниципальных субсидий.

Рассмотрим более подробно, каким образом распределяются эти 14% бюджетных средств на федеральном, региональном, муниципальном административных уровнях управления.

В российской практике правительство выделяет средства для СОНКО из федерального бюджета. Изучение официальных документов органов власти и законодательства позволяет говорить о двух направлениях в распределении бюджетных ассигнований (рисунок 2).

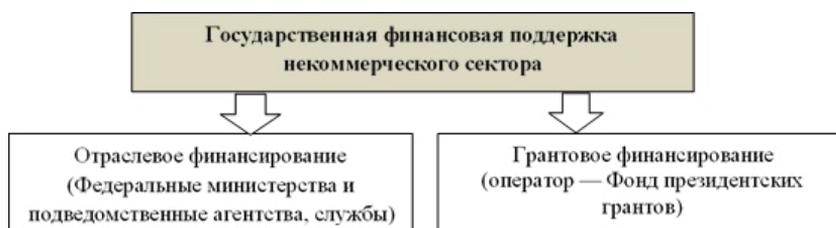

Рисунок 2 — Направления распределения бюджетных ассигнований на поддержку СОНКО (федеральный уровень).

Источник: составлено автором.

Первое: на высшем уровне государственного управления складывается практика финансирования по отраслевому принципу. В частности, наблюдается рост финансирования из бюджетов профильных исполнительных органов власти: в 2014 г. отраслевые ассигнования составили 1,6 млрд руб., а в 2019 г. — 27 млрд руб., увеличение более чем в 16 раз (таблица 1). При этом расширяется круг федеральных органов власти, которые взаимодействуют с СОНКО в рамках выполнения возложенных на них задач. Тем не менее государственная поддержка деятельности СОНКО неоднородна по областям, наблюдаются значительные различия. Из представленных государственных структур наибольшую долю субсидий в 2019 г. СОНКО предоставили Минкультуры (9,9 млрд руб., рост к 2014 г. — в 13 раз) и Минобрнауки (13,6 млрд руб., рост к 2017 г. — в 10 раз). Наименьшую — МЧС и Минспорт России (по 0,9 млрд руб.). Следует оговориться, что в обсуждение не включается Минэкономразвития, так как в 2014 г. только это ведомство занималось распределе-

нием субсидий некоммерческим организациям. Затем полномочия были переданы широкому кругу органов власти в связи с обязанностью по обеспечению доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление услуг.¹

Таблица 1

Динамика отраслевого финансирования СОНКО в 2014–2019 гг., тыс. руб.

Государственный орган РФ, оказывающий финансовую поддержку СОНКО	Объем государственной финансовой поддержки, представленной СОНКО, тыс. руб.				Количество СОНКО, получивших финансовую поддержку			
	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Минэкономразвития России	926	-	-	-	4630	-	-	-
Минкультуры России	784 874	3 310 327	2 483 346	9 906 000	58	176	184	357
Минтруд России	746 368	1 319 184	2 294 014	2 086 713	16	25	29	33
Роспечать	84	107	-	-	33	138	-	-
Росмолодежь	18 000	113 500	-	-	24	96	-	-
Минобрнауки России	-	1 430 274	7 664 074	13 550 294	-	34	1	8
МЧС России	-	90 000	88 200	90 000	-	6	9	12
Минспорт России	-	-	-	87 580	-	-	-	18
МИД России	-	-	174 646	246 359	-	-	2	15

¹ Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы. URL: <http://docs.cntd.ru/document/456050188>

Государственный орган РФ, оказывающий финансовую поддержку СОНКО	Объем государственной финансовой поддержки, представленной СОНКО, тыс. руб.				Количество СОНКО, получивших финансовую поддержку			
	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
ФАДН России	-	-	1 282 949	1 055 000	-	-	28	33
Всего	1 550 252	6 263 392	13 987 229	27 021 946	4761	475	253	476

Источник: Доклад Министерства экономического развития РФ о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в России за 2014, 2017, 2018, 2019 годы.
URL: <http://economy.gov.ru/>

Второе направление государственного финансирования — грантовая (конкурсная) материальная поддержка, осуществляемая в рамках деятельности Фонда президентских грантов (ФПГ), основанного в 2017 г. Финансовая поддержка российских СОНКО реализуется ФПГ по 16 направлениям, при этом в рамках двух из них поддерживаются только долгосрочные проекты. За три года среди организаций некоммерческого сектора распределено 22,2 млрд руб. С 2017 по 2019 г. произошло увеличение грантового фонда более чем на 13%, а количество организаций-победителей — на 15% (таблица 2).

Таблица 2

Динамика грантового финансирования СОНКО в 2017–2019 гг. в рамках деятельности Фонда президентских грантов, тыс. руб.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Объем государственной финансовой поддержки, предоставленной СОНКО, тыс. руб.	6 653 841	7 800 000	7 700 000
Количество СОНКО, получивших финансовую поддержку, ед.	3213	3573	3772

Источник: Доклад Министерства экономического развития РФ о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в России за 2017, 2018, 2019 годы.
URL: <http://economy.gov.ru/>

В среднем сумма на одну СОНКО, которая получила поддержку от ФПГ, значительно не меняется и варьируется в пределах 2 млн руб. Однако если отойти от среднего значения, то разброс в объеме предоставляемых грантов выглядит очень значительным. Например, организация «Концерты, фестивали, мастер-классы»

Юрия Башмета получила 111,9 млн рублей, а самый крупный грант — 115 млн рублей — выиграл фонд «Весна классическая» на проект, посвященный симфоническому оркестру. Среди победителей есть те, кто получил грант в размере чуть более 19 тыс. руб.¹

Анализируя систему распределения грантов, В.А. Смирнов выявляет дисфункции в деятельности фонда, которые сдерживают развитие некоммерческого сектора. Автор к ним относит следующее: «неравномерное распределение грантов между регионами страны, а также диспропорции в объемах выделяемых грантов; неадекватная система оценивания грантовых заявок, которая не позволяет обоснованно дифференцировать их с точки зрения содержания, уникальности и социального эффекта; непреднамеренное воспроизводство в деятельности фонда механизмов, демотивирующих СОНКО искать дополнительное финансирование и диверсифицировать источники ресурсов» (Смирнов, 2020: 87).

Анализ государственного субсидирования СОНКО позволил выявить еще один недостаток. Присутствует дублирование финансовых потоков по линии фонда президентских грантов и отраслевых федеральных министерств, ведомств.

На региональном уровне распределение ассигнований на социально ориентированные некоммерческие организации в 2016–2019 гг. показывает, что самой распространенной формой взаимодействия служит предоставление субсидий на конкурсной основе (грантов). Расходы регионов по данной статье увеличились более чем в два раза. Рост конкурсного субсидирования обусловлен принятием региональных государственных программ поддержки некоммерческого сектора. На 2017 г. такие программы приняты и реализуются в 74 регионах страны. В то же время увеличиваются суммы, предоставляемые некоммерческим организациям. Так, в Вологодской области реализуется государственная подпрограмма «Государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Вологодской области на 2014–2020 годы». Объем выделяемых финансовых средств на ее реализацию составлял в 2017 г. 12,5 млн руб., в 2018 и 2019 гг. — 15 млн руб. Начиная с 2020 г. на субсидии в бюджете области предусмотрено в два раза больше — 30 млн руб. Однако договоры на предоставление субсидий (грантов) и иной поддержки имеют в 2019 г. всего 5% организаций региона².

Приоритетным направлением в развитии отношений органов управления и неприбыльных организаций является привлечение их к оказанию государственных и муниципальных услуг в отраслях социальной сферы. В рамках Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442-ФЗ в число негосударственных поставщиков социальных услуг населению входят СОНКО, которым выплачивается компенсация по итогам выполненной работы. Прирост расходов субъектов РФ на возмещение затрат СОНКО более чем

¹ Дети президентского гранта. Кому достается от государства больше денег, чем другим. URL: <https://sobesednik.ru/politika/20190129-deti-granta>

² Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций — получателей поддержки Правительства Вологодской области (за период 2012–2020 гг.). URL: <https://volgda-oblast.ru/dokumenty/reestry/2527333/>

в 4 раза говорит об увеличении их присутствия на рынке социальных услуг в 2016–2019 гг.

Последнюю строчку, исходя из объемов финансирования СОНКО из бюджетов регионов, занимает взаимодействие в форме закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, расходы на эти цели в 2019 г. составили 907, 7 млн руб., что меньше, чем годом ранее. Следует обратить внимание на то, что в динамике за 4 года наблюдается увеличение показателя более чем в два раза (таблица 3).

Таблица 3

Динамика финансирования СОНКО в 2016–2019 гг. на региональном уровне (расходы субъектов РФ), млн руб.

Форма	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Субсидия на конкурсной основе (гранты)	7442,5	10 007,0	18 520,2	26 017,1
Целевая субсидия	12 022,5	14 441,7	12 618,0	18 592, 8
ФЗ-442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»	544,2	777,8	2 813,8	2 521,7
ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»	451,9	552,4	1 402,1	907, 7
ФЗ-233 «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»	н/д	н/д	н/д	220,7
Общий объем поддержки	20866,7	26 961,1	35 397,0	48 260, 0

Источник: Отчет о реализации субъектами РФ мер по обеспечению доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в 2018, 2019 гг. URL:<https://www.economy.gov.ru>

Условия для поддержки СОНКО с участием органов местного самоуправления создаются на уровне местных сообществ, реализуются муниципальные программы и оказывается финансовое содействие. По данным Минэкономразвития России доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке СОНКО, в общем количестве муниципальных районов и городских округов, за исключением городов федерального значения, на 2019 г. составила 46%, аналогичный показатель за предыдущий год составлял 41%¹.

Несмотря на положительные тенденции и рост количества муниципалитетов, оказывающих содействие организациям некоммерческого сектора, в динамике наблюдается некоторая нестабильность их финансирования из бюджетных источников на местном уровне, не наблюдается увеличения бюджетных потоков. Общий объем субсидий, предоставленных из муниципальных бюджетов на развитие СОНКО, выглядит незначительным в структуре поступлений в сектор (таблица 4).

¹ Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций за 2019 год.

Таблица 4

Информация о финансировании СОНКО в 2014–2019 гг. в России
из муниципальных (местных) бюджетов, млн руб.

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Поступления из муниципальных (местных) бюджетов	9488	9945	10 267	6939	7940	9203
В процентах к общему количеству поступлений	1,4	1,5	1,2	0,8	0,9	1,1

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

Выявленные ограничения в части финансирования организаций некоммерческого сектора обусловлены рядом причин. Во-первых, в отдаленных от крупных городов территориях зарегистрировано малое количество организаций, поэтому складывается ситуация отсутствия получателей поддержки. Во-вторых, непосредственное влияние на объем поддержки оказывает низкая бюджетная обеспеченность муниципальных образований, дефицит собственных доходных источников и недостаточность финансовой поддержки со стороны государства (Бухвальд, Ворошилов, 2018). В-третьих, одним из определяющих факторов выступает незаинтересованность местных органов власти в поддержке НКО-сектора в силу того, что они с подозрением относятся к персоналу некоммерческих организаций и полагают, что им не хватает необходимых навыков для выполнения социальных проектов и услуг. С другой стороны, самим представителям органов местного самоуправления может не хватать компетенций, необходимых для создания успешных программ поддержки некоммерческого сектора.

Ключевой проблемой для организаций некоммерческого сектора является отсутствие собственного помещения для выполнения уставной деятельности, по этой причине государственная имущественная поддержка выступает одной из самых значимых. Исследования показывают, что организационные трудности негативно сказываются на развитии НКО, привлечении к их деятельности добровольцев, спонсоров, клиентов (Исаева, 2016). Действительно, представленные данные свидетельствуют о том, что в 2019 г. больше половины некоммерческих организаций (52%) не имеют постоянного места нахождения. В динамике за четыре года показатель практически не менялся, что говорит об отсутствии улучшения в данной проблемной области. Обращает на себя внимание то, что в собственности офис для работы имеют только 5% СОНКО. В отношениях оплачиваемой аренды с государством и муниципалитетами состоят 6% организаций, а снимают помещение у других собственников 12% СОНКО.

Что касается имущественной поддержки от государства, то получили помещение в безвозмездное пользование всего 13% СОНКО. Наблюдается, что доля предоставленных в распоряжение СОНКО государственных и муниципальных площадей не увеличилась с 2014 по 2019 г. (таблица 5).

Таблица 5

Распределение социально ориентированных некоммерческих организаций,
по наличию помещения за 2014–2019 год, %

Наличие помещения	Структура, %				Изменение, +/-	
	2014 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 к 2014 г.	2019 к 2018 г.
Всего СОНКО	100	100	100	100	0,0	0,0
Из них:						
есть нежилое помещение (здание) в собственности	6,8	5,3	5,4	5,4	-1,4	0,0
аренда нежилого помещения (здания), находящегося в государственной или муниципальной собственности	7,8	6,9	6,6	6,3	-1,5	-0,3
аренда нежилого помещения (здания), находящегося в частной или иной собственности, за исключением государственной и муниципальной	10,7	11,7	11,8	11,7	1,0	-0,1
безвозмездное пользование нежилым помещением (зданием), находящимся в государственной или муниципальной собственности	12,9	13,1	13,2	13,1	0,2	-0,1
безвозмездное пользование нежилым помещением (зданием), находящимся в частной или иной собственности, за исключением государственной и муниципальной	8,2	9,3	9,3	9,1	0,9	-0,2
фактическое пользование нежилым помещением (зданием), но права на него не оформлены	2,0	1,9	2,0	1,9	-0,1	-0,1
фактически располагается в жилом помещении	2,0	3,0	3,0	3,0	1,0	0,0
нет помещения	51,8	50,9	51,0	51,6	-0,2	0,6

Источник: Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций за 2014–2019 гг. на основе формы № 1-СОНКО.

Очевидно, что возможности государства в части оказания имущественной поддержки организациям некоммерческого сектора ограничиваются имеющимися ресурсами, и обеспечение всех нуждающихся не представляется достижимым. Тем не менее решение проблемы обеспеченности помещениями можно найти в государственной поддержке инфраструктурных организаций, действующих на основе межсекторного партнерства и располагающих необходимой материальной базой и финансово-экономическим потенциалом. На наш взгляд, следует обратить внимание на создание координирующих механизмов как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях. В ряде регионов и муниципалитетов соз-

даются и действуют объединенные ресурсные центры и центры инфраструктурной поддержки СОНКО, опыт работы которых в этой связи заслуживает более глубокого изучения.

Выводы

1. Результаты исследования позволяют утверждать, что институциональная среда, формируемая государством для реализации ассоциированных коллективных действий на примере функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций, создана, ведется системная работа по ее совершенствованию. В государственном управлении складывается стратегическое видение государственной поддержки организаций некоммерческого сектора. Однако присутствуют и некоторые дискуссионные моменты. Некоммерческие организации и учреждения социальной сферы, учредителями которых являются государственные органы власти и муниципалитеты, ограничивают институциональную среду коллективных действий граждан, так как имеют по сравнению с СОНКО ряд существенных преимуществ: устойчивое бюджетное финансирование; наделение учредителями основными и оборотными средствами для осуществления уставной деятельности; предоставление помещений на безвозмездной основе или на льготных условиях; трудоустройство сотрудников на постоянной основе и гарантированный социальный пакет для работников; приоритетное размещение государственных и муниципальных заказов на оказание социальных услуг населению; использование административного ресурса учредителей. Фактически околосударственные и околумуниципальные учреждения по оказанию услуг в социальной сфере находятся вне конкуренции, что, безусловно, сужает возможности развития и поддержания устойчивой деятельности СОНКО. Тем не менее СОНКО обладают специфическим потенциалом, который позволяет им занимать очень важные ниши в социальной работе. Существование двух параллельных направлений распределения бюджетных ассигнований порождает перекосы в покрытии реальных потребностей конечных получателей субсидий: «где-то густо, а где-то пусто».

2. Выявлены основные тренды в предоставлении финансовой и имущественной государственной поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям на федеральном, региональном и муниципальном уровнях управления. Ключевое направление государственной поддержки — наращивание финансирования СОНКО, которое осуществляется по двум крупным направлениям — отраслевому и грантовому (конкурсному). В рамках отраслевого направления установлена тенденция роста финансирования из бюджетов профильных исполнительных органов власти, а также расширения круга федеральных министерств и агентств, которые взаимодействуют с СОНКО в рамках выполнения возложенных на них задач. Тем не менее государственная поддержка деятельности СОНКО неоднородна по областям, наблюдаются значительные различия. Определено, что на региональном уровне преобладает форма конкурсных субсидий из бюджетов субъектов РФ на реализацию социальных проектов некоммерческими организациями. В части проводимой имущественной государственной поддержки установлено, что более

чем у половины из зарегистрированных организаций отсутствует помещение для осуществления своей деятельности, при этом только 13% получили его в безвозмездное пользование от государства.

3. Осуществление государственной политики в области развития некоммерческого сектора позволяет выделить важные преимущества. К их числу можно отнести следующие: расширение доступа к ресурсам, что приводит к повышению способности выполнять миссии; возможности влиять на содержание государственной политики и таким образом улучшать способы решения проблем; сокращение необходимости уделять драгоценное время и ресурсы дорогостоящему сбору средств; повышение стабильности финансирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. Актуальные вопросы развития муниципальных образований и реформирования института местного самоуправления. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2018, 11 (1), 132–147. doi: 10.15838/esc/2018.1.55.9

Волков Ю. Г. Солидарная активность в российском обществе: креативные практики. Социологические исследования, 2017, No 2, 41–48.

Гужавина Т.А. Коллективные действия и социальный капитал: импликация концепций. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2020, No 1, 191–203. doi: 10.15838/esc.2020.1.67.11

Исаева Е.А. Имущественная поддержка некоммерческих организаций в субъектах России: сравнительное исследование. Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки, 2016, No. 4, 68–71.

Косыгина К.Е. Деятельность некоммерческих организаций в контексте теории коллективных действий. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология, 2021, No 1, 10–26.

Павлова Т.В., Патрушева С.В. (Ред.). Институты коллективного договора и коллективного действия в современных политико-экономических системах: опыт сравнительного исследования. М.: ИСПРАН, 2005.

Семенов А.В. Корни травы: паттерны низовой городской мобилизации в России. Социологические исследования, 2019, No 12, 29–37.

Смирнов В.А. Эффективность грантовой поддержки российских социально ориентированных некоммерческих организаций (на примере фонда президентских грантов). Социологические исследования, 2020, No 9, 79–89. doi: 10.31857/S013216250009619-3

Соколов А.В. Особенности коллективных действий в современной России: динамика, цифровизация и результаты. Социальные и гуманитарные знания, 2020, No 1, 30–45.

Старшинова А. В., Бородкина О. И. Деятельность НКО в сфере социальных услуг: общественные ожидания и региональные практики. Журнал исследований социальной политики, 2020, No 3, 411–428.

Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах). Проблемы развития территории, 2021, No 1, 88–107. doi: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.

Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action. *The American Political Science Review*, 1998, No. 1, 1–22.

Swaminathan A., Wade J.B. Institutional Environment. In: Augier M., Teece D. (eds.) *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management*. Palgrave Macmillan, London, 2016. doi: 10.1057/978-1-349-94848-2_608-1

REFERENCES

Buhvald, E.M., Voroshilov, N.V. (2018). Aktual'nye voprosy razvitiya municipal'nyh obrazovaniy i reformirovaniya instituta mestnogo samoupravleniya [Topical issues of the development of municipalities and the reform of the institute of local self-government]. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2018, 11 (1), 132–147. doi: 10.15838/esc/2018.1.55.9

Volkov, Yu.G. (2017). Solidarnaya aktivnost' v rossijskom obshchestve: kreativnye praktiki [Solidarity activity in Russian society: creative practices]. *Sociological Studies*, no 2, 41–48.

Guzhavina, T.A. (2020). Kollektivnye dejstviya i social'nyj kapital: implikaciya koncepci [Collective actions and social capital: implication of concepts]. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, no 1, 191–203. doi: 10.15838/esc.2020.1.67.11

Isaeva, E. A. (2016). Imushchestvennaya podderzhka nekommercheskih organizacij v sub'ektah Rossii: sravnitel'noe issledovanie [Property support for non-profit organizations in the subjects of Russia: a comparative study]. *Bulletin of JarSU. Humanitarian sciences Series*, no 4, 68–71.

Kosygina, K.E. (2021). Deyatel'nost' nekommercheskih organizacij v kontekste teorii kollektivnyh dejstvij [Activities of non-profit organizations in the context of the theory of collective actions]. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Sociology. Pedagogy. Psychology*, no 1, 10–26.

Pavlova, T.V., Patrushev S.V. (Eds). (2005). *Instituty kollektivnogo dogovora i kollektivnogo dejstviya v sovremennyh politiko-ekonomicheskikh sistemah: opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Institutions of collective agreement and collective action in modern political and economic systems: experience of comparative research]. Moscow: ISPRAN.

Semenov, A.V. (2019). Kornj travy: patterny nizovoj gorodskoj mobilizacii v Rossii. [Roots of grass: patterns of grassroots urban mobilization in Russia]. *Sociological Studies*, no 12, 29–37.

Smirnov, V.A. (2020). Effektivnost' grantovoj podderzhki rossijskih social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij (na primere fonda prezidentskih grantov) [Effectiveness of grant support for Russian socially oriented non-profit organizations (using the example of the presidential grant fund)]. *Sociological Studies*, no 9, 79–89. doi: 10.31857/S013216250009619-3

Sokolov, A.V. (2020). Osobennosti kollektivnykh dejstvij v sovremennoj Rossii: dinamika, cifrovizaciya i rezul'taty [Features of collective actions in modern Russia: dynamics, digitalization and results]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no 1, 30–45.

Starshinova, A.V., Borodkina, O. I. (2020). Deyatel'nost' NKO v sfere social'nykh uslug: obshchestvennye ozhidaniya i regional'nye praktiki [Activities of NGOs in the field of social services: public expectations and regional practices]. *Journal of Social Policy Research*, no 3, 411–428.

Uhanova, Yu.V. (2021). Kollektivnye praktiki i potencial grazhdanskogo uchastiya lokal'nogo soobshchestva (sociologicheskoe issledovanie v rossijskih regionah) [Collective practices and the potential of civic participation of the local community (sociological research in Russian regions)]. *Problems of Territory Development*, no 1, 88–107. doi: 10.15838/ptd.2021.1.111.5

Olson, M. (1971). *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press.

Ostrom, E. (1998). A behavioral approach to the rational choice theory of collective action. *The American Political Science Review*, no 1, 1–22.

Swaminathan, A., Wade, J. B. (2016). Institutional environment. In: Augier M., Teece D. (Eds.) *The Palgrave Encyclopedia of Strategic Management*. Palgrave Macmillan, London. doi: 10.1057/978-1-349-94848-2_608-1

УДК 061(571.151)+39(571.151)

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НРОО «ЦКН „ТУУЛУ АЛТАЙ“»)

Н.Н. Касенова¹, Н.В. Кергилова²

*¹Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия,*

*²Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия,
e-mail: kasenova_n@mail.ru, kergilova@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-06

В современной России в условиях полиэтничности и мультикультурности становится необходимым формирование гражданской и этнической идентичности личности. Данная проблема становится одним из главных направлений государственной социальной политики Российской Федерации, так как отмечается активная миграция внутри страны, которую обуславливает переезд российских граждан из родного региона. Это обстоятельство побудило авторов статьи обратиться к данной тематике. Авторы раскрывают важность сохранения самобытности коренных народов Алтая (алтайцы, теленгиты, тубалары, кумандинцы и челканцы) в условиях мегаполиса. А также представляют исторические факты сохранения своей этнической идентичности, акцентируя важность для данных народов получения в 1990-х гг. нового статуса для их исконной территории проживания и выделения в национальную республику в составе Российской Федерации. Раскрывается роль этнических общественных организаций в сохранении и развитии культуры, традиций и языка народов Алтая на примере деятельности НРОО «ЦКН „Туулу Алтай“», а также в формировании этнической и гражданской идентичности в условиях поликультурного общества. Целью статьи является историческое описание (уклад жизни, места традиционного проживания и т.д.) коренных народов Республики Алтай, а также роли и деятельности некоммерческой общественной организации «Центр культурного наследия „Туулу Алтай“» по формированию этнической и гражданской идентичности у представителей коренных народов РА. Научная новизна предложенных в статье положений заключается в выявлении особенностей формирования этнической и гражданской идентичности представителей коренных народов Республики Алтай, проживающих в г. Новосибирске. Практическая значимость заключается в возможности использования материалов статьи в организации деятельности

некоммерческих общественных организаций по формированию этнической и гражданской идентичности у молодежи.

Ключевые слова: алтайцы, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы, этническая идентичность, гражданская идентичность, Республика Алтай, Новосибирск

THE ROLE OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FORMATION OF ETHNIC AND CIVIL IDENTITY AMONG REPRESENTATIVES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE ALTAI REPUBLIC (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE NGO «CCN „TUULU ALTAI“»)

N.N. Kasenova¹, N.V. Kergilova²

¹*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia,*

²*Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia,*

e-mail: kasenova_n@mail.ru, kergilova@mail.ru

In contemporary Russia, in the conditions of polyethnicity and multiculturalism, it becomes necessary to form civil and ethnic identities of its citizens. This problem is becoming one of the main directions of the state social policy of the Russian Federation, as there is an active migration within the country, which causes the relocation of Russian citizens from their native region. This circumstance prompted the authors of the article to turn to this topic. In the article, the authors reveal the importance of preserving the identity of the indigenous peoples of Altai (Altaians, Telengites, Tubalars, Kumandins and Chelkans) in the conditions of a large metropolis. They also present the historical facts of preserving their ethnic identity, emphasizing the importance for these peoples of obtaining a new status for their ancestral territory of residence in the 90s and being allocated to the national republic as part of the Russian Federation. They reveal the role of ethnic public organizations in the preservation and development of the culture, traditions and language of the Altai peoples, using the example of the activities of the NROO “TSKN “Tuulu Altai”, as well as the formation of ethnic and civil identity in a multicultural society. The purpose of the article is a historical description (way of life, places of traditional residence, etc.) of the indigenous peoples of the Republic of Altai and a description of the role and activities of the non-profit public organization “Tuulu Altai Cultural Heritage Center”, for the formation of ethnic and civil identity among the representatives of the indigenous peoples of Altai Republic. The scientific novelty of the provisions proposed in the article is to identify the features of the formation of ethnic and civil identity of representatives of the indigenous peoples of the Altai Republic living in Novosibirsk. The practical significance lies in the possibility of using the materials of the article in organizing the activities of non-profit public organizations for the formation of ethnic and civic identity among young people.

Keywords: *Altaians, Telengites, Tubalars, Kumandins, Chelkans, ethnic identity, civil identity, Altai Republic, Novosibirsk*

В Российской Федерации проживают более 190 этносов, народностей, наций. Государство испокон века было населено различными этносами, а в определенных регионах проживали и проживают небольшие группы представителей коренных малочисленных народностей, которые порой насчитывают нескольких десятков человек (народность водь), а то и не больше десятка (народность керек).

Данный аспект ставит перед современным сообществом вопрос о необходимости сохранения и улучшения жизни и уклада малочисленных коренных народов России. В 2013 г. на VII Съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ глава государства В.В. Путин, отметил: «Древние обычаи, самобытный хозяйственный уклад коренных жителей Севера, Сибири и Дальнего Востока — это уникальное богатство, важная, неотъемлемая составляющая нашей многонациональной культуры. Бережное отношение к этому историческому, духовному наследию, защита прав и интересов малочисленных народов, проживающих в нашей стране, — по праву в числе значимых приоритетов государственной политики».

Перестройка и развал СССР побудили большое количество представителей коренных народов, проживающих на определенных территориях новой России, выделиться в отдельные автономии, области и округа (АО), при этом не выходя из состава государства, например Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий, Чукотский, Таймырский, Эвенкийский, Корякский автономные округа, Еврейская автономная область и др. Выделились также национальные республики, на сегодняшний день их 22: республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Мордовия, Саха (Якутия) и др.

Из данного перечня субъектов Российской Федерации более детально рассмотрим Республику Алтай, которая входит в состав Сибирского федерального округа, она располагается в центре Евразии, на юге Западной Сибири. Граничит со следующими регионами РФ: Алтайским краем, Кемеровской областью, республиками Тыва и Хакасия. Республика граничит также с Китаем, Монголией и Казахстаном.

Основная отрасль — сельское хозяйство. Доля городского населения в общей численности населения составляет на 1 января 2019 г. 29,2%. Этот показатель свидетельствует о том, что большинство местного населения проживает в селах и деревнях, а как известно, национальный уклад в первозданной форме сохраняется в большей мере в сельских поселениях. Сельское население привязано к земле и природе, здесь сохраняются традиции и преемственность между старшим и молодым поколениями.

Национальный состав по результатам переписи 2010 г. показывает нам, что основное население представлено русскими (56,6%), алтайцами (33,9%), казахами (6,2%) и гражданами других национальностей (3,3%).

В 1756 г. алтайские племена были приняты в подданство России. Испокон века алтайские племена делились на две основные группы: северные (тубалары, куман-

динцы, челканцы) и южные (алтай-кижи (алтайцы), теленгиты, телеуты) (Шатинова, 1981). С.П. Беловолова в своей работе «Этнопедагогическая культура алтайцев», отмечает, что данные этнические группы алтайцев идентифицировали друг друга только по генезису, т.е. происхождению (Беловолова, 2001).

Алтайцы (алтай-кижи) — тюркоязычный народ, проживающий на территории Республики Алтай в Южной Сибири. По переписи 2010 г. на исконной территории их процентное соотношение к русскому населению составляет всего лишь 30% (Касенова, 2016). Первое упоминание этнонима алтай-кижи встречается в описаниях путешествия П.А. Чихачева (1842): «Восточные племена, называют алтайцев, обосновавшихся западнее Катуня, „алтай-киши“...» (Чихачев, 1974: 58). Это описание относилось к населению, которое проживало на территории Центрального и Юго-Западного Алтая. Ю.А. Евстигнеев отмечал в своем кратком этноисторическом справочнике, что антропологически алтайцы «относятся к более монголоидному варианту южносибирской расы», при этом алтайцы Чемальского района выглядели «более европеоидно» (Евстигнеев, 2008: 13). Основные места поселений алтайцев в Республике Алтай по районам: Онгудайский, Усть-Канский, Усть-Коксинский, Шебалинский (центральная и юго-западная часть); Майминский, Чемальский (северо-восточная часть).

Традиционным занятием является скотоводство, это объясняется несколькими причинами: природными условиями — это резко-континентальный климат, который отмечается продолжительной, малоснежной и холодной зимой, и этнические ценности, которые выражаются в народных пословицах и поговорках, например, *Ўүрдөн жарылган мал бөрүге жем, / Јоннон айрылган кижі өштүге жем* — «Отбившаяся от стада скотина волку добыча, / Отделившийся от людей человек врагу добыча» и др. (Ойроткинова, 2012). Важную роль в жизни алтайцев играет охота на копытных (косуля, олень и др.), пушных зверей (лиса, белка и др.), птиц (глухарь, утка и др.). Большую роль в системе питания имел сбор дикорастущих растений, ягод и семян. Что касается земледелия, то им в основном до первой четверти XX в. занимались женщины. В течение определенного времени они постепенно стали переходить на оседлый образ жизни, отношение к земледелию у алтайцев изменилось, это сразу же нашло отражение в национальном фольклоре (пословицах): *Кырачы кижі аштабас, / Кылгалу ажы түгенбес* — «Голодать пахарь не будет, / Хлебные всходы его не иссякнут» (Ойроткинова, 2012: 233).

Теленгиты (телесы) — группа алтайцев Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай (Евстигнеев, 2008: 121). До 2000 г. теленгитов не выделяли как отдельный этнос, а только как отдельную категорию, которая входила в состав алтайцев. Совместно с телеутами алтай-кижи теленгиты классифицировались как группа южных алтайцев. Антропологически относятся к варианту южносибирской расы, более монголоидны, чем остальные коренные народы Алтая (Функ, 2006: 512). Это объясняется тем, что места их проживания не были активно заселены русскими и другими этносами, в отличие от других районов современной Республики Алтай. Большую роль сыграло то, что климат в этих районах намного суровее, здесь невозможно было заниматься земледелием.

В 2000 г. их включили в единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, при очередной Всероссийской переписи в 2002 г. людей, которые выделяли себя как теленгитский этнос, их записывали отдельно от алтайцев.

Традиционным занятием являлось кочевое и полукочевое скотоводство: крупный рогатый скот, лошади, овцы и козы, а в Кош-Агачском районе выращивают верблюдов и яков.

Кумандинцы (куманды-кижи) — тюркский народ, который в основном проживает в нескольких районах Алтайского края, это Красногорский район, который граничит с Республикой Алтай, и Солтонский район, граничащий с Республикой Алтай и Кемеровской областью. Небольшая часть кумандинцев проживает на территории Кемеровской области, по результатам переписи 2010 г. в общем количестве 225 человек.

Согласно результатом переписи кумандинцев на период 2002 г. насчитывалось 3114 человек; на 2010 г. — 2892. Данные результаты фиксируют сокращение численности, это можно объяснить возможным большим количеством смешанных браков, где родившихся детей фиксируют как русских, а не кумандинцев.

Районы, где проживают современные кумандинцы, были более русифицированы. Н.М. Ядринцев в своем труде «Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия» (1882) отмечал, что активное переселение русских крестьян в Бийский округ началось уже в XVIII в., за 10-летний период с 1866 по 1877 г. переселилось 4460 человек (Ядринцев, 1882: 461). Это привело к появлению большого количества национально-смешанных браков.

После 1926 г. в переписях кумандинцы не учитываются как отдельный народ, только с 1993 г. их официально относят к числу коренных малочисленных народов.

Язык кумандинцев входит в уйгурскую группу тюркских языков, является одним из диалектов алтайского языка. При этом выделяют отдельные говоры: турочакский, солтонский и старобардинский (Баскаков, 1981: 506).

Традиционным занятием кумандинцев было кочевое скотоводство, с постепенным переходом к земледелию (Евстигнеев, 2008) у тех, кто проживал на равнинных территориях совместно с русскими крестьянами.

Тубалары (черневые татары, туба) — малочисленный тюркский народ, проживающий в Республике Алтай, в Майминском и в Чойском районах. С 2002 г. по результатам переписи их отделили от алтайцев в отдельную этническую группу. По результатам переписи 2010 г. в РФ насчитывается 1965 человек, из них 1891 человек проживает на территории Республики Алтай, остальные 1608 человек являются жителями сельских поселений.

Н.А. Баскаков (1981) языки тубаларов, как и кумандинского, челканского, относил к группе северных алтайских диалектов и вместе с шорским и хакасским языками — к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнохуннской ветви тюркских языков.

Традиционными занятиями тубаларов являются охота и собирательство (Потапов, 1972).

Челканцы (шалганну, лебединцы) — один из самых малочисленных коренных народов Республики Алтай. По результатам переписи 2010 г. их насчитывалось всего 1113 человек, 934 человека проживали в сельской местности.

На сегодняшний день большинство челканцев проживают в таких селах Турочакского района Республики Алтай, как Курмач-Байгол и Суранаш. Многие челканцы проживают в селах Артыбаш, Иогач, Турочак. Многие из них переселились в столицу Республики Алтай — г. Горно-Алтайск. Небольшая группа проживает в Таштагольском районе Кемеровской области (Функ, 2006: 463).

В советский период при всеобщих переписях эту этническую группу на территории Алтайского края записывали алтайцами, а в Кемеровской области — шорцами.

Челканский язык относят к северному диалекту алтайского языка, он входит в хакасскую группу уйгуро-огузской группы тюркских языков (Баскаков, 1981: 17).

Впервые о челканцах было упомянуто в русском документе 1625 г., где сообщается о русских казаках, которые были посланы за ясаком «в Телэскую землю и Шелканы» (Оглоблин, 1901: 115). Челканцы состояли из двух родов: Чалканьг и Шакшылыг. (Потапов, 1969: 24).

В XIX в. у челканцев этническая территория расселения проходила по реке Лебеди и ее притокам, они жили оседло и относились к «разряду кочевых инородцев», в связи с незначительностью на тот момент роли земледелия в их жизненном укладе (Функ, 2006: 469).

Коренные народы Республики Алтай представляют уникальную палитру региона, тем самым дополнительно привлекают к себе внимание, особенно со стороны внутреннего и зарубежного туризма. Развитие индигенного туризма (туристическая деятельность, основанная на уникальности культур коренных народов, в которой данные этносы либо принимают прямое участие, либо контролируют ее) (Butler, 2007: 5) дополнительно стимулирует рост экономики региона, тем самым поднимает уровень жизни коренного населения и интерес к своим истокам, культуре и традициям (Чемчиева, 2015: 48)

Значительным историческим событием для всех коренных народов Алтая стало отделение от Алтайского края, это сразу же отразилось на появлении новых национально-культурных мероприятий, например, праздника казахского мусульманского народа «Наурыз» в Кош-Агачском районе; фестиваля русского фольклора «Родники Алтая» в Усть-Коксинском районе; алтайских народных игр «Эл-Ойын» в Онгудайском районе; праздника коренных малочисленных народов «Тюрук Байрам» в Турочакском районе. Эти мероприятия проходят и сейчас, привлекая большое количество участников и гостей из всех регионов Российской Федерации и зарубежья.

Важными событиями стали появление национального местного телевидения на алтайском и русском языках, выделение средств на развитие международного туризма, альпинизма и спорта, создание необходимой инфраструктуры; развитие северных территорий (Кош-Агачский и Улаганский районы) и т.д.

При этом уровень этнической идентичности не превалирует над гражданской идентичностью, это выражается в сильнейшей исторической памяти о вхож-

дении алтайского этноса в состав Российской Империи. Из выступления на митинге В.И. Чаптынова (первый глава Республики Алтай) в 1996 г., посвященного этому событию: «Мы по-прежнему являемся гражданами одного государства, имя которому — Россия! Ничто не в состоянии разрушить великую связь времен! Потому-то мы помним и будем помнить имена тех, кто спас алтайцев от гибели в годину испытаний, протянув руку помощи...».

В 1990-е гг. страна распадалась на новые государства, население не верило в светлое будущее. В новой тогда республике, несмотря на все политические сложности, народы сохранили гармонию и целостность и стали образцом сохранения этнической и формирования гражданской идентичности в полиэтничном государстве.

Отмечая важность сохранения этнической и формирования гражданской идентичности, мы являемся свидетелями факта, что Российская Федерация является активным участником миграционных процессов как в мировом пространстве, так и внутри страны.

Многие граждане РФ переселяются в другие мегаполисы и поселения в поиске более комфортных условий жизни, этот факт является одним из главных направлений государственной социальной политики Российской Федерации (Касенова, 2016), примером могут служить различные программы, стимулирующие, например, переселение на Дальний Восток.

В связи с данным обстоятельством важная роль в обеспечении эффективных взаимодействий принадлежит этническим объединениям (организации, центры, диаспоры, землячества и др.). Именно данная стратегия государства позволяет на местах сформировать гражданскую идентичность («Я, гражданин России», «Россиянин») у многонационального народа страны, при этом сохранив их этническую идентичность.

Для жителей Сибирского федерального округа, в том числе для Новосибирской области, данная проблема представляет особый интерес в связи с тем, что в последнее десятилетие в регионе нарастает миграция представителей стран ближнего зарубежья и граждан из разных субъектов Российской Федерации, которая ведет к все большей языковой, конфессиональной и жизненно-стилевой пестроте жизни в регионе.

На сегодняшний день многие представители алтайского этноса из Республики Алтай (алтайцы, теленгиты, тубалары, кумандинцы, челканцы) проживают на территории г. Новосибирска и Новосибирской области. К сожалению, нет актуальных данных по переписи и числу проживающих в данном регионе Российской Федерации представителей этих этносов.

Мы предполагаем, что одной из причин выбора данного региона является высокий рейтинг новосибирских вузов среди абитуриентов. Одним из популярных вузов, который выбирают выпускники школ, является Новосибирский государственный педагогический университет. Для подтверждения этого факта нами был подан запрос в отдел приемной комиссии педагогического вуза.

Из данной информации мы видим, что в 2020 учебном году приемной комиссией был сделан подробный отчет, результаты которого представлены в следующем рисунке.

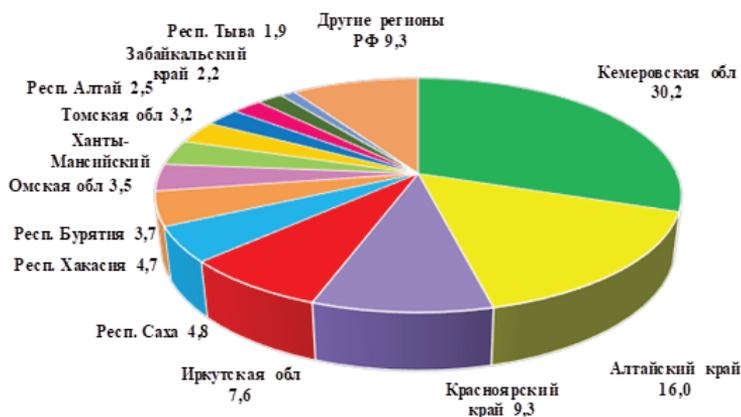

Рисунок 1 — География поступающих в НГПУ в 2020 г.

Диаграмма свидетельствует о том, что среди поступивших в НГПУ Республика Алтай входит в десятку регионов по количеству зачисленных абитуриентов, только в 2020 г. студентами стали по меньшей мере 23 человека.

На сегодняшний день, исходя из объективных условий (отсутствие в данной местности соответствующих профессиональных образовательных организаций), большое количество абитуриентов получают образование за пределами своих республик, краев, областей. Поэтому землячество является консолидирующим центром для студентов, объединенных общей историей и этнической культурой.

Уже больше 30 лет в г. Новосибирске ведет свою деятельность Алтайское студенческое землячество. Объединение состоит из основных активистов, представляющих свои вузы, в которых учатся и избираются на должность старост и руководителя — «президента», который избирается в период обучения в вузе. Дойдя до старших курсов, он обязан передать свой пост следующему претенденту.

Все члены землячества постоянно поддерживают связь между собой посредством социальных сетей, где они могут узнавать новости, просто общаться, а также обсуждать проблемы землячества и вместе искать их решение.

Помимо организации и проведения различных мероприятий землячество активно занимается первокурсниками, которые приходят на смену выпускникам.

В связи с тем, что многие представители алтайского этноса, окончив вуз, предпочитают остаться в Новосибирске, в 2018 г. собралась группа единомышленников, решивших открыть официальную общественную организацию, которая будет представлять коренные этносы Республики Алтай в г. Новосибирске и НСО. После несколько собраний с активистами, подготовки необходимых документов в начале 2019 г. в Министерство юстиции Новосибирской области были поданы все необходимые документы. 17 мая 2019 г. пришло свидетельство о государственной

регистрации некоммерческой организации «Центр культурного наследия „Туулу Алтай“».

Основной целью организации является содействие сохранению культурного наследия и традиций алтайского народа в Новосибирской области.

За небольшой период деятельности организация активно влилась в общественную, культурную, научную деятельность города Новосибирска, став соорганизатором (совместно с НРОФСХ «Ал Хоорай») III Региональной научно-практической конференции с международным участием «Коренные народы Сибири: история, традиции и современность» в 2019 г. на базе НГПУ, а также активным участником Межрегионального межнационального молодежного форума «Многонациональная Сибирь».

Члены организации помогают артистам из Республики Алтай, которые приезжают в Новосибирск с концертами (Болот Байрышев, Алексей Чичаков, ансамбль горлового пения «Алтын Туу»), и сами принимают участие в различных мероприятиях, таких как День единства, День города. Особой гордостью для членов организации стало участие в 2019 г. в шествии 9 Мая.

Совместно с Алтайским студенческим землячеством проводятся такие мероприятия, как «Мисс Алтай» и «Чага байрам», привлекающие большое количество учащейся молодежи из вузов и колледжей г. Новосибирска. В 2020 г. приняли участие в Молодежной межнациональной смене «InterАктив». Активно принимают участие во всех мероприятиях и конкурсах, проводимых Городским межнациональным центром, таких как конкурс «Еда на все времена!» (представили рецепт алтайского курута), в конкурсе «Читаем Пушкина на разных языках» и т.д. В конкурсе «Красная гвоздика» активистка организации Татьяна Макаревич исполнила прощальную песню солдату на родном языке — наказ женщин Алтая (матерей, сестер и дочерей), чтоб воевал родной мужчина на фронте, рубил врага и не сомневался что его ждут в родных краях. В спортивном мероприятии «Кубок Дружбы» по мини-футболу команда, представляющая алтайский этнос, заняла четвертое место, а Айсура Мекинова наградили специальным призом как лучшего защитника команды.

17 апреля 2021 г. в Новосибирске в стенах Дома национальных культур им. Г.Д. Заволокина впервые был организован праздник алтайского народа — Ылгайак, поддержанный мэрией г. Новосибирска и символизирующий начало Нового года, начало нового жизненного цикла.

В праздновании приняли участие многие заслуженные деятели: председатель Союза журналистов и Союза ветеранов Республики Алтай, член Общественной палаты Республики Алтай Борис Кундулеевич Алушкин, заслуженный артист Российской Федерации, заслуженный артист Республики Алтай Болот Байрышев, заслуженная артистка Республики Алтай Раиса Мундусовна Модорова, доцент, старший научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва) Оксана Николаевна Пустогачева, председатель Этнокультурного центра челканского народа «Шалканду калык» Валентина Яковлевна Сумачакова и многие другие. Этот праздник позволил общественной организации заявить о своей деятельности всему интернет-сообществу, привлечь в коллектив организации новых активистов, а также сблизить людей,

найти новые точки соприкосновения. Новосибирская региональная общественная организация «Центр культурного наследия „Туулу Алтай“» активно вошла в жизнь многонационального города Новосибирска и НСО.

В дальнейшем организация планирует проведение мероприятий, посвященных празднованию 265-летия со дня добровольного вхождения алтайского народа в состав России и 30-летия со дня образования Республики Алтай.

Таким образом, деятельность региональных общественных организаций колоссальна, она позволяет сплавлять земляков и укреплять межнациональные контакты, а также заниматься сохранением культуры, традиций и языка своего народа за пределами своей малой родины. Коренные народы Алтая сохранили свою этническую идентичность с древнейших времен и по сегодняшний день продолжают сохранять и передавать молодому поколению свою культуру, традиции, язык и уклад жизни. При этом этничность не вступает в конфликт с гражданской идентичностью — наоборот, алтайское население понимает важность деятельности государства для сохранения их как этноса на многонациональной карте Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баскаков Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., Наука, 1981.

Баскаков Н.А. Алтайский язык. В кн.: Языки народов СССР. Т. 2: Тюркские языки. М., 1966. С. 506–522.

Беловолова С.П. Этнопедагогическая культура алтайцев: дис. ... д-ра пед. наук. Новосибирск: Новосибирский гос. пед. университет, 2001.

Евстигнеев Ю.А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры: краткая этноисторическая справка. СПб.: Астерион, 2008.

Касенова Н.Н. Формирование культуры межнационального общения у представителей коренных народов Сибири в процессе их профессиональной подготовки в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук. М., 2016.

Оглоблин Н.Н. (Сост.). Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). Ч. 1–4: Документы воеводского управления. М.: Универсальная типография, 1895.

Ойноткинова Н.Р. Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2012.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев: историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.

Потапов Л.П. Тубалары Горного Алтая. В кн.: Этническая история народов Азии. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1972. С. 52–66.

Размещение населения коренных малочисленных народов Российской Федерации. 2010. Росстат. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf

Функ Д.А., Аксянова Г.А., Валеев Ф.Т.-А. и др. Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006.

Чемчиева А.П. Развитие индигенного туризма в России. Вестник Кемеровского государственного университета, 2015, 4–1 (64), 44–48.

Чихачев П.А. Путешествия в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1981.

Шатыгин В.В. (Ред.) Чаптынов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 2001.

Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. СПб., 1882.

Hinch T., Butler R. (2007). Introduction: revisiting common ground. In *Tourism and indigenous peoples*. Routledge, 2007. P. 19–30.

REFERENCES

Baskakov, N.A. (1981). *Altayskaya sem'ya yazykov i eyo izuchenie* [Altay Family of Languages and its Study]. M., Nauka.

Baskakov, N.A. (1966). Altajskij yazyk [The Altay Language]. *Yazyki narodov SSSR. T. 2: Tyurkskie yazyki* [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. 2: Turkic languages] (pp. 506–522). Moscow.

Belovolova, S.P. (2001). *Etnopedagogicheskaya kul'tura altajcev* [Ethno-Pedagogical Culture of Altaians] (Doctoral Thesis). Novosibirsk: Novosibirskij gos. ped. universitet.

Evstigneev, Yu.A. (2008). *Rossija: korennyye narody i zarubezhnye diaspory: kratkaya etnoistoricheskaya spravka* [Russia: Indigenous Peoples and Foreign Diasporas: Quick Ethnohistorical Guide]. Saint-Petersburg: Asterion.

Kasenova, N.N. (2016). *Formirovanie kul'tury mezhnacional'nogo obshcheniya u predstavitelej korennyh narodov Sibiri v processe ih professional'noj podgotovki v pedagogicheskom vuze* [Formation of the Culture of Interethnic Communication Among Representatives of the Indigenous Peoples of Siberia in the Process of their Professional Training in a Pedagogical University] (PhD Thesis). Moscow.

Ogloblin, N.N. (Ed.) (1895). *Obozrenie stolbcov i knig Sibirskogo prikaza (1592–1768 gg.) Ch. 1–4. Dokumenty vovodskogo upravleniya* [Review of Columns and Books of the Siberian Order (1592–1768). Ch. 1–4: Documents of the Voivodeship Administration]. Moscow: Universal'naya tipografiya.

Ojnotkinova, N.R. (2012). *Altajskie poslovicy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov* [Altay Proverbs and Sayings: Poetics and Pragmatics of Genres]. Novosibirsk: In-t filologii SO RAN.

Potapov, L.P. (1969). *Etnicheskij sostav i proiskhozhdenie altajcev: istoriko-etnograficheskij ocherk* [Ethnic Composition and Origin of the Altaians. Historical and Ethnographic Essay]. Leningrad: Nauka.

Potapov L.P. (1972) Tubalary Gornogo Altaya [Tubalars of the Altai Mountains]. In *Etnich-*

eskaya istoriya narodov azii [Ethnic History of the Peoples of Asia] (pp. 52–66). Moscow: In-t etnografii AN SSSR.

Razmeshchenie naseleniya korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Federacii (2010). [Placement of the population of indigenous small-numbered peoples of the Russian Federation]. *Rosstat* [Federal State Statistics Service]. Available at: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-19.pdf

Funk, D.A., Aksyanova, G.A., Valeev, F.T.-A., et al. (2006). *Tyurkskie narody Sibiri* [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka.

Chemchieva, A.P. (2015). Razvitie indigenennogo turizma v Rossii [Development of indigenous tourism in Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 4–1 (64), 44–48.

Chihachev, P.A. (1974). *Puteshestviya v Vostochnyj Altaj* [Travel to the Eastern Altai]. Moscow: Nauka.

Shatinova, N. I. (1981). *Sem'ya u altajcev* [The family of the Altaians]. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izd-va.

Shatygin, V.V. (Ed.) (2001). *Chaptynov*. Gorno-Altajsk: Gorno-Altajskaya respublikanskaya tipografiya.

Yadrincev, N.M. (1882). *Sibir' kak koloniya. K yubileyu trehsotletiya* [Siberia as a colony. To the anniversary of the tercentenary]. St. Petersburg.

Hinch, T., & Butler, R. (2007). Introduction: revisiting common ground. In *Tourism and indigenous peoples* (pp. 19–30). Routledge.

УДК 332.145

ПЛЕЙСМЕЙКИНГ — ПОДХОД ДЛЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДОВ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОГО И РОССИЙСКОГО ОПЫТА)

О.С. Ласточкина

*Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия,
e-mail: lasto4kina543@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-07

Качество жизни населения зависит в том числе от уровня развития городской инфраструктуры. В статье рассматриваются возможности плейсмейкинга (*placemaking*, от английского *place* — место, *make* — делать; буквально: «создание места») в качестве ресурса для улучшения качества жизни населения. Плейсмейкинг — подход к обустройству мест общественного пользования, облагораживанию и снабжению достопримечательностями и брендами, учитывающий мнение городского населения. Цель данной работы — анализ зарубежного и российского опыта к подходу плейсмейкинг с выявлением возможностей и ограничений, проблем реализации подхода. Информационной базой исследования выступили научные отечественные и зарубежные труды по рассматриваемой теме, ресурсы с описанием практического опыта применения подхода. Использовались методы сравнительного анализа, синтеза, обобщения, табличный способ представления информации. Сделан вывод о необходимости развития общественных пространств, так как они способствуют притоку частных инвестиций, формируют новые рабочие места, организуют досуг местных жителей и туристов, т.е. стимулируют развитие территории. Результаты могут быть применимы в практике органов региональной и муниципальной власти.

Ключевые слова: *общественные пространства, плейсмейкинг, качество жизни, городская среда, благоустройство, индекс комфортной городской среды, мониторинг*

PLACEMAKING — AN APPROACH FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC SPACES IN MODERN CITIES (REVIEW OF FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE)

O. S. Lastochkina

*Vologda Research Center of The Russian Academy of Science, Vologda,
e-mail: lasto4kina543@yandex.ru*

The quality of life of the population, including depends on the level of development of urban infrastructure. The article discusses the possibilities of placemaking (from the English “place” — “place”, “make” — “to do”; literally: “creating a place”) as a resource for improving the quality of life of the population. Placemaking is an approach to the arrangement of public places, improvement and supply of attractions and brands, taking into account the opinion of the urban population. The purpose of this work is to analyze foreign and Russian experience in the approach of placemaking with the identification of opportunities and limitations, problems of implementation. The information base of the research was scientific domestic and foreign works on the topic under consideration, resources with a description of the practical experience of applying the approach. Methods of comparative analysis, synthesis, generalization, and tabular representation of information were used. The conclusion is made about the need for the development of public spaces, since they promote the inflow of private investment, create new jobs, organize leisure activities for local residents and tourists, i.e., stimulate the development of the territory. The results can be applied in the practice of regional and municipal authorities.

Keywords: *public spaces, placemaking, quality of life, urban environment, landscaping, index of comfortable urban environment, monitoring*

Введение

В последнее время назрела необходимость в поиске альтернативных подходов, направленных на развитие городских пространств. Доставшаяся в наследство после распада СССР система объектов городской инфраструктуры, сформированная для нужд промышленности, рассматривает только два места пребывания человека: дом или работа, исключая третье — место для отдыха и развития, что не отвечает представлениям современного общества о качественной городской среде. Дж. Джейкобс, основоположник идеи комфортных общественных пространств, являющихся одним из элементов городской среды, отмечает их положительное влияние на качество жизни населения (Джейкобс, 2008; Ольденбург, 2014; Стариков, 2017), современный российский город нуждается в модернизации таких мест. К сожалению, городские власти, реализуя федеральные, региональные и муниципальные программы, направленные на улучшение качества жизни, уделяют недостаточное внимание развитию качественных общественных пространств по разным причинам (бюджетные ограничения, жесткое градостроительное планирование, недостаток кадров

и пр.). Опираясь на междисциплинарный подход, для решения вопросов, связанных с организацией городской среды, можно применить плейсмейкинг — специфический подход к обустройству мест общественного пользования, к облагораживанию и снабжению их достопримечательностями и брендами, в первую очередь учитывающий интересы горожан, а также подход к управлению, дизайну и смене имиджа этих мест с учетом движения проектной инициативы «снизу вверх». Термин «плейсмейкинг» появился в среде урбанистов в 1970-х и закрепился в научном мире в 1990-х, подход построен на сотрудничестве местной власти и гражданского сообщества по вопросам обустройства городской среды, что необходимо для наполнения публичных пространств различными сценариями использования, формирования архитектурного кода города, повышения его туристической привлекательности и создания новых рабочих мест, зон отдыха, разнообразия культурной жизни социума. Предполагается скоординированная работа инициатора проекта со всеми потенциальными заинтересованными сторонами, привлечение их к прямому участию в реализации проекта.

Цель статьи: анализ зарубежного и российского опыта к подходу под названием «плейсмейкинг» (*placemaking*), связанному с планированием и управлением городскими территориями с привлечением к процессу местного населения.

Задачи: рассмотреть основные принципы подхода плейсмейкинг и их реализацию на практических примерах; определить возможности и барьеры для использования подхода плейсмейкинг в нашей стране; проанализировать гражданскую активность населения Вологодской области; сравнить качество городской среды и общественных пространств в городах Вологодской области.

История возникновения и международный опыт

Современный город — эпицентр экономической и социальной жизни населения города, окрестных территорий и туристов. Это не только среда обитания людей, но и место концентрации различных видов деятельности (отдых, работа, транзит и др.). Для наиболее эффективного взаимодействия элементов города как сложной открытой, динамической, искусственно-естественной системы (Лаппо, 1997) необходимо создание комфортного городского пространства. Без улучшения условий проживания, доступа населения к социально-культурной среде невозможно развитие государства в целом. Всемирный банк в феврале 2020 г., основываясь на данных своего исследования «The Hidden Wealth of Cities»¹, также предложил раскрывать экономический потенциал городов через привлечение инвестиций в общественные пространства, сделав тем самым акцент на важности данной категории. В последнее время наблюдается высокий интерес к плейсмейкингу — подходу, направленному на развитие общественных пространств с привлечением социально активного населения. Впервые на формирование городской среды особое внимание обратили Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт в Чикагской школе социологии. Р. Парк определяет город как наиболее успешную попытку человека переделать по своему желанию мир, в котором он живет (Park, 1967), включая в определение одну из важнейших

¹ The hidden wealth of cities. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/33186/211449ov.pdf?sequence=4&isAllowed=y> (дата обращения: 21.03.2021).

характеристик плейсмейкинга — потребности человека. Л. Вирт указывает на значительное влияние города на социальную жизнь человека, обращая особое внимание на то, что город — не просто место обитания, но и центр событий, формирующих культурную, политическую и экономическую жизнь населения (Вирт, 1997). Идея менять места общественного пользования с учетом в качестве критерия удобства людей впервые описана в работах урбанистов У. Уайта и Дж. Джекобс. Дж. Джекобс придавала особое значение социальным связям для городского развития: чем интенсивнее связи между людьми, утверждает она, тем больше у города энергии для развития. В качестве ключевых факторов, определяющих хорошее общественное пространство города, она выделяет доступность, связанность, комфорт, внешний облик места, многофункциональность, а также ощущение безопасности. Безопасности места уделяется особое внимание, так как, по мнению Дж. Джейкобс, от этого зависит легкость привлечения инвестиций в развитие общественных территорий (Сделано горожанами..., 2017). Плейсмейкинг при определении общественного пространства опирается на «Хартию общественного пространства», принятую в 2014 г. ООН, в которой под общественным местом понимается «ключевой элемент благосостояния индивида и общества, места коллективной жизни сообщества, выражение разнообразия совместного природного и культурного богатства и основ идентичности». На основе этого определения сформулирована цель Project for Public Spaces (PPS), крупнейшей организации, реализующей подход плейсмейкинг, основанной в США в 1975 г. У. Уайтом и Ф. Кентом. На сегодняшний момент PPS накоплен огромный практический и теоретический опыт реализации проектов в США и более чем в 50 странах мира, включая Россию¹. Объединение граждан в процессе создания общественного пространства (соучаствующее планирование) приводит к укреплению гражданского общества, появлению носителей ценностей определенной местности и ее культуры. PPS разработала методологию, инструментарий по использованию подхода и основные принципы плейсмейкинга:

- общественное пространство создается для коммуникации, оно должно побуждать к общению людей, незнакомых между собой; создание места опирается на нужды населения и направлено на удовлетворение потребностей нескольких групп населения, а не одной;
- содержание важнее формы — рекомендуется учитывать многофункциональность пространства, дизайн вторичен;
- проектирование территории осуществляется с учетом ее особенностей, локального контекста;
- в качестве источников финансирования рекомендуется использовать муниципальный бюджет, арендную плату за использование кафе и ресторанов, доходы от мероприятий, а также частные инвестиции;
- обустройство общественного места не прекращается с завершением работ экспертов, важен контроль и грамотное управление пространством (поддержание

¹ What is Placemaking? URL: <https://www.pps.org/article/what-is-placemaking> (дата обращения: 23.03.2021).

объектов для снижения износа, внесение изменений после выявленных в процессе эксплуатации потребностей пользователей);

- общественное пространство должно предоставлять группы связанных услуг: развлечения, питание, отдых, торговля, технологии «умного города» и пр. (Сделано горожанами..., 2017; Abusaada, Elshater, 2021).

Материалы, разработанные PPS, легли в основу образовательных программ по подготовке кадров в области городского проектирования: в институте Pratt (Нью-Йорк, США), в летней школе Uva (Амстердам, Нидерланды) и пр. Курсы носят междисциплинарный характер в областях практики, теории и политики изменения общественных мест¹. Обученный специалист способен масштабировать перенос успешных экспериментов по изменению городской среды на другие территории.

Если изучать практический опыт применения плейсмейкинга, то он весьма обширен. В частности, примером создания общественного пространства группой активных горожан без особых финансовых вложений является закрытый в конце 1960-х пляж г. Форт-Брэгг в США, на котором долгое время располагалась неофициальная свалка. После проведения очистительных работ был вывезен крупногабаритный мусор, однако осколки стекла остались. Под воздействием времени они превратились в гладкие разноцветные «камни», и пляж стал одной из самых популярных туристических достопримечательностей Калифорнии². Увеличившийся поток туристов проявил необходимость следить за состоянием пляжа (уборка и благоустройство территории), эти функции выполняла группа социально активных граждан. В дальнейшем инициатива была поддержана мэром города, и на территории общественного пространства появились мелкие кафе, сувенирные лавки, экскурсионные бюро, что дало толчок развитию экономики населенного пункта. Пример демонстрирует возможности самоорганизации населения и необходимость учета при организации общественных пространств локальных особенностей территории.

Существует опыт применения подхода, когда социально-экономическая ситуация в городе менялась благодаря инициативе, исходившей от представителей органов власти. Принципы плейсмейкинга при принятии управленческих решений использовались мэры г. Боготы в Колумбии А. Мокус (сроки в должности мэра: 1995–1997; 2001–2003) и Э. Пеньялос (сроки в должности мэра: 1998–2001, 2015–2019). Долгое время город демонстрировал рост негативных показателей: сложная криминальная обстановка, наличие районов трущоб без воды и света, недостаточная обеспеченность города транспортом, нарушения правил движения на дорогах. А. Мокус разработал курс реформ, призванных изменить мнение жителей о городе, а сменивший его на посту Э. Пеньялос продолжил их реализацию. Управленческие решения касались развития социально-культурной сферы, оба мэра были убеждены в том, что это по-

¹ Институт Pratt // Pratt. URL: <https://strelka.com/ru/events/event/2018/08/06/placemaking-in-st-petersburg-how-to-create-a-public-space> (дата обращения: 18.02.2021); Uva // Universitet of Amsterdam. URL: <https://summerschool.uva.nl/content/summer-courses/the-everyday-city-and-beyond/placemaking-in-the-city.html?1583649298452> (дата обращения: 18.02.2021).

² Fort Bragg/ north coast California. URL: <https://visitfortbraggca.com> (дата обращения: 21.02.2021)

зволит решить социально-экономические проблемы. Для этих целей в центре города были организованы новые общественные места: большой парк, площадки для занятий спортом, арт-квартал, при их организации учитывалось мнение населения. Одна из задач — повышение культурного уровня горожан решалась проведением тематических театральных представлений на улицах. Для профилактики правонарушений и создания чувства безопасности и комфорта, а также стимулирования социальной и экономической активности были организованы гражданские патрули, следящие за правопорядком. Началась реализация программы по развитию инфраструктуры городского транспорта. Эти инициативные управленческие решения позволили сократить преступность на 70% и улучшить условия жизни горожан¹.

Практический опыт подхода позволяет нам сделать вывод о том, что плейсмейкинг весьма успешен. С опорой на активность индивидов или общественных групп, заинтересованных в облагораживании территории, анализируемый подход позволяет повысить качество жизни за счет применения инноваций и креативных техник по благоустройству территорий. Он налаживает коммуникацию в социуме, меняет отношения между властью и обществом, решает многие социально-экономические проблемы.

Обзор российского теоретического и практического опыта

Накопленный за годы практического применения плейсмейкинга опыт может быть реализован в условиях современной российской действительности, но при поиске новых возможностей использования общественных пространств, а тем более в случае их организации следует учитывать особенности развития городов и необходимость сохранения их истории и культуры.

Советский опыт формирования городской среды подходил к общественному пространству как к территории, обслуживающей промышленную зону, отведенной для размещения объектов общественного назначения. В современной российской действительности это плохо работает, зачастую общественные пространства простаивают без людей или выступают в качестве транзитных маршрутов по пути следования местного населения, именно такая участь у большинства городских парков, которые чаще всего активно используются для проведения массовых мероприятий (Озеленение советских городов, 1954). Возросшее число федеральных и региональных программ в вопросах улучшения качества жизни населения говорит о назревшей необходимости изменения сценариев использования уже существующих городских пространств и создания новых. Сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и в качестве жизни — цели национальной политики в целом. В Стратегии пространственного развития на период до 2025 г. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р) речь идет о «содействии развитию малых и средних городов и крупных сельских населенных пунктов как межмуниципальных обслуживающих центров для сельских территорий, обеспечивающих население и предпринимателей различными видами услуг (отраслей социальной

¹ Крайние мэры: 10 мэров, кардинально изменивших свой город. URL: <https://www.the-village.ru/people/people-city/105265-mayors> (дата обращения: 23.03.2021).

сферы, сервисного обслуживания сельскохозяйственной техники и оборудования, информационно-консультационных услуг, услуг в области хранения и переработки местного сельскохозяйственного сырья и других услуг)¹. Та же цель звучит в федеральной программе по формированию комфортной городской среды, реализуемой в России с 2017 года². Городская среда включает в себя общественные пространства, которые обеспечивают коммуникацию и обмен между горожанами. В российском нормативно-правовом поле до сих пор не определен статус публичных пространств. Согласно ч. 1 и ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ, общественные и публичные пространства (общественные места) определяются как «детские, образовательные и медицинские организации, все виды общественного транспорта городского и пригородного сообщения, организации культуры (за исключением расположенных в них организаций или пунктов общественного питания, в том числе без образования юридического лица)», не определенным остается статус улиц. И это простое перечисление объектов инфраструктуры, без учета отношений, выстраиваемых их пользователями. Одним из факторов, мешающих реализации подхода плейсмейкинг на территории РФ, может выступать вертикальный характер общения власти с местными сообществами при слабой выраженности горизонтальных связей. В большинстве случаев власти не имеют стратегий по развитию общественных пространств, а прилагаемые усилия носят эпизодический, а не системный характер (Лагодина, 2013). Администрация при принятии решений в рамках реализации муниципальных программ о наполнении общественных пространств видами деятельности редко интересуется мнением населения. Но стоит заметить, что в последнее время ситуация меняется в лучшую сторону. В эпоху цифровизации все большее влияние оказывают социальные сети и интернет-платформы. Подтверждение этому мы можем увидеть, анализируя работу заявительных онлайн-сервисов по проблемам городского хозяйства в регионах. Они организуют горизонтальные связи между властью и населением и доносят информацию в обе стороны (население власти / власть населению). Наиболее востребованными в нашей стране онлайн-сервисами являются Change.org (<https://www.change.org>), сайт петиций Президенту России В.В. Путину (<https://петиция-президенту.рф>) и iGrajdantin (<https://igrajdanin.ru>). Мощную обкатку данный формат гражданской активности прошел в период пандемии, показав неплохие результаты (Смолева, 2021).

Еще одним фактором, ограничивающим применение плейсмейкинга, является преемственность советского прошлого при планировании большинства российских городов. В современных общественных пространствах все еще можно встретить унифицированные пространственные паттерны: примерно одинаковая плотность застройки, визуальная бедность архитектуры и недостаток учреждений

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoj_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 21.02.2021).

² Формирование комфортной городской среды: Паспорт приоритетного проекта по основному направлению стратегического развития Российской Федерации. URL: <http://government.ru/projects/selection/649/25517/> (дата обращения: 20.03.2021).

досуга в ряде отдаленных от центра города районов. Результаты такого подхода сейчас все чаще оцениваются негативно (Лагодина, 2013). При этом в современной действительности многие города продолжают формировать пространства, руководствуясь все теми же критериями.

Характерной особенностью российского общества является низкая гражданская активность, об этом говорят многие исследователи. В частности В.Л. Глазычев, С.Б. Переслегин объясняют снижение активности с недостаточной обратной связью со стороны властных структур и слабой организацией экспертных сообществ (Глазычев, 2003). Гражданская активность — основа плейсмейкинга. Общественное пространство должно быть построено с учетом потребностей населения в более качественной среде. Инициатива, направленная на изменение городской среды, может быть реализована некоммерческими организациями (НКО) как одной из форм реализации гражданской активности. Некоммерческий сектор в России начал развиваться только с 2000-х гг., на организацию его работы в регионах обратили внимание недавно, еще только идет процесс совершенствования законодательной базы (Косыгина, 2017). Стоит отметить крайне нестабильную активность сектора, существуют организации, оформленные только на бумаге и не ведущие постоянную деятельность. По результатам исследований наблюдается снижение количества организаций, ведущих деятельность, с 20% в 2017 г. до 10–15% в 2020 г. (Смолева, 2020).

В нашей стране исследования в области развития общественных пространств начали активно развиваться в 1990-е гг., после распада Советского Союза. А.В. Иконников, В.Л. Глазычев, А.В. Крашенинников, С. Ситар, Е.Г. Трубина, А.Г. Раппопорт, Е.В. Асс, Л.Б. Коган и др. оценивают общественные пространства как важнейшую составляющую городской жизни социума. А. Некипелов, Т.В. Ускова и Н.В. Ворошилов, указывая на необходимость модернизации общественно-экономических отношений через поиск и использование незадействованных ресурсов развития регионов России (Ускова, Ворошилов, 2015), выделяют в качестве такого ресурса развитие входящих в состав региона территорий. В последние годы исследователи подтверждают, что при создании общественных пространств необходимо соучаствующее проектирование (привлечение местного населения), также указывая на существование принципиального различия в образах воспринимаемого пространства горожанами и профессиональными архитекторами-урбанистами (по протяженности, форме, иерархии) (Капустин, Задворянская, Соловец, Козлов, 2017). Для успешной работы над созданием общественного пространства требуется преодолеть эти различия. Б. Гройс отмечает, что, проектируя общественное пространство, важно учитывать то, что оно вышло за рамки архитектуры и должно определяться медиа и туризмом как вид экономической деятельности (Гройс, 2012). В.Л. Глазычев говорит об обязательном наличии в публичных пространствах «значительного числа людей, не занятых производственной деятельностью» (Глазычев, 1995).

В современных условиях между западными и отечественными исследователями существует активный обмен накопленными теоретическими и практическими знаниями в области плейсмейкинга. В Московском институте «Стрелка» ведутся практико-ориентированные образовательные программы с опорой на принципы

плейсмейкинга, что способствует положительным изменениям в общественном сознании, формируя новые идеи и ценности социально активного гражданина. Главной темой учебного курса является город, инструменты плейсмейкинга, их применение в работе с ключевыми городскими территориями, проводятся полевые исследования¹. С 2016 г. КБ «Стрелка» совместно с Минстроем и ДОМ.РФ в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» реализует проекты по обновлению общественных пространств в 51 городе России.

Практическим примером успешного использования плейсмейкинга является социокультурный проект «Пермская культурная революция» в г. Пермь, реализуемый с 2008 по 2012 г. Инициатива исходила от администрации города. Проект ставил следующие задачи: изменение качества жизни в Пермском крае; снижение оттока населения и повышение индекса развития человеческого капитала; изменение структуры экономики через создание новых рабочих мест в социально-культурной сфере; создание точек постиндустриального развития². Он включал в себя ряд продолжительных культурных мероприятий (выставка «Русское бедное» (2008 г.), фестиваль «Живая Пермь» (2009–2010 гг.), фестиваль «Белые ночи в Перми» (2011–2013 гг.), проект «Пермь — культурная столица Европы» (2012 г.). Финансирование осуществлялось из бюджета города и частных фондов. Часть идей не нашли поддержки, но арт-объект «Счастье не за горами», созданный при финансовой поддержке частных инвесторов, привлекает туристов и местных жителей до сих пор, став визитной карточкой города. Он был установлен в 2009 г. в рамках public-art-программы «Музей в городе». В настоящий момент он поставлен на баланс города как памятник культуры. Так инициатива, исходившая «сверху», встретила поддержку со стороны населения и позволила создать новые общественные пространства. Проект можно рассматривать как пример преобразования промышленного города в центр культурной жизни.

Иллюстрацией реализации инициативы группы граждан является общественное пространство «Textil» в историческом районе Ярославля, существующее с 2013 г.³ Оно ориентировано на организацию и проведение фестивалей и выставок современного искусства, а также создание общественных пространств в городе. Первым общественным пространством стал бывший склад текстильной фабрики, расположенный в районе Красного Перекопа. Основные мероприятия проводятся организаторами вместе с волонтерами, местными жителями и туристами. На территории бывшей фабрики организуются лекции, работают кафе и игровые зоны для детей, проводятся спектакли и др. Реализация проекта осуществляется с при-

¹ «Стрелка» и проектирование общественных пространств // Стрелка. URL: <https://strelka.com/ru/events/event/2018/08/06/placemaking-in-st-petersburg-how-to-create-a-public-space> (дата обращения: 09.02.2021).

² Пермский культурный проект. Концепция культурной политики Пермского края. URL: <http://kulturaperm.ru/projects/proekt-koncepcii-kulturnoj-politiki-permskogo-kрая/> (дата обращения: 29.11.2019).

³ Текстиль. Арт-пространство: официальный сайт. URL: <http://textil.in/> (дата обращения: 20.10.2020).

влечением в качестве партнера ОАО «Объединение „Ярославские краски“» и при поддержке мэрии г. Ярославля.

Ниже приведен конкретный пример реализации подхода на территории г. Вологда. Проект, инициаторами которого выступили городские активисты — профильные эксперты, не нашел длительной поддержки у органов власти, хотя был востребован местными жителями. Проект «Активация» в 2011 г. появился на кафедре архитектуры и градостроительства Вологодского государственного университета по инициативе студентов и молодых преподавателей. За восемь месяцев работы было организовано пять общественных пространств: красный пляж, треугольный сад, городские подмостки, бульвар раскладушек, новый пейджер. Проект воплощен силами студентов-волонтеров и не требовал дополнительных материальных затрат, все объекты пространства были выполнены из дерева, как традиционного материала русского севера. Финансирование проекта велось на частные средства. Несмотря на отсылку к теме русского деревянного зодчества и ее вольную интерпретацию, а также востребованность пространства, в 2018 г. объекты были демонтированы, так как создатели пространства не нашли организацию, готовую взять на контроль состояние объектов, и они постепенно разрушились¹.

Таким образом, российские исследования в области соучаствующего проектирования и использования подхода плейсмейкинг при планировании городской среды начались несколько позднее, чем на Западе, но активно применяются при реализации программ в рамках национальных проектов, направленных на повышение качества жизни населения. В целом для нашей страны характерен низкий уровень благоустройства большинства городских территорий, оставшийся со времен Советского Союза, при растущих потребностях населения в качественной городской среде. Проекты по облагораживанию общественных пространств успешны, если есть группа активистов и они реализуются при поддержке органов власти. В качестве инвесторов могут выступать как городская администрация, так и частные организации. Актуальным вопросом является поиск учреждений, готовых принять на баланс созданные объекты общественного пространства.

Анализ данных

Информацию о гражданской активности населения Вологодской области дает его ежегодный опрос «Мониторинг общественного мнения», который проводится ВолНИЦ РАН с 2011 г. в городах Вологда и Череповец и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). Плейсмейкинг как подход опирается на гражданскую активность при проектировании общественных пространств. Всего в мониторинге ежегодно участвуют 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. В 2021 г. было опрошено в Вологде — 398, в Череповце — 404 и в районах области — 698 чел. В качестве метода опроса использовалось анкетирование респондентов по месту жительства. Выборка целенаправленная, квотная, репрезентативность обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, жителями населенных пунктов различ-

¹ «Красный пляж», проект «Активация». URL: <http://8architects.com/page10019042.html> (дата обращения: 23.02.2021).

ных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области¹. По результатам мониторинга общественного мнения большинство жителей Вологодской области пассивны в вопросах личного участия в общественной жизни города и района. Доля населения, считающего, что изменять условия проживания в городе, районе им не по силам, ежегодно увеличивается, и если в 2019 г. в среднем по области она составляла 60% от общего числа опрошенных, то в 2021 г. превысила 76%. Наиболее высокий показатель не уверенных в своих силах — в районных центрах, в 2021 г. он превышает показатели Вологды и Череповца на 8 пунктов (Вологда — 73,4%, Череповец — 70,5% и районы — 81,2%). При этом количество опрошенных, которые чувствуют уверенность, что могут влиять на дела города, района, практически не изменилось за период мониторинга и в 2021 г. в среднем по области составляет 34,9%, наблюдается незначительный разрыв в 3 пункта между населением крупных городов области и районов в положительной оценке влияния на положение дел в городе, районе в пользу районного населения (Озорнина, Бахвалова, Гордиевская, 2020). Существует также определенный запас потенциала активного населения, около 16% опрошенных не определились, способны ли они влиять на ситуацию дел на близлежащих территориях, и более 19% опрошенных не уверены в том, что способны влиять на положение дел в городе, районе. В области имеется общество активных граждан, способных участвовать в проектировании общественных пространств в рамках подхода плейсмейкинг.

Для исследования качества городской среды, которую меняет социально активное население, используется индекс качества городской среды. По показателям индекса, которые можно вычлениить, становится очевиден потенциал города и направления деятельности социально активных групп населения. Рассмотрим города Вологодской области по развитию городской среды, в том числе общественных пространств, на основе индекса качества городской среды. Данный метод индексов регламентирован Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 31 декабря 2017 г. № 1494/пр «Об утверждении методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации»². По поручению президента к 2024 г. стоит задача повысить индекс качества городской среды на 30% и сократить количество городов с неблагоприятной городской средой в два раза. Сам метод построен на учете генерального индекса привлекательности городов и показателя комфортности городской среды. Основными критериями выступают динамика численности населения, демографические характеристики населения, транспортная инфраструктура, инновационная активность, инженерная инфраструктура, кадровый потенциал, экономика города, доступность жилья, развитие жилищного сектора, социальная инфраструктура, социальные параметры общества, благосостояние граждан, природно-экологическая

¹ Мониторинг общественного мнения «Гражданское общество» проводится ФГБУН ВолНЦ РАН, 2011–2021 гг.

² Об утверждении Методики определения индекса качества городской среды муниципальных образований Российской Федерации: Приказ Минстроя России от 31 октября 2017 г. № 1494/пр. URL: <http://www.minstroyrf.ru/docs/15538/> (дата обращения: 29.02.2021).

ситуация. Баллы городам начисляются по следующим показателям: развитие улично-дорожной сети, общественно-деловой инфраструктуры; озеленение пространства; жилье и прилегающие пространства; социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства и общегородское пространство. Выделяются две группы городов: с благоприятной и неблагоприятной городской средой. Максимальное количество баллов, которое может получить город, — 360, в группу городов с благоприятной городской средой относятся города, набравшие более 180 баллов.

Методика индекса комфортной городской среды применима только к городам. Для анализа выбран временной период с 2018 г., так как в этом году впервые произведен расчет индекса комфортной городской среды. В области 15 городов: два города относятся к крупным (численность населения более 250 000 человек) и 13 являются малыми городами (численность постоянно проживающего населения менее 50 000 человек)¹. В 2020 г. около 70% населения области проживает в городах, из них более 70% сконцентрировано в Вологде и Череповце, крупных городах. Все 15 городов участвуют в расчете индекса комфортной городской среды, поселки городского типа в исследовании участия не принимают, их жители относятся нами к сельским². Только пять городов (33% от общего числа городов) в 2020 г. относятся к городам с комфортной городской средой.

Таблица 1.

Индекс качества городской среды городов Вологодской области с высоким показателем, 2018–2020 гг.

Города ВО	2018	2019	2020	2020 в процентах к 2018
Вологда	194	206	210	108,2
Череповец	193	197	205	106,2
Великий Устюг	176	179	205	116,5
Харовск	183	187	191	104,4
Сокол	171	192	188	110

Источник: составлено автором³.

В таблице 1 представлены пять городов Вологодской области, которые по итогам 2020 г. имеют высокие показатели индекса качества городской среды, это Вологда и Череповец (крупные города области), Великий Устюг, Харовск и Сокол. Сокол получил достаточное количество баллов в 2019 г., а Великий Устюг присоединился к городам с комфортной городской средой в 2020-м. Ориентируясь на показатели индекса, руководство города имеет возможность выявить слабые стороны развития

¹ Города России. URL: <http://города-россия.рф> (дата обращения: 25.04.2021).

² Вологдастат. Официальная статистика. Демография. URL: <https://vologdastat.gks.ru/folder/27015> (дата обращения: 20.02.2020).

³ Индекс качества городской среды — инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования. URL: <https://индекс-городов.рф> (дата обращения: 20.03.2021)

городской инфраструктуры и предпринять меры по выправлению ситуации, таким образом, индекс одновременно является и лакмусовой бумажкой, указывая на проблемные места, и показателем грамотного управления территорией.

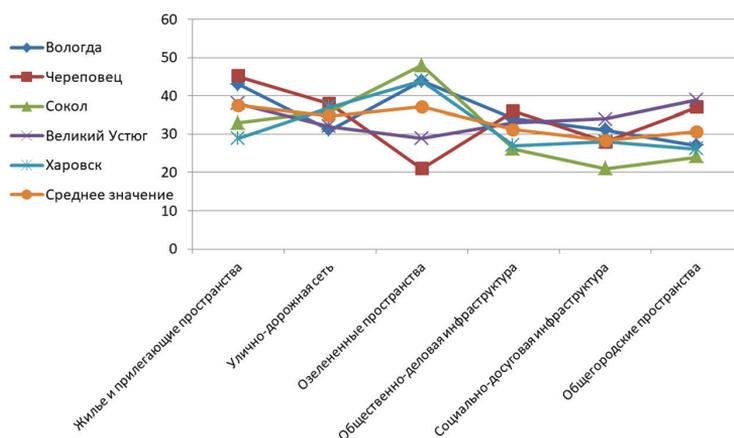

Рисунок 1 — Гистограмма показателей индекса качества городской среды (города Вологодской области с высоким индексом, 2020 г.)

На рисунке 1 изображены города с высоким индексом развития в разбивке по отдельным показателям (максимум 60 баллов. Особый интерес вызывают города, набравшие меньше половины от максимального количества баллов, и города с баллами ниже среднего значения по области).

По показателю «Жилье и прилегающие пространства» больше половины от максимального количества баллов набрали Череповец, Вологда и Великий Устюг, остальные города имеют низкие показатели. Во всех городах реализуется национальный проект «Жилье и городская среда» с вытекающими из него региональными проектами и муниципальными программами, но эффективность реализации различается в зависимости от города. Наиболее успешны в его реализации три города, перечисленных выше.

В Вологде наиболее проблемной зоной является низкий показатель развития улично-дорожной сети. Вопросы качества дорог входят и в число популярных интернет-обращений вологжан на ресурсе iGrazdanin.ru (Смолева, 2021). Низкое значение по данному показателю имеет и Великий Устюг. Лидером по развитию улично-дорожной сети является Череповец, для промышленного центра области хорошее состояние дорог — это необходимое условие для транспортировки грузов.

Очень сильно различаются по городам показатели озелененности пространств. Самый высокий балл имеет г. Сокол, самый низкий — Череповец. К озелененным относят территории города, покрытые растительностью, включая парки, скверы, леса, а также территории, прилегающие к городским водоемам. Череповец является индустриальным городом, что негативно сказывается на экологической обстановке, которую также включает в себя данный показатель. Вологда и Харовск имеют пока-

затель озелененности выше среднего значения, что свидетельствует о достаточной озелененности территорий.

Показатели «Общественно-деловая инфраструктура» и «Социально-культурная инфраструктура» могут быть проанализированы в комплексе, баллы по ним распределены достаточно плотно к среднему значению. Низкие баллы по данному показателю демонстрирует г. Сокол. Город нуждается в развитии деловых, торговых объектов, предприятий сервиса и услуг, несмотря на деятельность бизнес-инкубатора и реконструкцию центров культурной и спортивной жизни. Череповец, как центр черной металлургии, которая является основной отраслью специализации области, имеет самый высокий показатель развития общественно-деловой инфраструктуры (36 баллов), но при этом в городе уделяется незначительное внимание развитию социально-досуговой инфраструктуры. Одной из причин неоптимального значения показателя досуговой инфраструктуры является монофункциональность районов города. Возможным выходом из сложившегося положения может стать ревитализация промышленных территорий (комплекс мероприятий по оживлению, возобновлению и преобразованию индустриальных зданий, сооружений и территорий с целью повышения эффективности их функционирования) как технология плейсмейкинга. Как иллюстрация противоположной позиции — хороший показатель по развитию общественно-деловой и социально-досуговой инфраструктуры имеют Великий Устюг и Вологда. Областной центр обладает многофункциональной структурой, развитой промышленностью и сферой услуг. Великий Устюг имеет несколько направлений экономической деятельности, в том числе использует туристический бренд «Великий Устюг — родина Деда Мороза», обладает богатыми деловыми связями. Показатель социально-культурной инфраструктуры также включает в себя использование потенциала объектов культурного наследия.

В число проблемных зон трех из пяти городов Вологодской области (Сокол, Вологда, Харовск) входят общегородские пространства, получившие низкие баллы, к этому показателю относится и гражданская активность населения. Использование плейсмейкинга позволит развить существующие городские пространства, продумать стратегию создания новых и стимулировать рост количества рабочих мест в непроизводственном секторе экономики. Высокий балл по данному показателю имеют Великий Устюг и Череповец, остальным городам требуется развивать общественные пространства, показатель не дотягивает даже до среднего значения.

Таким образом, развитое общегородское пространство имеют 40% городов, входящих в группу с высоким индексом городской среды, из них один город относится к малым, и это Великий Устюг — туристический центр, родина Деда Мороза. В городах, имеющих высокий индекс качества комфортной городской среды, в недостаточной мере развита социально-досуговая инфраструктура (60% городов набрали меньше половины баллов по этому показателю, из них малых — 66%). Оба крупных города области в достаточной степени обеспечены жильем, в них отсутствуют выраженные проблемы с развитием улично-дорожной сети и общественно-деловой инфраструктурой. Тогда как все малые города имеют высокий показатель озелененных пространств, их население достаточно обеспечено жильем, имеют

более развитую в сравнении с крупными городами улично-дорожную сеть (по 66%). Использование технологии плейсмейкинг может способствовать развитию социально-экономических показателей, наполнить городскую среду иными сценариями использования, что повысит комфортность городского пространства и позволит улучшить качество жизни горожан.

Консервативность управленческого аппарата, непроработанность законодательной базы и низкий уровень гражданской активности выступают в качестве основных барьеров для использования плейсмейкинга на территории нашей страны. Плейсмейкинг дает возможность при благоустройстве общественных пространств уйти от советского опыта городского планирования и консервативных методов управления и наладить связи между горожанами, представителями бизнеса и муниципалитетами. С появлением и изменением общественных пространств произошедшие в городе изменения повлекут за собой рост частных инвестиций и стимулирование предпринимательской активности; повысят психологический комфорт (формирование чувства безопасности и взаимного доверия в социуме, снижение социальной напряженности в районе, уменьшение криминализации района); улучшат экологическую ситуацию.

Заключение

В заключение отметим назревшую необходимость создания и развития общественных пространств в России. Проведенный анализ зарубежного и российского опыта к подходу плейсмейкинг свидетельствует о высокой актуальности исследований по теме для современной практики управления территориальным развитием при формировании комфортной городской среды, отвечающей потребностям горожан, что может привести к повышению качества жизни населения и социально-экономическому развитию территорий. Активное городское население, привлекаемое к изменениям городского ландшафта, выступает в качестве потенциального ресурса для обустройства территорий, что особо значимо в условиях усиления роли неэкономических факторов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал, 1997, No. 3, 169–196.

Гройс Б. Публичное пространство: от пустоты к парадоксу. М.: Strelka Press, 2012.

Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2003.

Глазычев В.Л. Городская среда. Технология развития: Настольная книга. М.: Лодья, 1995.

Джейкобс Дж. Экономика городов. Новосибирск: Культурное наследие, 2008.

Капустин П.В., Задворянская Т.И., Соловец Е.В., Козлов А.Г. Задачи и формы социально ориентированного архитектурного проектирования. Архитектурные исследования. 2017, 2 (10), 40–48.

Косыгина К.Е. Тенденции развития российского некоммерческого сектора в современных условиях. Гуманитарные научные исследования, 2017, No 3.

Лагодина Е.В. Настоящее и будущее российских общественных пространств. Российский психологический журнал, 2013, No 4, 61–69.

Лаппо Г.М. География городов. М.: ВЛАДОС, 1997.

Озеленение советских городов. М.: Стройиздат, 1954.

Озорнина С.В., Бахвалова И.М., Гордиевская А.Н. Динамика гражданской активности населения Вологодской области. Социальное пространство, 2020, 6(2). doi: 10.15838/sa.2020.2.24.6

Ольденбург Р. Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Сделано горожанами: руководство по плейсмейкингу. Project for public spaces, 2017. URL: <http://www.placemaking.ru/>

Смолева О.Е. Интернет-практики участия граждан в создании комфортной городской среды (на материалах Северо-Западного федерального округа). Проблемы развития территории, 2021, 25 (2), 90–107.

Смолева О.Е. О внешних барьерах гражданского участия. В кн.: Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических преобразований. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2020. С. 180–184.

Стариков А.А. Качество жизни граждан и комфортная городская среда. Академический вестник Уралниипроект РААСН. 2017, No 3, 46–49.

Ускова Т.В., Ворошилов Н.В. Региональная политика территориального развития. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015.

Abusaada H., Elshater A. Competitiveness, distinctiveness and singularity in urban design: A systematic review and framework for smart cities. Sustainable Cities and Society, 2021, No 68. doi: 10.1016/j.scs.2021.102782

Park R. On Social Control and Collective Behavior. Chicago, 1967.

REFERENCES

Wirth, L. (1997). Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal* [Social sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology: Abstract journal], no 3, 169–196.

Groys, B. (2012). *Publichnoe prostranstvo: ot pustoty k paradoksu* [Public space: from emptiness to a paradox]. Moscow: Strelka Press.

Glazychev, V.L. (2003). *Glubin'naja Rossija: 2000–2002* [Deep Russia: 2000–2002]. Moscow.

Glazychev, V.L. (1995). *Gorodskana sreda. Tehnologina razvitina: Nastol'nana kniga* [Urban environment. Development technology: Table book]. Moscow: Lodya.

- Jacobs, J. (2008). *Ekonomika gorodov*. [The economy of cities]. Novosibirsk: Kul'turnoe nasledie.
- Kapustin, P.V., Zadvoryanskaya, T.I., Solovec, E.V., Kozlov, A.G. (2017). Zadachi i formy social'no orientirovannogo arhitekturnogo proektirovaniya [Problems and forms of socially oriented architectural design]. *Arhitekturnye issledovaniya* [Architectural studies], no 2 (10), 40–48.
- Kosygina, K.E. (2017). Tendencii razvitiya rossijskogo nekommercheskogo sektora v sovremennyh usloviyah [Trends in the development of the Russian Non-profit sector in modern conditions]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities Research], no 3.
- Lagodina, E.V. (2013). Nastoyashchee i budushchee rossijskikh obshchestvennyh prostranstv [Present and future of Russian Public Spaces]. *Rossijskij psihologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Journal], no 4, 61–69.
- Lappo, G.M. (1997). *Geografiya gorodov* [Geography of cities]. M.: VLADOS.
- Ozelenenie sovetskikh gorodov* [Greening of Soviet cities]. M.: Strojizdat, 1954.
- Ozornina, S.V., Bahvalova, I.M., Gordievskaya, A.N. (2020). Dinamika grazhdanskoj aktivnosti naseleniya Vologodskoj oblasti [Dynamics of civil activity of the population of the Vologda region]. *Social'noe prostranstvo* [Social Space], 6 (2), doi: 10.15838/sa.2020.2.24.6
- Oldenburg, R. (2014). *Tret'e mesto. Kafe, kofejni, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [Third place. Cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of “hangouts” as the foundation of the community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Sdelano gorozhanami: rukovodstvo po plejsmejkingu. (2017). *Project for public spaces*. Available at: <http://www.placemaking.ru/>
- Smoleva, O.E. (2021). Internet-praktiki uchastiya grazhdan v sozdanii komfortnoj gorodskoj sredy (na materialah Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) [Internet-practices of Citizens Participation in Creating a comfortable Urban Environment (based on the materials of the North-Western Federal District)]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development], 25(2), 90–107.
- Smoleva, O.E. (2020). O vneshnih bar'erah grazhdanskogo uchastiya [On external barriers to civic participation]. *Global'nye vyzovy i regional'noe razvitie v zerkale sociologicheskikh preobrazovanij* [Global challenges and regional development in the mirror of sociological transformations]. (pp. 180–180). Vologda: Vologodskij nauchnyj centr RAN.
- Starikov, A.A. (2017). Kachestvo zhizni grazhdan i komfortnaya gorodskaya sreda [Quality of life of citizens and comfortable urban environment]. *Akademicheskij vestnik Uralniiproekt RAASN* [Academic Bulletin of Uralniiproekt RAASN], no 3, 46–49.
- Uskova, T.V., Voroshilov, N.V. (2015). Regional'naya politika territorial'nogo razvitiya [Regional policy of territorial development]. Vologda: ISERT RAN.
- Abusaada, H., Elshater, A. (2021). Competitiveness, distinctiveness and singularity in urban design: A systematic review and framework for smart cities. *Sustainable Cities and Society*, no 68. doi: 10.1016/j.scs.2021.102782
- Park, R. (1967). *On Social Control and Collective Behavior*. Chicago.

УДК 316.4

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ФАКТОР ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА В АЛТАЙСКОМ КРАЕ)¹

А.С. Спирина

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия,
e-mail: natali93_08@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-08

В статье представлены данные социологического исследования, проведенного среди населения Алтайского края (n=1200). Цель данной работы — определить взаимосвязь между восприятием населением коррупции и уровнем социального доверия. В рамках статьи дана характеристика уровня генерализованного, межличностного, партикулярного и институционального доверия. Восприятие коррупции рассматривалось на общественном, групповом и индивидуальном уровне. Был проведен также анализ степени ощущения населения своей защищенности от коррупции. В ходе анализа обнаружены статистически значимые различия восприятия коррупции в зависимости от социально-демографических характеристик населения (пол, доход, образование, социальный статус). В результате классификации, проведенной с применением метода дерева решений, было выявлено, какую роль занимает генерализованное, межличностное, партикулярное и институциональное доверие в совокупности с социально-демографическими характеристиками населения и ощущением своей защищенности от коррупции в структуре положительного/негативного восприятия населением коррупции на общественном, групповом и индивидуальном уровне.

Ключевые слова: *генерализованное доверие, межличностное доверие, партикулярное доверие, институциональное доверие, отношение к коррупции*

¹ Публикация подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-311-90040 «Социальное доверие и коррупция: проблемы взаимообусловленности и трансформации в современных условиях регионального социума» (2019-2021).

**SOCIAL TRUST AS A FACTOR
OF PERCEPTION OF CORRUPTION
(AS RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY
IN THE ALTAI KRAI)**

A.S. Spirina

*Altai state university, Barnaul, Russia,
e-mail: natali93_08@mail.ru*

The article presents the data of a sociological study conducted among the population of the Altai Territory (n = 1200). The purpose of this work is to determine the relationship between the population's perception of corruption and the level of social trust. Within the framework of this article, the characteristics of the level of generalized, interpersonal, particular and institutional trust were given. Perceptions of corruption were examined at the social, group and individual levels. An analysis was also made of the degree to which the population feels that they are protected from corruption. The analysis revealed statistically significant differences in the perception of corruption depending on the socio— demographic characteristics of the population (gender, income, education, social status). As a result of the classification carried out using the decision tree method, it was revealed what role generalized, interpersonal, particular and institutional trust plays in conjunction with the socio— demographic characteristics of the population and the feeling of their protection from corruption in the structure of positive / negative perception of corruption by the population in the public, group and individual level.

Keywords: *generalized trust, interpersonal trust, particular trust, institutional trust, attitude to corruption*

Введение

Коррупция представляет собой широко распространенное явление, проникающее в различные сферы, оно рассматривается как серьезное препятствие для развития потенциала страны. Многочисленные исследования показывают, что коррупция является одной из основных преград для экономического развития общества, социального обеспечения, благополучного предоставления услуг и результативного управления. С учетом длительного периода формирования и становления коррупция является своего рода результатом реакции населения на нестабильную и неэффективную экономическую и социальную политику государства. Массовое распространение коррупции способствует тому, что коррупционное поведение рассматривается как обычаи и традиции повседневной жизни, а общественное сознание воспринимает это как естественную форму регулирования социальных отношений. Обобщая, коррупция можно представить как систематизированное и многоуровневое явление, форму долговременных социальных практик, поддерживаемых с помощью социальных неформальных норм (Шедий, 2014).

Роль доверия в системе коррупционных практик противоречива, выделяют как положительные, так и отрицательные моменты. Получение индивидом негативного опыта коррупционного взаимодействия с одним человеком способно оказывать влияние на его восприятие коррупционности общества в целом и наоборот. Включая в данное взаимодействие доверие, можно рассмотреть две возможные ситуации. Высокий уровень доверия будет способствовать тому, что индивид будет знать, что обязательства будут выполнены в соответствии с принятыми нормами и правилами, в результате чего коррупция будет рассматриваться как отрицательное явление. И наоборот, при низком уровне доверия индивид будет склонен к тому, чтобы максимально обезопасить себя при решении ряда ситуаций и «ускорить» решение вопросов посредством предложения взятки должностным лицам (Татарко, 2015: 99).

Если рассматривать доверие как причину и следствие коррупции, считается, что низкий уровень доверия порождает коррупцию (Uslaner, 2003). Дефицит доверия в обществе, особенно по отношению к правительству, подрывает формирование кооперативного поведения, необходимого для сдерживания повсеместной коррупции. Общество, в котором отсутствуют показатели доверия, проявляет крайнюю осторожность, что уменьшает социальные и экономические операции и препятствует социальному сотрудничеству. Таким образом, дефицит доверия порождает спокойное отношение к коррупции, способствует участию отдельных лиц в коррупционных действиях, создавая тем самым ожидание коррупционного поведения среди других. Распространяющееся недоверие способствует восприятию коррупционных тенденций в обществе, что в конечном итоге обеспечивает оправдание для такого поведения.

Другие исследования, связанные с коррупцией, предлагают несколько иную точку зрения относительно причинно-следственной связи между коррупцией и доверием. Считается, что вместо того, чтобы считать дефицит доверия причиной коррупции, коррупция сама по себе подрывает доверие. В обществе, где уровень коррупции выше, жители выражают более негативную оценку эффективности политической системы и снижают уровень доверия к государственным служащим (Adelopo, Rufai, 2020; Глушко, 2014).

Методы исследования

Эмпирической основой полученных данных являются результаты социологического опроса населения Алтайского края в возрасте 18–70 лет ($n = 1200$). Оценка генерализованного и межличностного доверия осуществлялась с помощью десятибалльной шкалы. В процессе анализа баллы были объединены и сформированы три группы: от 1 до 3 баллов — низкий уровень доверия, 4–7 баллов — средний уровень и 8–10 баллов — высокий уровень. Уровень партикулярного доверия измерялся по отношению к таким подгруппам, как коллеги, друзья, соседи и близкие/родственники. Анализ институционального доверия включал в себя оценку доверия 21 общественному институту и организации. В дальнейшем были построены интегральные индексы партикулярного и институционального доверия как сред-

нее арифметическое частных индексов. Полученные баллы были сгруппированы и получено три уровня партикулярного и институционального доверия: низкий, средний и высокий. Восприятие коррупции рассматривалось с помощью оценки населением предложенных суждений, описывающих возможное отрицательное влияние коррупции на близкое окружение населения, на различные сферы общества и на каждого отдельного человека.

Количественные данные обработаны с использованием программы для статистической обработки данных SPSS Statistics 23.0. Для подтверждения логики статистических выводов был проведен сравнительный анализ, частотный анализ данных и анализ таблиц сопряженности. Был использован также метод классификационного анализа «деревья классификации».

Результаты

Подавляющее большинство населения отмечает значительное отрицательное влияние коррупции на различные сферы общества (86,1%) и вред для каждого отдельного человека (82,3%). При этом чуть больше половины населения отмечает, что коррупция не оказывает значительного отрицательного влияния на близкое окружение (52,1%).

Относительно оценки влияния коррупции на сферы общества были выявлены статистические различия в зависимости от пола ($\chi^2, p < 0,05$) и дохода населения ($\chi^2, p < 0,001$). В большей степени отмечают негативное влияние коррупции на сферы общества мужчины (88,8%), а также население с доходом до 50 000 руб. (82,4% — 89,2%). Меньше всего отмечают влияние женщины (84,1%) и население с доходом от 51 000 руб. на человека и выше (66,7%). Оценка населением влияния коррупции для каждого человека различается в зависимости от возраста ($\chi^2 p < 0,001$): чем выше возраст населения, тем выше доля населения, отмечающего негативное влияние коррупции.

Были выявлены статистические различия в оценке влияния коррупции на близкое окружение в зависимости от гендера ($\chi^2, p < 0,05$), образования ($\chi^2, p < 0,005$) и социального статуса населения ($\chi^2, p < 0,01$). Мужчины (51,8%), в отличие от женщин (45%), отмечают негативное влияние коррупции на их близкое окружение. Вместе с тем негативное влияние коррупции отмечает население со средним общим (53,5%) и средним специальным образованием (54,6%), а также работающее население (55,4%) и временно безработные (54,6%). Отсутствие негативного влияния коррупции на близкое окружение было выявлено среди населения с высшим образованием (55,9%), а также руководителей (59%), специалистов с высшим образованием без руководящей должности (54,6%) и безработных (59,2%).

Относительно уровня социального доверия было выявлено, что для большинства населения Алтайского края (63,2%) характерен средний уровень генерализованного доверия. Низкий уровень обобщенного доверия отмечается у 24,7% населения, высокий уровень — среди 12,1% жителей. Оценка уровня межличностного доверия населения показала, что практически половина населения (49,6%) доверяют большинству окружающих их людей на среднем уровне. Высокий уровень меж-

личностного доверия был выявлен практически у каждого третьего жителя (37,3%) и низкий уровень межличностного доверия отмечается у 13,1% населения. Интегральный индекс партикулярного и институционального доверия среди большинства населения находится на среднем уровне (74% и 62,3% соответственно). Низкий уровень партикулярного и институционального доверия находится примерно на одном уровне — 16,4% и 17% соответственно. Высокий уровень партикулярного доверия отмечается среди 9,6% населения, высокий уровень институционального доверия выявлен среди 20,6% населения.

В результате классификации, проведенной с применением метода дерева решений, были получены выводы о зависимости отношения населения к коррупции от различных показателей. В качестве независимых переменных выступили уровень генерализованного, межличностного, партикулярного, институционального доверия, а также социально-демографические характеристики населения (пол, образование, территориальное проживание, возраст, уровень дохода на одного члена семьи). В качестве зависимых переменных выступили отсутствие/выраженность негативного отношения к коррупции на индивидуальном, групповом и общественном уровне.

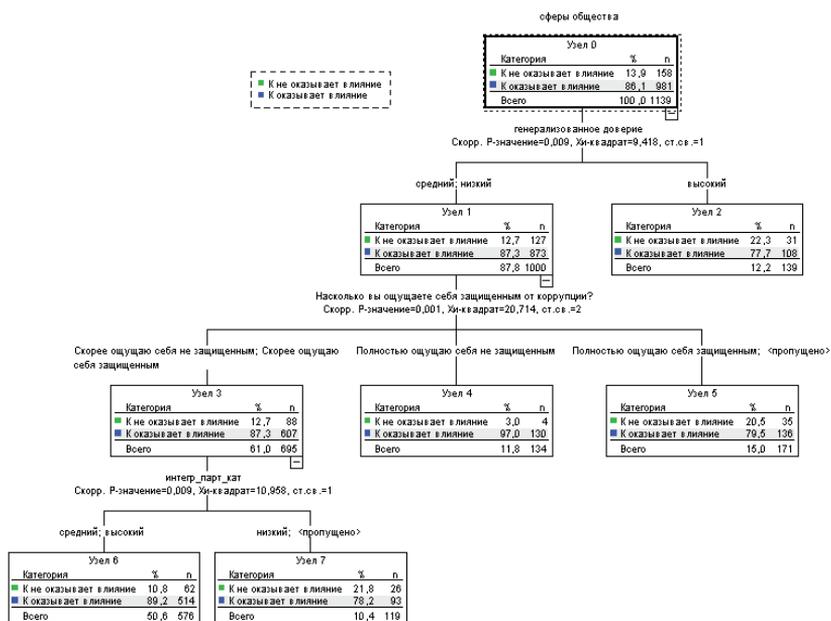

Рисунок 1 — Дерево решений для предсказания негативной оценки роли коррупции на сферы общества

Наиболее значимым фактором, влияющим на негативную оценку роли коррупции на различные сферы общества, являлся уровень генерализованного дове-

рия (рисунок 1). На втором уровне классификации обуславливающим фактором было выявлено ощущение защищенности от коррупции. Более высокий уровень оценки негативной роли коррупции на сферы общества отмечается среди населения со средним/низким уровнем генерализованного доверия, полностью ощущающего себя не защищенным от коррупции (97%, узел 4). Также высокая негативная оценка отмечается среди населения со «средними» оценками своей защищенности и средним/высоким уровнем партикулярного доверия (89,2%, узел 6). Чуть ниже негативная оценка среди населения с низким/средним уровнем генерализованного доверия, полностью ощущающего себя защищенным от коррупции (79,5%, узел 5). Также ниже оценка среди населения с низким/средним уровнем обобщенного доверия, «средними» оценками своей защищенности и низким уровнем партикулярного доверия (78,2%, узел 7). Самые низкие оценки — среди населения с высоким уровнем генерализованного доверия (77,7%, узел 2).

Наиболее значимым фактором, влияющим на *негативную оценку роли коррупции на каждого человека*, был выявлен уровень партикулярного доверия (рисунок 2). Более высокий уровень оценки негативной роли коррупции на каждого человека отмечается среди населения с низким уровнем партикулярного доверия и высоким уровнем институционального доверия (100%, узел 8). Также высокие значения наблюдаются среди населения со средним уровнем партикулярного доверия, но есть различия по возрасту. Наибольшие показатели — среди старшего населения в возрасте от 60 лет и старше (93,2%, узел 6). Меньше — среди населения среднего возраста и молодежи. Высокая негативная оценка отмечается среди населения с высоким уровнем партикулярного доверия (91,6%, узел 3). Самые низкие значения выявлены среди населения с низким уровнем партикулярного доверия и средним/низким уровнем институционального доверия (67,7%, узел 7).

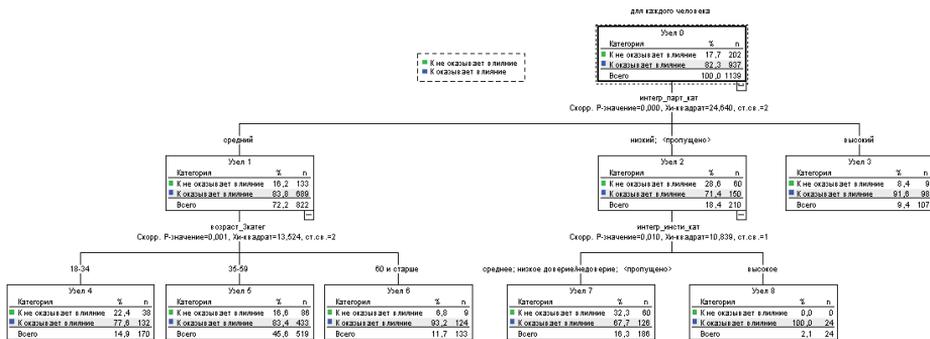

Рисунок 2 — Дерево решений для предсказания негативной оценки роли коррупции на сферы общества

Наиболее значимым фактором, влияющим на *негативную оценку роли коррупции на близкое окружение*, было выявлено ощущение защищенности от корруп-

ции (рисунок 3). На основе данного фактора было выделено три ветви. Первая ветвь представлена населением, полностью ощущающим себя не защищенным от коррупции и отмечающим негативное влияние коррупции на близкое окружение (68,2%, узел 3). Вторая ветвь представлена населением, скорее и полностью ощущающим себя защищенным от коррупции. В рамках данной ветви было осуществлено деление на три подгруппы. Первую подгруппу представляет население, скорее и полностью ощущающее себя в безопасности, с низким уровнем партикулярного доверия (62,5%, узел 7). Вторая подгруппа представлена населением, скорее и полностью ощущающим себя в безопасности, со средним/высоким уровнем партикулярного доверия, средним/низким уровнем межличностного доверия, население в возрасте от 18 до 34 лет (60,9%, узел 18). Третья ветвь представлена населением, скорее ощущающим себя не защищенным от коррупции, мужчинами, со средним/низким уровнем межличностного доверия, со средним/высоким уровнем генерализованного доверия, проживающим как в городе (78,1%, узел 20), так и в селе (57,1%, узел 21).

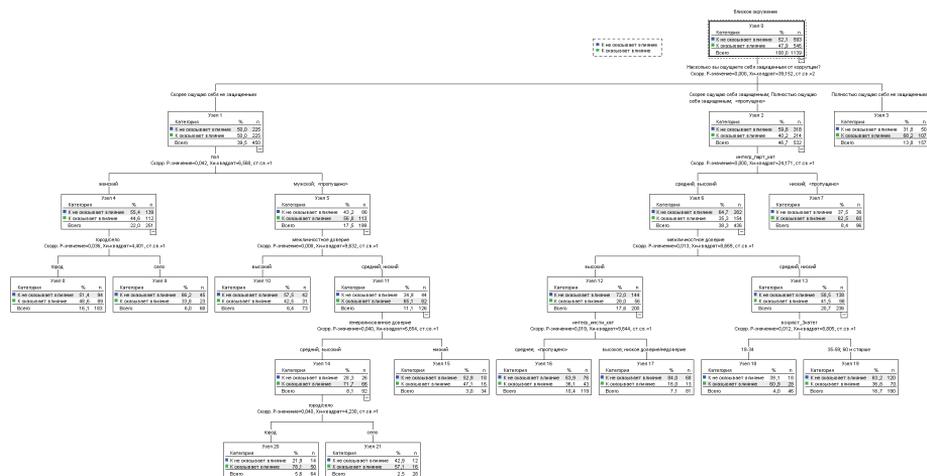

Рисунок 3 — Дерево решений для предсказания негативной оценки роли коррупции на близкое окружение населения

Обсуждение и заключение

На негативную оценку роли коррупции на общественном уровне в первую очередь оказывает влияние уровень генерализованного доверия. Население с высоким уровнем обобщенного доверия менее отрицательно оценивает влияние коррупции на различные сферы общества. Для населения со средним/низким уровнем генерализованного доверия дополнительно играют роль ощущение защищенности от коррупции и уровень партикулярного доверия. Среди населения с данными уровнями обобщенного доверия выше негативное влияние коррупции на сферы общества отмечается среди тех, кто ощущает полную незащищенность от корруп-

ции. Менее отрицательно смотрит на негативное влияние коррупции население с полным ощущением защищенности. Среди населения со средней уверенностью в защищенности играет роль низкий уровень партикулярного доверия, который снижает негативное восприятие коррупции в данной подгруппе.

Наиболее значимым фактором, влияющим на негативное восприятие роли коррупции на групповом уровне, является ощущение защищенности от коррупции. Для населения, ощущающего себя защищенным от коррупции, отмечается роль партикулярного и межличностного доверия. Для всего населения, ощущающего себя защищенным, играет роль низкий уровень партикулярного доверия. Для защищенного населения со средним/высоким уровнем партикулярного доверия играет роль средний/низкий уровень межличностного доверия и возраст (18–34). Среди населения, скорее ощущающего себя не защищенным, негативную роль коррупции отмечают мужчины, для которых играет роль межличностное и генерализованное доверие: средний/низкий уровень межличностного доверия и средний/высокий уровень генерализованного доверия, способствующие негативному восприятию коррупции.

На негативную оценку роли коррупции на индивидуальном уровне в первую очередь оказывает влияние уровень партикулярного доверия. Для населения с высоким уровнем партикулярного доверия характерны высокие оценки негативного влияния коррупции на каждого человека. При этом среди населения с низким уровнем партикулярного доверия негативная оценка коррупции характерна для населения с высоким уровнем институционального доверия. Среди населения со средним уровнем партикулярного доверия негативная оценка различается в зависимости от возраста населения.

Таким образом, было выявлено, что при анализе негативной оценки роли коррупции на общественном уровне важную роль играет уровень генерализованного доверия. Роль партикулярного доверия возникает при средних оценках уровня генерализованного доверия и защищенности от коррупции: средние и высокие значения партикулярного доверия повышают негативную оценку роли коррупции на различные сферы общества. При анализе роли коррупции на индивидуальном уровне важную роль играет уровень партикулярного доверия: чем выше уровень доверия, тем негативнее восприятие роли коррупции для отдельного человека. При низких оценках партикулярного доверия возникает значимость институционального доверия, высокие значения которого повышают негативную оценку коррупции. При анализе роли коррупции на групповом уровне роль социального доверия возникает в условиях оценки защищенности от коррупции и при оценке скорее незащищенности. В первом условии низкий уровень партикулярного доверия играет самостоятельную роль. Средний/высокий уровень партикулярного доверия, в свою очередь, взаимодействует со средним/низким уровнем межличностного доверия для молодежи. В условии ощущения незащищенности от коррупции роль доверия возникает среди мужчин: низкий/средний уровень межличностного доверия и средний/высокий уровень генерализованного доверия способствуют негативно-му восприятию роли коррупции для близкого окружения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Глушко В.В. Социальные практики как пространство социального доверия: проблемы, парадоксы и антиномии. *Философия права*, 2013, No 5, 73–76.

Глушко И.В. Социальное доверие в контексте межличностных отношений. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2014, No 2, 213–216.

Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002.

Татарко А.Н. Межличностное доверие как фактор социально— экономического развития. *Социальная психология и общество*, 2014, No 3, 28–41.

Татарко А.Н., Миронова А.А. Ценности и доверие как факторы отношения к коррупции. *Психология в экономике и управлении*, 2015, No 2 (7), 96–110.

Шедий М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. М., 2014.

Adelopo I, Rufai I. Trust Deficit and Anti-corruption Initiatives. *Journal of Business Ethics*, 2020, 163 (2), 429–449.

Uslaner E.M. Trust, democracy and governance: Can government policies influence generalized trust? In: *Generating social capital: Civil society and institutions in comparative perspective*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. Pp. 171–190.

REFERENCES

Glushko, V.V. (2013). Social'nye praktiki kak prostranstvo social'nogo doveriya: problemy, paradoksy i antinomii [Social practices as a space of social trust: problems, paradoxes and antinomies]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 5, 73–76.

Glushko, V.V. (2014). Social'noe doverie v kontekste mezhlichnostnyh otnoshenij [Social trust in the context of interpersonal relationships]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social educational idea], no 2, 213–216.

Seligmen, A. (2002). *Problema doveriya* [The problem of trust]. Moscow: Ideya-Press.

Tatarko, A.N. (2014). Mezhlichnostnoe doverie kak factor social'no-ekonomicheskogo razvitiya [Interpersonal trust as a factor of socio-economic development]. *Social'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], no 3, 28–41.

Tatarko, A.N., Mironova, A.A. (2015). Cennosti i doverie kak factory otnosheniya k korruptcii. [Values and trust as factors in attitudes towards corruption]. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in Economics and Management], 2 (7), 96–110.

Shedij, M.V. (2014). *Korrupciya kak social'noe yavlenie: sociologicheskij analiz* [Corruption as a Social Phenomenon: Sociological Analysis] (Doctoral Thesis). Moscow.

Adelopo, I, Rufai, I. (2020). Trust Deficit and Anti— corruption Initiatives. *Journal of Business Ethics*, 163 (2), 429–449.

Uslaner, E.M. (2003). Trust, democracy and governance: Can government policies influence generalized trust? In *Generating social capital: Civil society and institutions in comparative perspective* (pp. 171–190). New York: Palgrave Macmillan.

СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

SOCIAL, CULTURAL RESEARCHES AND SECURITY

УДК: 316.7 (316.3)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЖЕНЩИН-КИТАЯНОК В УСЛОВИЯХ АМЕРИКАНСКОЙ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА ЭМИ ТАН)

М.В. Беликова¹, О.И. Клочкова²

*¹ Институт социально-экономических проблем народонаселения
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия,*

*² Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
e-mail: beladm09@mail.ru, kl_o_i@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-09

Современная культура ставит человека в сложные условия: она требует от него готовности к постоянному изменению, к усвоению очень быстро изменяющейся парадигмы развития общества и личности в нем, но одновременно заставляет сохранять значимые для многих поколений этнического сообщества смыслы и ценности и уважительно относиться к ним. Китайской цивилизации удается вести диалог с другими «культурными кодами» и даже осуществлять его по собственным правилам, сохраняя свои этнокультурные особенности, свою идентичность. Присвоение личностью этнокультурных особенностей представляет собой составную часть процесса социализации, включающего и гендерную идентичность. Американская писательница китайского происхождения Эми Тан своим творчеством утверждает, что через

обретение «генетической родины» внутри себя и конструирования на этой основе новой гендерной идентичности женщина в условиях мультикультурного общества получает возможность находить ответы на самые важные вопросы, объясняющие смысл ее существования.

Ключевые слова: этнокультурные характеристики, этническая идентичность, гендерная идентичность, культурный код, мультикультурная парадигма, мультикультурное общество, полиэтничное общество

ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE GENDER IDENTITY OF CHINESE WOMEN IN THE CONTEXT OF THE AMERICAN MULTICULTURAL PARADIGM (USING AMY TAN AS AN EXAMPLE)

M.B. Belikova ¹, O.I. Klochkova ²

¹ Institute of Socio-Economic Studies of Population —
Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Center
of Theoretical and Applied
Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Moscow, Russia,
²Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia,
e-mail: beladm09@mail.ru, kl_o_i@mail.ru

Modern culture puts a person in difficult conditions: it requires his readiness for a constant change, to the assimilation of a very rapidly changing paradigm of the development of society and personality, and, at the same time, forces to preserve and respect meanings and values significant for many generations of the ethnic community. Chinese civilization is able to conduct a dialogue with other “cultural codes” and even exercise it according to its own rules, while maintaining its ethnocultural features, its identity. The acquisition of ethnocultural features is an integral part of the socialization process, including gender identity. The American writer of Chinese origin, Amy Tan argues in her work, that through the finding of the “genetic homeland” within itself and designing a new gender identity, in the conditions of a multicultural society a woman gets the opportunity to find answers to the most important issues that explain the meaning of its existence.

Keywords: ethnocultural characteristics, ethnic identity, gender identity, cultural code, multicultural paradigm, multicultural society, multi-ethnic society

Исследователи различных направлений мирового научного дискурса многократно указывают и комментируют такие характеристики развития общественных систем на современном этапе, как: направленность на глобализацию, «размытость» значимости традиционных ценностей отдельной национальной культуры, а также трансформацию образцов маскулинности и феминности, сложившихся в рамках определенной культуры под влиянием социально-экономических и политических

изменений. Эти тенденции в локальном и в общемировом масштабе приводят к разнокачественным итогам и, как следствие, к многочисленным спорам на предмет того, должна ли та или иная локальная культура сегодня, как и отдельный ее представитель, отстаивать собственную этническую идентичность, а также поддерживать приоритетное положение этнокультурных особенностей в формировании гендерной идентичности либо идти по пути мультикультурных сообществ, нивелирующих отличительные этнокультурные характеристики и вырабатывающих через унификацию и стандартизацию новые ценности и гибридные идентичности. Поиск ответа подводит к исследованию роли и места национально-культурной составляющей в процессе социализации современного человека в условиях «генетической» этнической среды, а также проявления различных типов этнической идентичности в формировании новых моделей гендерной идентичности в условиях западного поликультурного общества.

Содержание понятия этнокультурных особенностей традиционно составляют отличительные компоненты этнической культуры, усваиваемые человеком (группой) и характеризующие принадлежность к данной этнокультурной общности: язык, религию, традиции, культурные ценности, ментальные стереотипы, образ жизни, нормы поведения.

По утверждению исследователей Ш. Шварца (2008: 32–37), С.Б. Дагбаевой (2015: 122–127), этнокультурные особенности и ценностные ориентации призваны помогать решению основных проблем регулирования человеческой деятельности, а также обеспечивать сохранение стабильности общественной жизни, солидарности социальных групп: Шварц видит в них стимулы и ожидания, а Дагбаева — психологический фундамент этнической социализации. В целом присвоение личностью этнокультурных особенностей представляет собой составную часть процесса социализации, включающего и гендерную идентичность.

Гендерная идентичность определяется И.С. Коном в качестве базовой структуры социальной идентичности человека, при этом важным обстоятельством остается самоопределение человека как члена мужской или женской группы (Кон, 1982). Нидерландский социолог Г. Хофстеде также считает, что гендер (мужественность/женственность) формируется как социальное качество (социальная роль) и соответственно, являясь одним из культурных признаков, формирует стиль поведения, мотивационную направленность и саму личность как таковую (Hofstede, Hofstede & Minkov, 2010: 137–187). Таким образом, гендерная идентичность будет рассматриваться здесь как форма социальной идентичности, поскольку гендерные представления и оценка своего поведения человеком с этих позиций формируются с учетом этнокультурных особенностей, традиций, норм, ценностей, образа жизни того или иного этнического сообщества.

Исследование проблемы этнокультурных особенностей гендерной идентичности в данной работе с привлечением анализа литературно-художественного творчества, с нашей точки зрения, вполне может быть оправданным. На сегодняшний день большое количество исследователей описывают формирование и проявление этнической идентичности современного восточного человека, про-

живающего на территории своей этнической общности (В.Г. Буров, Н.А. Спешнев, Е.А. Авходеева, Л.С. Васильев, Н.И. Мигунов и О.В. Мигунова, Ту Вэймин, А.С. Каимова, И.И. Грузинов, Ю.А. Ишутина, Е.В. Ковтун, В.В. Малявин, К.-Х. Пол, Сюй Хунбо, А.М. Телешевская, Чжу Жуйшуан и др.). Немало также авторов раскрывает различные аспекты проблемы и особенности процесса формирования и сохранения этнической самоидентификации в условиях западного общества, в том числе китайско-американскую гибридную идентичность (А.Е. Гришина, Е.С. Анохина, А.Г. Ларин, Р.Х. Шарипова, Я.В. Лексютина, Д. Скрипченко, Е.В. Завадская, Е.М. Бутенина, Т.А. Корнеева, А. Чанг и др.). Однако, по нашему мнению, стоит отметить определенную сложность для западных исследователей в объективном изучении и резюмировании полученных сведений относительно формирования этнической самоидентификации китайцев в условиях западного общества, поскольку китайский менталитет активно проявляется в недоверии к представителям иных культур, стремлении сохранить целостность своей традиционной культурной самобытности и в большой степени закрытости (Чжу Жуйшуан, 2015: 233–237). Для самих же китайцев (по разным причинам) рассуждения на подобные темы, и особенно о взаимосвязи этнической и гендерной идентичности, также пока представляют определенную трудность — сама сфера гендерных исследований на данный момент времени слабо представлена в китайском научном дискурсе.

В этих обстоятельствах литературно-художественное творчество Эми Тан (1952 г. р.) — американской писательницы китайского происхождения, которую критика признала «одной из ярчайших звезд отечественной [американской] литературы» (Староверова, 2005), рассматривает проблемы формирования этнической и гендерной идентичности личности под новым углом зрения: на уровне родовых, внутрисемейных межпоколенческих отношений, складывающихся в условиях мультикультурного пространства.

Среди основных идей произведений Э. Тан — описание через судьбы героев и связанных с ними исторических событий уникальности своей этнической культуры, ее ценностей и традиций; постепенное осознание героинями, рожденными в условиях иной культуры, своей тождественности с китайской этнической общностью, к которой они принадлежат генетически; понимание и оценка героинями собственной значимости как носителей неповторимого «культурного кода» и отличительных признаков гендерной идентичности, а также обладателей в связи с этим дополнительно раскрывающихся возможностей для самореализации. Безусловно, такой подход не претендует на безоговорочную степень научности и априорность выводов, ограничиваясь попыткой подойти к актуальной проблеме современности с позиций межпредметного исследования.

Проявления этнической идентичности в различных вариантах, описанные с некоторыми расхождениями Н.Р. Красовской (2020), М. В. Науменко (2013), Г.У. Солдатовой (2011: 511), — адекватная (позитивная), этноцентрическая, этнодоминирующая, этноизоляционализм, этнический фанатизм, этническая индифферентность, амбивалентная, этнонигилистическая — определенным образом характеризует систему гендерных установок, представлений и ценностей, а также наличие гендерного

баланса или дисбаланса в обществе. Не углубляясь в подробное представление этих вариантов, отметим, что приведенные здесь типы идентичности расположены в зависимости от степени выраженности личностной позиции человека по поводу своей принадлежности той или иной этнической группе — от позитивного, уважительного отношения к своему и к другим этносам до отрицания значимости этничности и этнокультурных ценностей как таковых в жизни социума. И для краткой объективной характеристики этнической идентичности китайцев из предлагаемых типов, на наш взгляд, вернее выбрать этноцентризм и этнодоминирующую идентичность (Ковтун, 2013). При этом напомним, что в определенные исторические периоды китайской культуре был свойствен и этноизоляциялизм, и этноэгоизм, а в современных условиях западных государств, придерживающихся мультикультурной парадигмы, установки этнодоминирующей идентичности китайцев заметно корректируются (подтверждение этой гипотезе найдем и в творчестве Эми Тан).

Каждый китаец, независимо от места проживания, на самом глубинном уровне сохраняет чувство принадлежности к своему народу и своей культуре, руководствуясь девизом: «Как железо затачивает железо, так и ум человека оттачивает общество» (Цит. по: Вернер, 2005). Исключений не бывает, подтверждают сами китайцы (Тань, 2004; Сюй, 2011: 190–192), поскольку все составляющие этой культурной системы имеют главной целью научить своего представителя полностью ассоциировать себя со своим этносом и оставаться «жителем Поднебесной» в любых обстоятельствах. Принципы обособления китайской этнической идентичности выдерживают давление со стороны любых внешних факторов, что было подмечено еще польским дипломатом Э. Вернером в конце XIX в.: «сосредоточившись на своей внутренней жизни, китайцы выработали безразличное или снисходительное отношение к внешним воздействиям, выше всего ценя внутренний порядок, спокойствие и стабильность, подсознательно сопротивляясь крутым переменам» (Вернер, 2005).

Традиционные взгляды и установки, считает Е.В. Ковтун, сформировали уникальное сочетание высших ценностей китайской культуры, которые и сегодня, в условиях внешнего сближения и гибридизации культур, остаются значимыми и будут стоять последними в списке на «растворение» в чужой культуре (Ковтун, 2013). Китайцы усердно и осознанно адаптируют конфуцианские традиции к современным условиям и передают их следующим поколениям, живущим не только в Китае, но и на разных территориях планеты, поскольку родина для китайцев — это и район чайна-таун в любом иностранном городе, и собственная семья. Истинный патриотизм, «конфуцианский рационализм», он же — «конфуцианский гуманизм», по утверждению китайских исследователей и обществоведов (Ту Вэймин, Сюй Хунбо, Чжу Жуйшуан и др.), продолжает помогать китайцам успешно преодолевать взаимоисключающие дихотомии: традиционное — современное, Запад — остальной мир, локальное — глобальное.

Китайцы, как и американцы (а также и другие народы), убеждены в исключительности своей нации, миссионерском предназначении своего народа и полны гордости за свою страну. Конфуцианская модель социальных отношений основыв-

ваются на вере в достижение государством процветания через неукоснительное соблюдение каждым его членом закрепившихся традиций и строгих обрядовых предписаний. Соответственно и гендерные идентичности для подавляющего большинства представителей традиционного общества также носят традиционный характер (Красовская, 2020). Как отмечает российский исследователь Л.С. Васильев, в выстраивании взаимоотношений китайцы руководствуются в первую очередь не эмоциями, личными влечениями или духовной близостью, а соответствием общепринятым социальным нормам (Васильев, 1978: 58–82). Указанные принципы срабатывают и в отношении любви, брака, секса: традиционно эти явления принадлежат разным жизненным сферам и главенствующее место в глазах китайского общества занимает категория брака.

Создание семьи, как этнокультурная характеристика, воспринимается китайцами в качестве неперемennого долга перед родом, перед обществом. Продолжение рода и почитание предков всегда были важными задачами для китайцев, поскольку семья олицетворяла собой для них малое государство, где каждый в течение жизни должен был вносить свой вклад в его процветание, независимо от пола (Ковтун, 2013). Для большинства китайцев — и мужчин, и женщин — до сих пор не принято часто разводиться и менять партнеров, но при этом отношения вне брака являются довольно распространенным явлением.

Зачастую в глазах западного человека универсализация китайцами патриархальных семейных отношений выглядит сегодня устаревшей и достаточно примитивной. Однако объединение духовно-нравственных ценностей с различными семейными и индивидуальными обрядами и ритуалами остается важной основой, продолжающей объединять не только членов одного рода, семьи, но представителей этой древней уникальной национальной культуры на уровне как живущих в одно время, так и по отношению к предыдущим поколениям.

Для характеристики видоизменяющихся современных женских ролей в китайском обществе необходимо обратиться к некоторым традиционным гендерным стереотипам, господствовавшим долгое время. В центре мини-государства — китайской семьи стоял ее глава, чей авторитет был непререкаемым и абсолютным, а власть распространялась на всех членов семьи и на прислугу. Старший мужчина в семье автоматически был ее главой, хозяином, чье слово было законом. Естественные иерархические отношения как в китайском обществе в целом, так и в отдельной китайской семье — родители/дети, старшие/младшие, муж/жены/наложницы — много столетий были непреложным законом и вряд ли когда-либо становились предметом обсуждений (за исключением периода «культурной революции»). По мнению профессора Трирского университета К.-Х. Пола, несмотря на все социально-экономические изменения, в современном китайском обществе мужчина и женщина также продолжают восприниматься в рамках системы взаимоотношений, где существует более высокий и более низкий статус, определяемый в основном возрастом или достижениями, как бы это ни «камуфлировалось» внешне (Пол, 2012: 94–103).

Конфуцианские принципы строго регламентируют представления о гендерных ролях, в первую очередь мужчины: «Муж отвечает за внешние дела, а жена —

за внутренние». «Вершиной» его жизненного пути является развитие умственных способностей, которые он сможет с успехом применить для получения должности и статуса в обществе («Муж — опора семьи»; «Муж богатый, жена — почетная»). Эти представления сохраняют значимость и для современных китайцев, пишет китайский исследователь Ян Фан (2013: 250–256).

Китайские пословицы «Муж — небо жены»; «Муж поет, жена подпевает» и др. определяют традиционное место женщины в семье. Еще один китайский исследователь — Го Пинтин пишет, что традиционное неравноправие жены и мужа закреплялось даже в обращении их друг к другу: жена не могла называть мужа только по имени, а обязательно с добавлением слова, обозначающего либо социальный статус, либо чин мужа; мужчина же обращался к жене словами, которые в совокупности содержали один смысл — «бедная, нищая женщина» (Го Пинтин, 2016: 979–989).

Однако в патриархальных крестьянских семьях отношения мужа и жены часто оценивались по-иному, что также нашло отражение в народной мудрости: «В семье есть добрая жена, и муж будет перспективным», «Добрую жену взять — основа рождения почтительных сыновей и благородных внуков», «С доброй женой муж считается достойным, а со злой — ничтожным».

В этническом сознании формировались идеальные образы мужа и жены, образцы их поведения, на основе которых воспитывалось каждое новое поколение китайцев (энциклопедия «Духовная культура Китая»): «Глупец ездит на лучшем рысаке, а умелая девушка выходит замуж за придурковатого мужа», «Жена не отбрасывает глупого мужа, и муж становится лучше до ста лет», «Некрасивая жена — богатство в семье, а красивая только вызывает досаду», «Жена — золотые руки, за что ни возьмется — все успевает», «Некрасивую жену взять — муж проживет до 99 лет» (Титаренко и др., 2006). Китайцам, как и другим народам, свойственно иронизировать над семейной жизнью, над отношениями между супругами, что также находит выражение в примерах народной мудрости (энциклопедия «Духовная культура Китая»): «У пары мандаринок самих есть глубокие чувства, и при ветре и дожде они обитают в одном месте»; «Жена мужа старше на год — держится на руках золотой петух. Жена мужа старше на два года — в доме банка полна золота. Жена мужа старше на три года — держится на руках золотая кирпичина»; «Жены слушаешься — накопишь богатство» (Титаренко, 2006).

В отношении сохранения в современных китайских семьях некоторых характеристик традиционного уклада китайской семьи, а также неизбежных изменений в ней российский исследователь В. Буров отмечает: во многих китайских семьях в конце XX и в начале XXI в. сильны принципы взаимоуважения и взаимной поддержки, уважение к старшим братьям и сестрам, а также культ родителей (Буров, 2000). В этнокультурных ценностях китайцев происходит постепенная «трансформация» традиционной китайской семьи с ее патриархальным укладом, закрепленными за членами семьи ролями и безоговорочным верховенством старшего мужчины. Меняются отношения между мужем и женой, между близкими и дальними родственниками, меняется и отношение в семье к полу ребенка. Рождение мальчика

как наследника все еще остается в приоритете, но и рождение девочки уже не воспринимается негативно.

Негативные последствия внутренней политики Мао Цзэдуна, проводимой в середине XX в., с ее преобразованиями в рамках «культурной революции» и политикой рождения одного ребенка породили немало проблем, в том числе демографических, среди которых — недостаток мужчин в сравнении с преобладающим количеством представительниц женского пола. Это не только сказалось на создании традиционных семейных пар, но и качественно изменило отношения между мужчиной и женщиной. Зачастую современная молодая китайка руководит мужчиной в семье, не стыдится прилюдно показывать свое недовольство мужем (молодым человеком), уходит от выполнения домашней рутинной работы, а родив ребенка, вообще становится «центром Вселенной» (Го Пинтин, 2016: 979–989). Если в феодальном Китае девушка, не имея возможности самостоятельно выбирать себе будущего мужа, могла надеяться только на волю родителей и не смела даже мечтать о проявлении чувств со стороны мужа, то в XX в. китайская женщина получила большой шанс на выбор партнера по желанию, основываясь на чувствах и положительных качествах любимого. В XXI в. уже не только девушки, но и молодые люди много внимания уделяют чувственной стороне отношений и проявлению ответных эмоций со стороны партнерши.

Для воспитания правильного эмоционального поведения в семейной жизни китайское общество выработало и пытается сохранять определенные «образцы-идеалы»: «Хороший мужчина не бьет свою жену», «Молодые супруги сладкие, как мед, а старые супруги неразлучные, как клей и лак», «Муж и жена не помнят ненависти после ссоры». Поскольку ранее уже отмечалось, что китайцам, и молодому поколению особенно, не свойственно открытое и яркое проявление эмоций, то особый интерес вызывает понимание и проявление китайцами чувства любви.

А.В. Яськова в своей работе о представленности концепта «любовь» в китайской культуре пишет, что для китайцев она представляется чувством глубокой привязанности к человеку, основанным на симпатии и половом влечении, но в большей степени связанным с желанием заботиться, сочувствовать, жалеть и оберегать другого (Яськова, 2017: 237–245). Как пишет автор, в историческом контексте любовь ассоциировалась у китайцев с проявлением человечности, гуманности и доброты как таковыми, но редко имела отношение к чувству между людьми. В современном китайском обществе это понятие стало включать в себя отношения между мужчиной и женщиной на основе влечения. Однако китайцам до сих пор мало свойственно «ослепление» от любви, поскольку конфуцианское наследие еще продолжает сохранять свои позиции жесткого регламентирования общественными рамками жизни любого человека. Проведенные социологические эксперименты с участием китайской молодежи (студентов) позволили автору сделать вывод о сохранении молодым поколением китайцев многих нравственных ориентиров традиционного закрытого общества — стеснительность, порядочность, уважительность, дружелюбие, уважение и трогательная забота о близких.

Важными ценностными установками внутри семьи также продолжают оставаться честность супругов, ответственность друг перед другом и особенно мужа перед женой. И хотя, как уже отмечалось, распространенной нормой в Китае до сих пор считается заключение брака только один раз, сегодня немало китайцев, особенно проживающих на территории европейских стран или США, считают развод и вступление во второй брак допустимым явлением, хотя говорить об этом открыто не считается этичным.

Для немалого количества молодых китайцев сегодня заключение брака не имеет главной целью продолжение рода, хотя это и немаловажно, но основывается он уже на взаимной любви и стремлении к счастью. И, конечно, институт брака не выдвигается обществом в качестве единственной «формы» проживания взрослым человеком своей жизни, а незачленение брака или нежелание заводить детей не вменяется людям в вину (Почагина, 2009).

Резюмируя предыдущие рассуждения, а также мнение исследователей Е.Б. Кузьменко, И.А. Скворцовой и Н.С. Терешковой (Кузьменко и др., 2015: 99–102), можно выделить характерные тенденции последних десятилетий в развитии китайской семьи и сделать вывод об утверждении новых этнокультурных особенностей этого феномена в целом:

- уменьшение количественного размера семьи;
- «вестернизация» (преобразование традиционных, исторически сложившихся принципов создания и функционирования семьи под влиянием западных ценностей);
- изменение ролей членов семьи, отношений между ними и положения ребенка в семье;
- качественная трансформация внутрисемейных моральных и нравственных принципов и правил поведения;
- утверждение брачных отношений эгалитарного типа.

Эти факторы дополняются условиями проживания китайских иммигрантов в рамках инокультурного пространства (в нашем случае — американского) и приводят к изменению места и значимости этнокультурной памяти в выработке новых способов самоидентификации личности и конструировании гендерной идентичности. И если ранее китайцы пытались сохранять свою идентичность в рамках чайна-тауна, оберегая ее от неблагоприятной американской действительности, то в нынешних условиях лояльности и гибридизации культур способы этнической и гендерной идентификации значительно видоизменяются, дополняются и преобразуются. В этом смысле перед китайцами возникает проблема сохранения этнической уникальности не только из-за «внешней угрозы» в виде глобализации и всеобщей унификации, но и из-за «угрозы внутренней» — утраты присутствия национального самосознания в каждом представителе этноса, не важно где проживающем (Анохина, 2012: 51–54).

В романах Эми Тан также повествуется о китайских корнях героинь и героев и поднимаются проблемы взаимоотношений между помнящей традиционное китайское воспитание матерью и воспитанной в свободном американском обществе

дочерью, но «стиль отстаивания» жизнеспособности китайской этнокультурной памяти иной — более мягкий, без острого противопоставления современности, с привлечением приемов мифологизации. С одной стороны, это может восприниматься как превосходство в определенном смысле американской системы ценностей, более приспособленной к задачам, диктуемым глобальными процессами. С другой стороны, присутствие традиции в любом варианте — это необходимость, фундамент для любых инноваций и совершенствования, отстаивание собственной уникальности.

Как упоминается в открытом источнике¹, традиционное для китайской патриархальной семьи неравноправие мужчины и женщины долгое время сохранялось и в укладе семей. Приспосабливаясь к условиям биполярного пространства и усваивая основополагающие коды той культуры, в которую были погружены в силу обстоятельств — ее смыслы, ценности, схемы восприятия, формы выражения и воспроизведения, китайские иммигранты поначалу должны были просто научиться ориентироваться. На этой стадии лиминальности (по А. Геннепу) большая часть иммигрантов оставались «транзитными путешественниками», находясь в амбивалентном состоянии, как пишет Л.И. Фусу (Цит. по: Фусу, 2018: 143–148). «Первая природа», закодированная в культурной памяти китайцев, и сейчас продолжает оставаться если не первой, то очень значимой и основательной. У представителей старшего поколения китайцев (и в Китае, и за рубежом) сегодня еще сохраняется разное отношение родителей к сыновьям и дочерям: мальчик считается продолжателем рода и хранителем его традиций, а девочка — временным членом семьи. Современные девушки-китаянки, живя на Западе, получают хорошее образование и отвечают принятым в этом обществе стандартам, но при этом в семье они могут быть не на первом месте. Тем не менее трансформация представлений о феминности в западном обществе неуклонно ведет к изменению гендерных стереотипов и роли женщины в китайских семьях — она даже может становиться главой семьи и выполнять эту функцию при отсутствии мужчины.

В произведениях Эми Тан («Клуб радости и удачи», «Кухонный бог и его жена», «Сто тайных чувств», «Пройти по краю мира», «Долина забвения») и матери, родившиеся и прожившие большую часть жизни в Китае, и их взрослые американские дочери являются одинаково самостоятельными женщинами, но их самостоятельность «разнокачественная», что и порождает конфликты между ними. Это не просто «традиционно конфликтные» для всех общественных систем внутрисемейные и межпоколенческие отношения — матери и дочери являются носителями различных культурных кодов. Автору удается убедительно показать столкновение традиционных ценностей китайской гендерной идентичности, которые остаются значимыми для китайских матерей, и новых гендерных установок и представлений, носителями которых являются дочери.

Американские дочери не стремятся быть искренними и доверять матерям свои переживания и размышления, считая своих матерей подавляющими их свободу и индивидуальность. Дочери не принимают многого — нежелания матерей

¹ <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html>

хорошо выучить английский язык для полноценного общения в американском обществе, а также их приверженности китайским традиционным взглядам на отношения женщины с мужчиной, на воспитание детей; навязчивого напоминания своим дочерям об их этнических корнях и традиционных стереотипах поведения и миро-толкования; пресловутой китайской меркантильности и бесцеремонности.

Матери же отчаянно пытаются сберечь все китайское — и духовное, и материальное. С их точки зрения, отличающейся традиционным китайским непреодолимым этноцентризмом, все, что принадлежит их родной китайской культуре, много важнее и практичнее того, что предлагается чужой американской культурой. И под этим «натиском» материнских сомнений, упреков, претензий успешная социализация их американских дочерей «дает сбой». Все дочери в какой-то момент, в силу случившихся обстоятельств, начинают видеть живущих или уже ушедших матерей с других, более значимых и уважительных позиций.

Постижение того самого китайского «аксиологического ядра» (этнокультурных особенностей) через жизнь обычного, хотя и очень близкого, человека помогает героиням, живущим в американском окружении, открывать новый мир — мир далеких и малопонятных предков, малознакомого культурного кода, находить тем самым смысл и объяснение собственной женской «природе» и собственному существованию. Этот непростой путь сопровождается поиском баланса между прошлым и будущим — не только на уровне жизни отдельного человека, но и целых культур (Корнеева, 2018: 111–116).

Этническая идентичность в романах Э. Тан, по Е.А. Авходеевой, проявляет себя на разных уровнях: в построении сюжетной линии, во включении в нее мифологических элементов, в характерах, мироощущении, поступках и размышлениях героев, в выстраивании ими взаимоотношений, в стереотипном повседневном и ритуальном поведении героев различных возрастов, в эстетических паттернах (Авходеева, 2014: 32–37), в особенностях коммуникативного поведения героев в присутствии национальных традиций — соблюдении религиозных и бытовых обычаев, исполнении женской роли в семье и в обществе, в описании китайской национальной кухни. Каждая книга содержит как общие маркеры этнической идентичности, так и уникальные особенности жанрового, композиционного и стилистического изложения материала, символики, образности, языка.

В сюжеты произведений постоянно вплетаются отступления в личное прошлое матерей, в реальную историю китайского народа, в мифологическую основу китайской культуры и традиций. Все это воспринимается поначалу с усмешкой или совсем не воспринимается новым поколением, живущим вне этнической родины и не нуждающимся в обретении и присвоении того самого духа народа, из которого произрастают их родовые корни. Молодые женщины не чувствуют в себе его присутствие, но оказывается, что тем самым они не чувствуют себя («подтверждение» выводов Ш. Шварца и С.Б. Дагбаевой). И в этом смысле каждая из них в какой-то момент начинает ощущать себя «не обретенной» для самой себя и для близких (как их матери для них). Им даже не интересно общение между собой, как это делают их матери, — они разобщены в этом «толерантном», «прогрессивном» и «свободном» социуме.

Для некоторых героинь становится полным откровением осознание того факта, что они изначально, по факту рождения, являются носителями каких-либо специфических качеств, передавшихся им генетически от китайских матерей, поскольку они рождены в иной культурной среде и в них вложены иные стереотипы, установки и ценности, иное понимание жизни и окружающих.

В книге «Пройти по краю мира» это сходство и единое этническое происхождение матери Лу Лин и дочери Рут подчеркивается с самого начала: «Вот что я знаю наверняка и считаю истиной... Дочь Рут — год Водяного Дракона, мать Лу — год Огненного Дракона. Они — одно и то же, но выраженное в разных стихиях». И именно в этом романе через все повествование проходит мысль автора о том, что кости «Пекинского человека» и «Пекинской женщины» — символические образы китайских прапредков — так и не найдены. Возможно, потому, что они есть в каждом представителе этого народа — они не спрятаны в земле, они возрождаются в каждом китайском характере. И это, как уже отмечалось, пока никаким влиянием извне не изменить и не отменить: «Раз ты рожден китайцем, ничего не попишешь, ты будешь мыслить и чувствовать, как китаец», — говорит китайская мама Суюань У из известного романа «Клуб радости и удачи».

Китайские матери привносят в жизнь своих дочерей то самое традиционное начало, объединяющее разные поколения людей и цементирующее отношения в семье. Молодые американские женщины, как и их китайские матери, в итоге ценят семейные отношения и родственные связи. Важной стороной жизни для них является выстраивание отношений с мужчиной, взаимная любовь и уважение партнеров, воспитание детей в полноценной семье и на традиционных ценностях. Эта тема в разных вариациях раскрывается во всех книгах Э. Тан, но особенно в романе «Долина забвения», сюжет которого построен на основной коллизии — противопоставлении традиционного семейного уклада, незыблемых требований к продолжению уважаемого, образованного, известного рода и чувствами молодых мужчины и женщины.

Сам процесс принятия традиционных китайских установок американскими дочерьми очень сложен — их внутренний мир состоит из серьезных переживаний, поисков себя и своего счастья. Безусловно, им ближе образы, ценности, алгоритмы поведения, закрепленные в американской культуре и ментальности. Они думают, говорят и поступают как американки, но повзрослев и сформировавшись как личности, заходят в тупик, не находя ответов и удовлетворения в привычных условиях и обретенных с детства знаниях. Баланс и ответы удается найти через признание в себе своей «китайской половины» и через уважительное отношение не просто к своим матерям, а к китайским традициям и ценностям. И ни одна из них не отрывается от своих этнических корней или не приходит к выводу о том, что навязываемая матерью китайская история так и останется не востребованной. Наоборот, приняв в себе китайское, героини обретают определенное спокойствие и смысл собственного бытия — к концу повествования рамки «американского мировоззрения» дочерей раздвигаются, представления о привычных вещах изменяются (как у американской девочки Оливии в книге «Сто тайных чувств») под влиянием «китайских

секретов», наполняя его восточным знанием с разного рода предрассудками, уважительным отношением к традициям, мифологичностью и мудростью.

В парах «китайская мама — американская дочь», описанных в книгах Э. Тан, именно матери помогают своим дочерям расшифровать и соединить коды двух культурных «измерений», объединив «корни» и современность, выстроить новые модели женских ролей на их основе (Прозоров, 2001: 245–250). Взгляд китайских матерей на традиционные ценности своей этнической общности бывает и критичным: например, героиня книги «Кухонный бог» признается: *«Нам не позволялось критиковать мужчин, общество и Конфуция, этого ужасного мужчину, создавшего это общество. Я могла обвинить только других женщин, у которых смелости было еще меньше, чем у меня»*. Можно предположить, что литературно-художественное творчество Эми Тан символизирует собой попытки Восточной Азии решить задачу сохранения собственных ценных духовных идей перед угрозой массового культурного поглощения, «задействуя собственные паттерны для адаптации западных знаний» (Ту Вэймин, 2014: 3–12).

Произведения Эми Тан дают возможность увидеть становление новых моделей гендерной идентичности современных китайских женщин-иммигранток, соединяющих в своем менталитете этнокультурные особенности с элементами западного «культурного кода» и обретающих новые средства и способы социализации в условиях полиэтнического общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авходеева Е.А. К вопросу о формировании механизма национально-культурной идентичности Китая. Известия ВГПУ, 2014, 8 (93), 32–37.

Анохина Е.С. Китайские диаспоры США и Канады и «новая» китайская миграция. Вестник ТГУ, 2012, No. 355, 51–54.

Бергер П., Хантингтон С. (Ред.). Многоликая глобализация. М.: Аспект Пресс, 2004.

Буров В.Г. Китай и китайцы глазами российского ученого. М.: ИФРАН, 2000.

Васильев Л.С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. В кн.: Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1978.

Вернер Э. Мифы и легенды Китая. Пер. с англ. С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2005.

Го Пинтин. Репрезентация семейно-брачных традиций в русской языковой картине мира (на фоне китайской языковой картины мира). Вестник Башкирского университета, 2016, 21 (4), 979–989.

Дагбаева С.Б. Становление системы ценностных ориентаций личности в процессе этнической социализации. Вестник КГУ, 2015, 1 (61), 122–127.

Титаренко М.Л. (Ред.). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Вост. лит., 2006.

Китайцы в США, семьи, традиции и численность. URL: <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html> (дата обращения: 25.05.2021).

Ковтун Е.В. Межкультурная коммуникация и традиционные ценности в современной высшей школе Китайской народной республики. *Науковедение*, 2013, Вып. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoy-vysshey-shkole-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 28.05.2021).

Кон И.С. Психология половых различий. В кн: Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романов (Ред.). *Психология индивидуальных различий*. М.: Изд-во Московского университета, 1982.

Корнеева Т.А. Сохранение культурной памяти в условиях эмиграции (на примере романов Э. Тан). *Эпоха науки*, 2018, No. 13, 111–116. doi: 10.1555/2409-3203-2018-0-13-111-116

Красовская Н.Р. Этнокультурные особенности гендерной идентичности. *Мир педагогики и психологии*, 2020, 11 (52). URL: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/etnokulturnye-osobennosti-gendernoj-identichnosti.html> (дата обращения: 25.05.2021). doi: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210

Кузьменко Е.Б., Скворцова И.А., Терешкова Н.С. Особенности взаимоотношений в китайской семье. *Молодой ученый*, 2015, 19 (99), 99–102. URL: <https://moluch.ru/archive/99/22345/> (дата обращения: 29.05.2021).

Науменко М.В. Особенности представлений молодых людей с различной этнической идентичностью о полотилических и кроссполотилических характеристиках. URL: https://www.confcontact.com/2013_04_11/6_Naumenko.htm (дата обращения: 25.05.2021).

Пол К.-Х. Китайские и западные ценности: размышления о методологии межкультурного диалога. *Век глобализации*, 2012, No. 1, 94–103.

Почагина О. В. Семья: новые формы — иные ценности. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (дата обращения: 20.05.2021).

Прозоров В.Г. Эми Тан «Клуб радости и удачи». В кн: *Ступени свободы. Очерки истории и литературы США 1950–2000*. Петрозаводск: КГПУ, 2001. С. 245–250.

Солдатова Г.У. Диагностика типов этнической идентичности. В кн.: Бодалев А.А. (Ред.). *Психология общения: Энциклопедический словарь*. М.: Когито-центр, 2011. С. 511–515.

Староверова Е.В. Азиатско-американская литература. Эми Тан («Клуб веселой удачи»), Дж. Барт. В кн: *Американская литература*. Саратов: Лицей, 2005. URL: <http://www.licey.net/lit/american/tan> (дата обращения: 26.05.2021).

Сюй Х. Особенности китайского национального характера Ч. 2. *Молодой ученый*, 2011, 3 (26), 190–192. URL: <https://moluch.ru/archive/26/2645/> (дата обращения: 23.05.2021).

Тан Э. *Клуб радости и удачи*. М.: АСТ, 2016.

Тан Э. *Кухонный бог и его жена*. СПб.: Аркадия, 2020.

- Тан Э. Сто тайных чувств. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2003.
- Тан Э. Пройти по краю мира. СПб.: Аркадия, 2021.
- Тан Э. Долина забвения. СПб.: Аркадия, 2021.
- Тань А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Титаренко М.Л. (Ред.). Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006.
- Ту Вэймин. Разные взгляды на современность. Век глобализации, 2014, No. 1, 3–12.
- Фан Ян. Концепт «семья» в русской и китайской языковых картинах мира. Известия Томского политехнического ун-та, 2013, 323 (6), 250–256.
- Фусу Л.И. Концепция лиминальности: подходы, сущность, понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе. Философские науки, 2018, 3 (28), 143–148.
- Чжу Жуйшуан. Особенности китайской картины мира. Вопросы психолингвистики, 2015, No. 23, 233–237.
- Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008, 5 (2), 32–37.
- Яськова А.В. Концепт «любовь» в русской и китайской языковых картинах мира. Вестник ВГУЭС, 2017, 9 (1), 237–245.
- Hofstede G.H., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: software of the mind. London: McGraw-Hill. 2010. Pp. 137–187.

REFERENCES

- Avhodeeva, E.A. (2014). K voprosu o formirovanii mehanizma nacionalno-kulturnoj identichnosti Kitaya [On the formation of the mechanism of national and cultural identity in China]. *Izvestiya VGPU*, 8 (93), 32–37.
- Anohina, E.S. (2012). Kitajskiye diaspory SSHa i Kanady i «novaya» kitajskaya migraciya [Chinese diasporas in the USA and Canada and the “new” Chinese migration]. *Bulletin TGU*, no. 355, 51–54.
- Berger, P., Huntington, S. (Eds.). (2004). *Mnogolikaya globalizaciya* [Many globalizations]. М.: Aspekt Press.
- Burov, V.G. (2000). *Kitaj i kitajcy glazami rossijskogo uchenogo* [China and the Chinese Through the Eyes of a Russian Scientist]. М.: IFRAN.
- Vasilyev, L.S. (1978). Nekotorye osobennosti sistemy myshleniya, povedeniya i psihologii v tradicionnom Kitae [Some features of the system of thinking, behavior and psychology in traditional China]. In: *Kitaj: tradicii i sovremennost'* [China: Traditions and Modernity] (pp. 52–82). М.: Nauka.
- Verner, E. (2005). *Mify i Legendy Kitaya* [Myths and Legends of China]. М.: Centrpoligraf. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=144688&p=3> (accessed 1 June 2021).

Go Pintin (2016). *Reprezentaciya semejno-brachnyh tradicij v ruskoj yazykovej kartine mira (na fone kitajskoj yazykovej kartiny mira)* [Representation of family and marriage traditions in the Russian linguistic picture of the world (against the background of the Chinese linguistic picture of the world)]. *Bulletin of the Bashkir University*, 21 (4), 979–989.

Dagbayeva, S.B. (2015). Stanovlenie sistemy cennostnyh oriyentacij lichnosti v processe etnicheskoj socializacii [Formation of the system of personal value orientations in the process of ethnic socialization]. *Bulletin KGU*, 1 (61), 122–127.

Kitajcy v SShA. Sem'i tradicii i chislennost' [Chinese in the USA: families, traditions and number]. URL: <https://usa.e-migration.ru/istoriya-ssha/kitajcy-v-ssha.html> (accessed 1 June 2021).

Kovtun, E.V. (2013). Mezhkulturnaya kommunikaciya i tradicionnye cennosti v sovremennoj vysshej shkole Kitajskoj narodnoj respubliki [Intercultural communication and traditional values in modern graduate school of the People's Republic of China]. *Naukovedeniye*, (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-i-traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoj-vysshey-shkole-kitayskoj-narodnoj-respubliki> (accessed 1 June 2021).

Kon, I.S. (1982). Psihologiya polovyh razlichij [Psychology of gender differences]. In: Gippenrejter Yu.B., Romanov V.Ya. (Eds.) *Psihologiya individualnyh razlichij* [Psychology of individual differences]. M.: Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta.

Korneyeva, T.A. (2018). Sohraneniye kulturnoj pamyati v usloviyah emigracii (na primere romanov E. Tan) [Preservation of cultural memory in the conditions of emigration (on the example of E. Tan's novels)]. *Epoha nauki*, no. 13, 111–116. doi: 10.1555/2409-3203-2018-0-13-111-116

Krasovskaya, N.R. (2020). Etnokul'turnye osobennosti gendernoj identichnosti. *Mir pedagogiki i psihologii*, 11 (52). Available at: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/etnokulturnye-osobennosti-gendernoj-identichnosti.html> (accessed 1 June 2021). doi: 10.35634/2587-9030-2020-4-2-205-210

Kuz'menko, E.B., Skvorcova, I.A., Tereshkova, N.S. (2015). Osobennosti vzaimootnoshenij v kitajskoj seme [Peculiarities of relations in the Chinese family]. *Molodoy uchenyj*, 19 (99), 99–102. Available at: <https://moluch.ru/archive/99/22345/> (accessed 1 June 2021).

Naumenko, M.V. (2013). *Osobennosti predstavlenij molodyh lyudej s razlichnoj etnicheskoj identichnost'yu o polotipichnyh i krosspolotipichnyh harakteristikah* [Features of the ideas of young people with different ethnic identities about polytypical and crosspolytypical characteristics]. Available at: https://www.confcontact.com/2013_04_11/6_Naumenko.htm (accessed 1 June 2021).

Pol, K.-H. (2012). Kitajskiye i zapadnye cennosti: razmyshleniya o metodologii mezhkul'turnogo dialoga [Chinese and Western values: reflections on the methodology of intercultural dialogue]. *Vek globalizacii*, no. 1, 94–103.

Pochagina, O.V. (n.d.) *Semia: novye formy — inye cennosti* [Family: new forms — new values]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0373/analit06.php> (accessed 1 June 2021).

Prozorov V.G. (2001). Amy Tan «Klub radosti i udachi» [Amy Tan “Joy Luck Club”]. In *Stupeni svobody. Ocherki istorii i literatury USA 1950–2000* (pp. 245–250). Petrozavodsk: KGP.

- Soldatova, G.U. (2011). Diagnostika tipov etnicheskoy identichnosti [Diagnostics of ethnic identity types]. In Bodalev, A.A. (Ed.). *Psihologiya obshcheniya. Enciklopedicheskij slovar'* [Psychology of Communications: Encyclopedia] (pp. 511–515). Moscow: Kogito-centr.
- Staroverova, E.V. (2005). Aziatsko-amerikanskaya literatura. Emi Tan («Klub veseloj udachi»), Dzh. Bart [Asian-American Literature. Amy Tan (“Joy Luck Club”), J. Barth]. In *Amerikanskaya literatura* [American Literature]. Saratov: Licej. URL: <http://www.licej.net/lit/american/tan> (accessed 1 June 2021).
- Syuj, H. (2011). Osobennosti kitajskogo nacionalnogo haraktera [Peculiarities of the Chinese national character]. *Molodoj uchenyj*, 3 (26), 190–192. URL: <https://moluch.ru/archive/26/2645/> (accessed 1 June 2021).
- Tan, E. (2016). *Klub radosti i udachi* [Joy Luck Club]. Moscow: AST.
- Tan, E. (2020). *Kuhonnyj bog i ego zhena* [The Kitchen God's Wife]. SPb.: Arkadiya.
- Tan, E. (2003). *Sto tajnyh chuvstv* [The Hundred Secret Senses]. Moscow: B.S.G.-Press.
- Tan, E. (2021). *Projti po krayu mira* [Walk around the Edge of the World]. SPb.: Arkadiya.
- Tan, E. (2021). *Dolina zabveniya* [The Valley of Amazement]. SPb.: Arkadiya.
- Tan', A. (2004). *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mentalnost'* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Titarenko, M.L. (Ed.). (2006). *Duhovnaya kul'tura Kitaya: Enciklopediya* (Vols. 1–5) [Spiritual Culture of China: Encyclopedia]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Tu, Vejmin (2014). *Raznyye vzglyady na sovremennost'* [Different views on modernity]. *Vek Globalizacii*, no. 1, 3–12.
- Fan, Yan. (2013). Koncept «sem'ya» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of “family” in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta*, 323 (6), 250–256.
- Fusu, L.I. (2018). Konceptiya liminal'nosti: podhody, sushchnost', ponyatiya, harakteristiki proyavleniya v obshchestve na sovremennom etape [The concept of liminality: approaches, essence, concept, characteristics of manifestation in society at the present stage]. *Filosofskije nauki*, 3 (28), 143–148.
- Chzhu, Zhujshuan (2015). Osobennosti kitajskoj kartiny mira [Features of the Chinese picture of the world]. *Voprosy psiholingvistiki*, no. 23, 233–237.
- Schwarc, Sh. (2008). Kul'turnye cennostnye oriyentacii: priroda i sledstviya nacionalnyh razlichij [Cultural value orientations: the nature and consequences of national differences]. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 5 (2), 32–37.
- Yas'kova, A.V. (2017). Koncept «lyubov'» v russkoj i kitajskoj yazykovyh kartinah mira [The concept of “love” in the Russian and Chinese language pictures of the world]. *Vestnik VGUES*, 9 (1), 237–245.
- Hofstede, G.H., Hofstede, G. Ja, Minkov, M. (2010). *Cultures and organizations: software of the mind* (pp. 137–187). London: McGraw-Hill.

УДК 316.77.5

ВИРТУАЛЬНАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК СИМПТОМ ИНТЕРПАССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ж.Е. Вавилова

*Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия,
e-mail: zhannavavilova@mail.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-10

Исследования того, как новые медиа трансформируют нашу повседневность, — это фронтир современной философской и научной мысли. Сложно рефлексировать над тем, что происходит с обществом и человеком в настоящий момент; однако при всей стремительности социальных трансформаций сегодня мы все же можем говорить о потенциальных рисках и возможностях, открываемых новыми технологиями. В статье концептуализируется понятие виртуальной удовлетворенности и рассматривается его связь с известным в философском дискурсе феноменом интерпассивности, а также с проявлениями визуальной нормализации в обществе. Цель исследования — проследить механизм того, как посредством потребления образов медиасреды человек вовлекается в интерпассивные практики виртуализованного общества. Эта среда выступает виртуальным звеном между социальной реальностью и потребностями человека, которые можно удовлетворить только при посредничестве Другого. С одной стороны, это мир безопасных интеракций и квазиинтеракций, в котором удовлетворение потребностей облекается в экранные, тактильно бесконтактные формы. С другой стороны, это удовлетворение оказывается интерпассивным, лишаящим нас не только реализации желания, но и самого желания, так что человек добровольно утрачивает часть себя, а значит, часть своей человечности.

***Ключевые слова:** виртуальная удовлетворенность, интерпассивность, компьютерно-опосредованная коммуникация, сетевая коммуникация, медиасреда, образ, Другой*

VIRTUAL SATISFACTION AS A SYMPTOM OF INTERPASSIVITY IN MODERN SOCIETY

Zh.E. Vavilova

*Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia,
e-mail: zhannavavilova@mail.ru*

Research into how new media are transforming our daily lives is the frontier of modern philosophical and scientific thought. It is difficult to reflect on what is happening to society and to the person at the moment; however, for all the pace

of social transformations today, we can still talk about potential risks and opportunities offered by new technologies. The article introduces the concept of virtual satisfaction and examines its connection with the phenomenon of interpassivity which is well known in philosophical discourse, as well as with manifestations of visual normalization in society. The aim of the study is to trace the mechanism of involvement of humans in interpassive practices of a virtualized society through consumption of media images. This environment acts as a virtual link between social reality and the needs of the individual which can only be satisfied with the mediation of the Other. On the one hand, this is the world of safe interactions and quasi-interactions where satisfaction is obtained in screen non-contact forms. On the other hand, this satisfaction turns out to be interpassive, depriving us not only of realization of desire, but also of desire itself, so that people voluntarily lose part of themselves, and therefore part of their humanity.

Keywords: *virtual satisfaction, interpassivity, computer-mediated communication, Internet communication, media, image, the Other*

Визуальный поворот и виртуализация общества

Смена парадигм в попытках репрезентации обществом окружающего мира, наблюдаемая нами сегодня, известна в современном научном дискурсе как визуальный поворот, представляющий собой не что иное, как выражение издавна известному человечеству облегченному средству общения на качественно новом технологическом уровне (Тайсина, Халитов, 2019). Один из симптомов этого феномена — образование особой инфраструктуры социальных отношений посредством визуального, сетевой визуальности, основанной на мгновенной экспозиции информации в Интернете. Это специфический модус репрезентации в Сети, который можно интерпретировать как видимость человеческого существования, поддерживаемую сетевыми ресурсами. Отсутствие «цифрового следа» сегодня равноценно небытию человека, а наличие загруженных «артефактов» его повседневности предполагает трансгрессию в виртуальное бессмертие, преодоление ограничений человеческого бытия.

Общество, вошедшее в визуальный поворот, находится в состоянии виртуализации, проявляющемся в симптомах повышенной символической активности индивидов (Миннуллина, 2020). Один из этих симптомов — квазиторчество, основанное на монтаже готовых символических структур, использование шаблонов и трафаретов в собственной деятельности, плагиат чужих мыслей, заимствованных через образы экранной культуры. Эти образы становятся базовой единицей клипового сознания, особого типа мышления, формирующегося в условиях доминирования визуальной информации (Вавилова, 2016). Как отмечают специалисты, сегодня клиповое мышление формируется с самого детства (Разварина, Калачикова, 2020), поэтому можно констатировать, что для поколений молодежи, с рождения пользующихся «гаджетами», это уже не поворот, а естественный, не вызывающий сомнений курс развития.

Образ — это презентация, представление, первичное отражение, замещающее вещь и вызывающее в сознании определенную сенсорную реакцию (Тайсина, 2014: 104). В условиях виртуализации общества образ стремится к тому, чтобы подменить собой вещь или опыт манипуляции этой вещью: например, индивид может предпочесть просмотр матча непосредственному участию в игре. Возможно, он получит от этого процесса большее удовлетворение при меньших затратах ресурсов (времени, средств, энергии), войдя в состояние насыщенности одними лишь образами, формирующими кажимость потребления. Этот «симптом виртуальной удовлетворенности» присущ медиaprостранству в целом и сетевому пространству в частности; здесь он обретает форму трансгрессирования в мир безопасных квазиинтеракций и взаимодействия с алгоритмами, когда инстинктивная жажда насыщается бескровно, а травматизм сведен к минимуму.

Удовлетворенность в виртуальном мире рекламы

Один из способов достичь виртуальной удовлетворенности — потребление рекламы, особенно рекламы телевизионной. Давно известно, что реклама — это социальная структура, которая непосредственно формирует стереотипы общественного потребления (Рубанцова, Дробышева, 2011; Ковалева, 2018); при этом из поля зрения часто выпадает то, что реклама не только стимулирует потребление товара, но и сама выступает объектом потребления. Зритель еще не обладает вещью — возможно, и не будет обладать никогда — однако, воспринимая транслируемый в рекламе знаковый поток, он получает возможность наблюдать обещаемые потенции бытия и тем самым приобщиться к опыту обладания ею. Таким образом, он получает шанс взять то, чего не может иметь — хотя бы в символическом виде. С этой точки зрения реклама есть «постоянная возбужденность и постоянная неудача: видения вещей и видения желаний» (Бодрийяр, 2001: 122). Она создает специфическое состояние вожеления вещи, подобное гипнотическому трансу, когда зритель начинает испытывать эмоцию или состояние, закодированное в рекламных образах. Уже в момент потребления такой рекламы человеку предлагается испытать удовольствие, которое компенсирует невозможность обладания вещью (здесь и сейчас). При этом рекламный образ ложится в основу собственного образа. Созерцание эффекта применения косметических средств формирует потенциальный образ будущего потребителя — но красивее, привлекательнее, успешнее; созерцание автомобиля новейшей марки запускает механизмы суггестии, благодаря которой формируется желанный образ себя за рулем. Здесь жажда обладания подкрепляется эстетическим наслаждением от просмотра рекламы, выступающей симптомом визуального поворота в культурном освоении человеком действительности. Функционирование на стыке вещного мира, питаемого научно-технической мыслью, и искусства позволяет рекламе апеллировать к потребителю как на уровне рационального, диктующего условия выбора, так и бессознательного, лежащего в основе самой потребности сделать выбор и вызывающего желание обладать (Вавилова, 2019). При этом визуальный образ не только разжигает это желание, но и создает иллюзию его удовлетворения — или иллюзию того, насколько это желание легко удовлетворить.

Виртуальная удовлетворенность и Интернет

Компьютерное виртуальное пространство предлагает свои механизмы, чтобы испытать чувство удовлетворенности, при этом они также основываются на визуальности, но визуальности социального характера. Здесь прослеживается очень четкая символизация удовлетворенности, которая подкрепляется визуальными средствами обозначения принадлежности пользователя своему виртуальному окружению. Визуальный контент страниц в социальных сетях содержит разнообразные индикаторы удовлетворенности, включая инструменты демонстрации реакции на сообщения (например, «лайки», графические выражения похвалы, одобрения в сетевых коммуникациях, осуществляемые нажатием на соответствующий значок), которые служат визуализации и символизации удовлетворенности. Мультимодальные средства компьютерно-опосредованного общения, обеспечивая видимость полноценной человеческой коммуникации, будучи, по сути, его суррогатами, создают иллюзию удовлетворенности — но уже на уровне межсубъектного взаимодействия. Индикаторы успеха индивида в социальных сетях воспринимаются убедительнее, чем офлайн-нарратив. Например, фотографии «друзей» в социальной сети (под друзьями здесь подразумеваются подписчики на обновление страниц или профиля пользователя), наслаждающихся отдыхом на курорте, вызывают впечатление беззаботной жизни субъектов, чьи желания удовлетворены, чьи мечты сбылись. Читая комментарии подписчиков об этих изображениях и считая «лайки», отдыхающие, создавшие образ беззаботного отпуска, еще больше вовлекаются в эту иллюзию, забыв о долгих утомительных часах перелета, о разногласиях с работниками отеля и т.д.

Здесь сенсорное выходит на эпистемический уровень: подразумевается, что то, что визуализируется, — истинно, т.е., с одной стороны, визуальное симулирует, с другой — выдается за истинное и воспринимается как истинное. При этом любой пользователь Сети, знакомый с современными технологиями обработки визуальной информации, знает, как легко создать или подкорректировать изображение. Тем не менее и сам процесс удовлетворения, и удовлетворенность становятся виртуальными: как индивид, так и его виртуальное социальное окружение, сообщество, в которое он включен, сталкиваются с иллюзией решения проблем, с видимостью успеха.

В недавней работе, посвященной симулякрам, рекламе и виртуальной реальности, авторы публикуют любопытный кейс: после того как журналист, выкладывавший фальшивые отзывы о работе ресторанов посредством ресурса Trip Advisor, осознал, какой эффект это оказывает на прибыль заведений, он принялся писать отзывы о работе несуществующего ресторана (Grad, Frunža, 2019). Через некоторое время ресторан вышел на первое место в рейтингах ресурса, и даже после того, как открылась истина, благоприятные отзывы от «посетителей» продолжают появляться на сайте. Виртуальная удовлетворенность превзошла сенсорную: людям стало не так важно почувствовать вкус деликатеса, как рассказать об этом в Сети; доверие к отзывам в Интернете, особенно подкрепленным пружфиками (изображениями, призванными подтвердить вербальное сообщение), сейчас часто перевешивает

доверие к собственным органам чувств («Почему мне не понравилось блюдо, ведь были только положительные отзывы? Наверное, со мной что-то не так»).

Недавние исследования медиков и психологов в развитых странах позволяют говорить о визуальной нормализации — явлении, связанном с определением нормы с помощью визуализирования наиболее часто встречающихся паттернов поведения, типов внешности и т.д. Так, люди с избыточной массой тела (по измерению объективных антропометрических параметров) могут считать себя нормальными по сравнению с другими членами общества с такой же конституцией (Robinson, 2017). Это элемент конструирования социальной реальности, в основе которого лежит желание быть нормальным, как все, и принадлежать к «сообществу нормальных». Таким образом общественные трансформации протекают посредством образов, уводящих нас от реальности с помощью механизмов визуальной нормализации, что особенно характерно для Сети, где мы, как никогда ранее, стали прозрачны, проницаемы для взгляда Другого.

Интерпассивные практики в Сети

Интерактивный потенциал Интернета позволяет человеку конструировать смыслообразующие модели мира, сменить позицию пассивного потребителя информационного продукта на роль деятельного члена виртуального сообщества. Но так ли часто пользователи реализуют эту возможность, создавая уникальный контент, конструируя Сеть и реконструируя себя в ней? Помимо интерактивности, здесь также заложен потенциал интерпассивности, когда, если речь идет о виртуальной удовлетворенности, субъект делегирует действие некоему посреднику, который за него получает удовольствие от акта потребления.

Роберт Пфаллер (2003), впервые употребивший термин «интерпассивность», иллюстрирует это примером того, как интеллектual в библиотеке находит нужную ему книгу, ксерокопирует сотню страниц и, удовлетворенный, идет домой, как будто копировальная машина уже «прочитала» труд за него (что она технически и сделала, сканируя строку за строкой). В практике многих вузовских преподавателей студенту позволено компенсировать пропуск семинара сдачей реферата. По сути, скачивание из Сети и распечатывание реферата — это интерпассивная практика, которая приравнивается к получению знания (умения, навыка), формированию компетенции и т.д.

Ярким примером интерпассивности в условиях виртуальной реальности служит игровой стриминг, потоковая онлайн-трансляция компьютерной игры. Она заключается в том, что пользователи Сети наблюдают за тем, как геймер (игрок) проходит этапы определенной игры. Вместо того чтобы играть самим, они выбирают проживание момента Другого, с возможностью комментировать процесс, общаться с геймером, обращаться к нему с просьбами, вопросами и т.д. При всей потенциальной интерактивности этого процесса он по большей части интерпассивен. Возможное участие в игре представляется наличным за счет наблюдения за игрой Другого. К подобным практикам можно отнести и инкрементальные («ленивые») игры, избавляющие игрока от прессинга, присущего компьютерным играм в целом (необходимости действовать, реагировать на меняющуюся обстановку, часто в не-

комфортном для игрока режиме), вплоть до того, что геймер перестает собственно играть (Fizek, 2018).

Интерпассивные практики тем самым приводят к отчуждению человека от деятельности, от опыта взаимодействия со средой, от себя самого, каким бы он мог стать в результате самостоятельного освоения мира. Отчуждение — это неизбежный факт нашего существования (Рубанцова, Крутько, 2016); оно коренится в самой противоречивой, парадоксальной природе человека. При этом отчуждение, порожаемое интерпассивностью, часто латентно, скрыто от критического осмысления, поскольку не вызывает дискомфорта, как, например, отчуждение человека от продукта своего труда или от каких-либо аспектов общественной жизни. Это не делает его менее деструктивным: созидание подменяется созерцанием, что разбалансирует всю систему ценностей индивида. При этом пассивность индивида часто сознательна, через нее манифестируется его тоска по подлинному и в нее облекается умышленный самообман, связанный с нетождественностью самому себе, несоответствием между самим собой и своим отчужденным Я (Миннулина, 2020).

Казалось бы, в интерпассивности угадывается даосский идеал у-вэй, достижение недеяния; однако фактически это скорее иллюзия деяния, погружающая в ту самую суету, от которой призвано увести следование дао. Так, парадоксальным образом без внешних расширений, в терминах М. Маклюэна, без цифровых «протезов», иными словами, без «гаджетов» человек ощущает себя отключенным от медиасреды; потеря возможности приобщения к интерпассивному опыту становится сродни ампутации, когда человек не получает информацию в том объеме и темпе, который продиктован цифровой эпохой (Вавилова, 2018). В действительности же отключение от Сети способно прервать процесс отчуждения, вернув индивиду способность удовлетворять свои реальные потребности в реальном, вещном мире.

Заключение

Медиасреду в широком смысле можно концептуализировать как виртуальное звено между социальной реальностью и потребностями индивида, которые не могут быть удовлетворены без участия Другого — будь то образ телевизионной рекламы или один из «друзей» в социальной сети. Удовлетворение и удовлетворенность в этих двух областях предстают как процесс и результат потребления — в первую очередь потребления символического, создающего видимость потребления реального. Степень идентичности реакций на виртуальные симуляции восприятию события «в офлайн-режиме» определяет близость виртуальной среды к реальности, где человек традиционным образом удовлетворяет свои потребности и желания. Если для одного пользователя разница весьма ощутима, то для другого виртуальная удовлетворенность образами становится полноценной заменой удовлетворению потребностей в реальной жизни. Помимо того, что это варьируется в зависимости от индивида, на конечный эффект влияет совершенство технологий, все более сближающих восприятие симуляции с восприятием жизни в реальности.

Мы приходим к необходимости осмысления парадокса: с одной стороны, человеческий гений позволяет развиваться новым, неведомым ранее технологи-

ям, рисуя в перспективе исполнение желаний и чаяний трансгуманистов. С другой стороны, эти же технологии позволяют нам делегировать не только тяжелую физическую работу или иные утомительные занятия, но и удовлетворение от их выполнения. Добровольный отказ от удовольствия, получаемого в ходе выполнения дела, искусственное насыщение, сформированные вне зоны личных потребностей желания — то, чем чревата интерпассивность. Возможно, самый страшный ее эффект — растворение в мире, контролируемом алгоритмами, утрата идентичности, а с ней и человечности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.

Вавилова Ж.Е. Индивидуальное мифотворчество в современной медиареальности. В кн.: Коммуникативные среды информационного общества: Тренды и традиции. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2016. С. 261–262.

Вавилова Ж.Е. Киберинклюзия в социально-философской перспективе: возможности и угрозы. Человек. Общество. Инклюзия, 2018, 1 (33), 30–36.

Вавилова Ж.Е. Реклама как утопический конструкт: новые тенденции мифотворчества в современном информационном обществе. Информационное общество, 2019, No 1–2, 116–121.

Ковалева А.В. Экспертиза рекламного продукта как средство обеспечения социальной безопасности. Society and Security Insights, 2018, 1 (1), 65–72. doi: 10.14258/ssi(2018)1-05

Миннуллина Э.Б. Постпостмодернизм: между субъектом и абсолютно внешним. Философия и культура, 2020, No 4, 1–10. doi: 10.7256/2454-0757.2020.4.31842

Разварина И.Н., Калачикова О.Н. Информационно-коммуникационные технологии. Влияние на познавательные процессы школьников. Society and Security Insights, 2020, 3 (4), 148–163. doi: 10.14258/ssi(2020)4-12

Рубанцова Т.А., Дробышева О.И. Развитие рекламы в обществе модерна. Идеи и идеалы, 2011, 2 (8), 2–8.

Рубанцова Т.А., Крутько Е.А. Десоциализация и личностные формы отчуждения в обществе. Идеи и идеалы, 2016, 4 (30), 86–93.

Тайсина Э.А. Философские вопросы семиотики. 3-е изд, испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2014.

Тайсина Э.А., Халитов Т.Н. Свет и тени цифровых технологий. В кн.: «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. Казань: Изд-во Казанского университета, 2019. С. 225–232.

Grad I., Frunža M. Advertising, Simulacra and Hyperreality. Paper presented at the PR Trend International Conference «Communication. Strategic perspectives», Cluj-Napoca, Romania, February. Cluj-Napoca, Romania: Accent, 2019. Pp. 247–256.

Fizek S. Interpassivity and the Joy of Delegated Play in Idle Games. In: Transactions of the Digital Games Research Association, 2018, 3 (3). Pp. 137–163.

Pfaller R. Little Gestures of Disappearance. Interpassivity and the Theory of Ritual. *European Journal of Psychoanalysis. Humanities, Philosophy, Psychotherapies*, 2003, No 16, URL: <http://www.psychomedia.it/jep/number16/pfaller.htm> (дата обращения: 08.04.2021).

Robinson E. Overweight but Unseen: a Review of the Underestimation of Weight Status and a Visual Normalization Theory. *Obesity Reviews*, 2017, Oct. 18 (10), 1200–1209.

REFERENCES

Baudrillard, J. (2001). *Sistema veshchej* [System of Objects]. Moscow: Rudomino.

Vavilova, Zh.E. (2016). Individual'noe mifotvorchestvo v sovremennoj mediareal'nosti [Individual Myth-making in Modern Media Reality]. In: *Kommunikativnye sredy informacionnogo obshchestva: Trendy i tradicii* [Communicative Environments of Information Society: Trends and Traditions] (pp. 261–262). SPb.: Izd-vo Politehnicheskogo universiteta.

Vavilova, Zh.E. (2018). Kiberinklyuziya v social'no-filosofskoj perspektive: vozmozhnosti i ugrozy [Cyberinclusion from a Social Philosophical Perspective: Opportunities and Threats]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya* [Person. Society. Inclusion], 1 (33), 30–36.

Vavilova, Zh.E. (2019). Reklama kak utopicheskij konstrukt: novye tendencii mifotvorchestva v sovremenном informacionnom obshchestve [Advertising as a Utopian Construct: New Trends in Myth-making in Modern Information Society]. *Informacionnoe Obshchestvo* [Information Society], no. 1–2, 116–121.

Kovaleva, A.V. (2018). Ekspertiza reklamnogo produkta kak sredstvo obespecheniya social'noj bezopasnosti [Expertise of the Advertising Product as a Means of Social Security]. *Society and Security Insights*, 1 (1), 65–72. doi: 10.14258/ssi(2018)1-05

Minnullina, E.B. (2020). Postpostmodernizm: mezhdub sub'ektom i absolutno vneshnim [Postpostmodernism: between the Subject and Absolutely External]. *Filosofija i kul'tura* [Philosophy and Culture], no. 4, 1–10. doi: 10.7256/2454-0757.2020.4.31842

Razvarina, I.N., Kalachikova, O. N. (2020). Informacionno-kommunikacionnye tehnologii. Vliyanie na poznavatel'nye processy shkol'nikov [Information and Communication Technologies. Influence on Knowledge Processes of Schoolchildren]. *Society and Security Insights*, 3 (4), 148–163. doi: 10.14258/ssi(2020)4-12

Rubancova, T.A., Drobysheva, O.I. (2011). Razvitie reklamy v obshchestve moderna [Development of Advertising in Modernist Society]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2 (8), 2–8.

Rubancova, T.A., Krut'ko, E.A. (2016). Desocializaciya i lichnostnye formy otchuzhdeniya v obshchestve [Resocialization and Personal Forms of Alienation in Society]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 4 (30), 86–93.

Tajsina, E.A. (2014). *Filosofskie voprosy semiotiki* [Philosophical Aspects of Semiotics]. 3rd ed., corrected and revised. SPb.: Aletejya.

Tajsina, E.A. & Halitov, T.N. (2019). Svet i teni cifrovyh tehnologij [Light and Shadows of Digital Technologies]. In «*Obshchestvo 5.0»: paradoksy cifrovogo budushchego* [«Society

- 5.0»: Paradoxes of Digital Future] (pp. 225-232). Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta.
- Grad, I., Frunža, M. (2019). Advertising, Simulacra and Hyperreality. In: *Communication: strategic perspectives: PR Trend International Conference «Communication. Strategic perspectives», February the 26th–the 27th 2018, Cluj-Napoca, Romania* (pp. 247–256). Cluj-Napoca, Romania: Accent.
- Fizek, S. (2018). Interpassivity and the joy of delegated play in idle games. *Transactions of the Digital Games Research Association*, 3 (3), 137–163.
- Pfaller, R. (2003). Little Gestures of Disappearance. Interpassivity and the Theory of Ritual. *European Journal of Psychoanalysis. Humanities, Philosophy, Psychotherapies*, no. 16, URL: <http://www.psychomedia.it/jep/number16/pfaller.htm> (accessed 08 April 2021).
- Robinson, E. (2017). Overweight but Unseen: A Review of the Underestimation of Weight Status and a Visual Normalization Theory. *Obesity Reviews*, Oct. 18 (10), 1200–1209.

УДК 316.472.4

ОТНОШЕНИЕ К ПРОБЛЕМЕ БЕЗДОМНЫХ ЖИВОТНЫХ В АРТИКУЛЯЦИИ СООБЩЕСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ИССЛЕДОВАНИЯ)

А.О. Панфилова, А.А. Смолина

*Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru, smolina.aa@students.dvfu.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-11

Проблема бездомности животных является многоаспектным и актуальным социальным явлением. Основные сложности: совмещение мер гуманного и эффективного контроля численности бездомных животных; риски здоровью населения; выработка единой государственной и общественной позиции и модели решения. Это важный вопрос социальной и личной ответственности граждан, а также слабо звучащая в социальной повестке проблема. Цель статьи — показать отношение к ней представителей виртуального сообщества, а также оценить используемые ими методы работы. Методическую основу исследования составили полуформализованное целевое интервью, анализ сетевого контента. Результаты показывают, что гражданские лица, заинтересованные в решении этой проблемы, образуют виртуальные сообщества. Сетевой ресурс ими используется для информационно-коммуникативной активности, хотя изучаемое сообщество отличает применение и реальных просветительских и волонтерских практик. Используемые ими методы не всегда корректны с этической и даже правовой точек зрения. Их практика — это своего рода реакция на дефицит внимания к проблеме со стороны государства. Общий вывод по результатам проделанной работы: на фоне низкой степени гражданской, корпоративной и личной ответственности в отношении домашних животных усилия неравнодушных субъектов во многом сводятся к частным, не вполне оформленным в правовом отношении инициативам.

Ключевые слова: социальная проблема, социальная ответственность, проблема бездомных животных, зоозащитники, интернет-сообщество

ATTITUDE TOWARDS THE ISSUE OF HOMELESS ANIMALS IN THE ARTICULATION OF COMMUNITY IN SOCIAL MEDIA (BASED ON RESEARCH MATERIALS)

A. O. Panfilova, A. A. Smolina

*Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru, smolina.aa@students.dvfu.ru*

The problem of animal homelessness is a multifaceted and urgent social phenomenon. The main difficulties: combining measures of humane and effective control of the number of homeless animals; public health risks; development of a unified state and public position and decision model. This is an important issue of social and personal responsibility of citizens, as well as a weakly sounding problem on the social agenda. The purpose of the article is to show the attitude of representatives of the virtual community towards it, as well as to evaluate the methods of work they use. The methodological basis of the research was made up of a semi-formalized targeted interview and analysis of network content. The results show that civilians interested in solving this problem form virtual communities. They use the network resource for information and communication activities, although the community under study is distinguished by the use of real educational and volunteer practices. The methods they use are not always correct from an ethical and even legal point of view. Their practice is a kind of reaction to the lack of attention to the problem on the part of the state. The general conclusion of the work done: against the background of a low degree of civil, corporate and personal responsibility towards pets, the efforts of caring subjects are largely reduced to private, not fully legalized initiatives.

Keywords: *social problem, social responsibility, the problem of homeless animals, animal defenders, Internet community*

Введение

Степень ответственного отношения общества как к домашним, так и к бездомным животным — во многом показатель действительно прогрессивного гуманистического социального развития. Последнее формируют и высокая личная и социальная ответственность граждан, и активная позиция государства и его законодательской и регулирующей силы. Истинная цивилизованность и человечность как высшие ценности бытия заключаются в том, что человек заботится не только о собственном комфорте и благополучии, но и о тех, кто не может сделать этого сам. И это не только нуждающиеся в помощи люди, но и существа, ответственность за жизнь которых объективно принадлежит человеку.

«В основе заинтересованности граждан и государственного аппарата в обеспечении комфортных условий жизни для животных лежат такие факторы, как

уровень культуры, моральных качеств, ответственность, порядочность и доброта» (Кучина, Дюмин, 2016: 5). Анализ той небольшой статистики, которая имеется в литературе по нашей проблеме, показывает, что совершенно необходима работа по развитию продуманного, ответственного и осмысленного отношения к «братьям нашим меньшим». Более того — эти усилия видятся в статусе социально-проектной концепции, конкретных социальных (коммерческих и некоммерческих, информационных, волонтерских и иных, но обязательно координационных) проектов.

Актуальность и многоаспектность проблемы. Ситуация как с количеством бездомных животных, так и отношением к ним в нашей стране является весьма напряженной. О сложности такой оценки можно судить, исходя из отсутствия какой-либо официальной статистики (например, на официальном сайте Росстата) относительно примерного количества бездомных животных на текущий год или количества пристроенных в приюты либо семьи животных. Тем не менее в отдельных регионах и городах производится «перепись» бездомных животных, как, например, в 2018 г. в Красноярске, где в результате подобной акции было насчитано 10 тысяч бездомных собак, в то время как отловить удалось лишь 1300. С учетом темпов размножения собак (за 5 лет одна пара собак может принести 12 тыс. щенков при бесконтрольном размножении) и в целом бездомных, а значит, безнадзорных животных, без надлежащего контроля за их численностью, можно прогнозировать, что ситуация может значительно ухудшиться (Сторожук, 2020: 315).

Это влечет за собой риски и определенную угрозу здоровью граждан, особенно детей — «бактериальными кишечными заболеваниями, микозами, эхинококкозом (12–18% у детского населения). Дети доверчиво подходят к бездомным животным...» (Максимова, 2017: 69). К сожалению, нередки случаи агрессивного поведения бродячих собак, нанесение ими вреда здоровью людей, вплоть до тяжелых последствий и даже смерти. Сообщения об этом регулярно попадают в СМИ из самых разных регионов страны. Вызывает озабоченность и то, что «резкий рост численности безнадзорных животных в России наблюдается последние 10–15 лет. Как выяснилось, большое количество бездомных животных — это экологическая и социальная «болезнь» страны (Бальтанова, Лычко, Шерстюкова, 2020: 321). А.Ю. Сторожук прямо указывает, что «наличие бездомных животных на улицах является источником социального напряжения» (2020).

Авторы, так или иначе рассматривающие проблему в социальном ракурсе, единодушны в том, что «сокращение численности бродячих животных возможно только при участии власти» (Левченко, 2011: 259). «Основным институтом, оказывающим наиболее значительное и эффективное влияние на снижение численности бездомных животных, являются органы исполнительной и законодательной власти» (Сторожук, 2020: 320). Эти авторы проводят сравнительный анализ практик решений данной проблемы и их попыток разных стран, показаны положительные и неэффективные меры и стратегии. Что касается российского опыта, то в течение длительного периода времени в нашей стране отсутствовала законодательная база по вопросам, связанным с бездомностью животных вообще, с регулированием их численности в частности. Способы такого регулирования также оставались в ста-

туса открытого вопроса. По этой причине вся ответственность лежала на регионах, в каждом из которых проблема решалась по-разному: от гуманной стерилизации до отстрела животных (Бальтанова, Лычко, Шерстюкова, 2020: 320). Но 1 января 2020 г. в силу вступил Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (2020), который отражает общие принципы обращения с ними, требования к их содержанию, меры по обращению с бездомными животными, ответственность за нарушение требований закона, а также предполагает ужесточение ответственности за жестокое обращение с животными.

Однако на данный момент реализация закона затруднена в силу многих причин. Одна из них, к примеру, состоит в том, что «полностью закон заработает лишь в 2022 году» (Бальтанова, Лычко, Шерстюкова, 2020: 322). На деле многим ситуациям трудно придать статус реального юридического кейса, реализовать правовое решение вопроса. В подтверждение можно привести так называемые «кошачьи скандалы» с участием авиакомпании «Аэрофлот», когда при перевозке животных, принадлежащих пассажирам, некоторые животные погибли, другие так или иначе пострадали. Несмотря на заявления владельцев, информационный шум вокруг ситуации, юридического разбирательства не последовало, формальные административные взыскания понесли лишь грузчики аэропорта (Вяткина, 2020). Вопрос отношения к животным здесь сопряжен как с нормами уголовного права (ст. 245 УК РФ), так и формальными и неформальными уровнями социальной корпоративной и организационной ответственности и этики. Таким образом, в широком контексте проблема имеет социально-правовые, этические, формальные аспекты.

Отметим, что сущность рассматриваемой темы составляет вопрос именно ответственного отношения к животным, поскольку бездомность и бродяжничество последних — прямой результат его неутешительного уровня. Точная численность в силу объективных причин не выводится, но то, что она не уменьшается, а также то, что большую часть из них составляют бывшие домашние питомцы, подтверждают мнения и оценки различных субъектов, так или иначе вовлеченных в этот вопрос: биологов, общественных деятелей, владельцев и волонтеров приютов. Так, «волонтеры часто сталкиваются с тем, что бездомными становятся кошки и собаки элитных пород. На теле некоторых из них имеются клейма заводчиков» (Кучина, Дюмин, 2016: 3). Иначе говоря, владельцы без зазрения совести избавляются даже от высокопородных питомцев, выставляя их на улицу. Ксения Олейникова, директор фонда помощи бездомным животным «Друг» (г. Владивосток), в своих публикациях в социальных сетях регулярно отмечает, что на улицах стало явно больше бездомных кошек некогда дорогостоящих и популярных видов, например, сфинксов, британской и шотландской пород.

Некоторый оптимизм вызывает то, что совсем недавно, в начале 2021 г., Минприроды занялся разработкой проекта по постройке типовых приютов в регионах, который будет осуществляться за счет финансирования из федерального и регионального бюджетов. Как результат, в скором времени может появиться еще больше государственных приютов, что несколько облегчит работу волонтеров и частных

приютов (Минприроды предложило..., 2021). Однако вопрос о быстроте и эффективности реализации этих решений пока остается открытым.

Можно сказать, что в настоящее время попытки привлечения общественного внимания к проблеме и варианты ее решения представляют собой преимущественно частные инициативы — это действия отдельных неравнодушных людей и локальных сообществ: волонтеров, ветеринаров, частных предпринимателей, руководителей и сотрудников частных приютов. Так, например, в 2010 г. жители Москвы в рамках акции «Всем миром к мэру. Очередь за жизнью» требовали отказаться от законодательного закрепления эвтаназии животных как одного из методов борьбы с проблемой большого количества бездомных животных. В результате активных действий неравнодушных граждан прокуратурой Москвы данный порядок регулирования численности бездомных животных был признан незаконным и негуманным (Левченко, 2011: 259–260).

Объект и методы исследования. Объектом нашего исследования является виртуальное сообщество под названием «Типичный плодильщик», действующее в социальной сети «ВКонтакте» и представляющее собой вариант объединения неравнодушных к проблеме людей. Оно оформилось как социальная группа союзного типа, чьи интересы и активность связаны с вопросом регулирования численности бездомных животных, а точнее — с контролем их разведения посредством своевременной кастрации и стерилизации. «Антиплодильщики», как они себя называют, являются приверженцами так называемого метода ОСВ в сокращении численности животных (отлов, стерилизация, возврат). Иными словами, это усилия по стерилизации животного, а затем возвращение его в среду обитания (Орешко, Шуклина, 2016: 84). Представители сообщества являются скорее радикальными зоозащитниками, видящими возможность снижения количества бездомных животных в уменьшении уровня их бесконтрольного размножения, причем как беспородных, так и породистых животных. Отличительной чертой является то, что его представители публично осуждают и высмеивают тех, кто занимается — по их мнению — бесконтрольным, безответственным и незаконным разведением питомцев.

При изучении принципов, задач и результатов деятельности сообщества (предмет исследования) были использованы методы работы с сетевым контентом, данными официальных аккаунтов фондов помощи бездомным животным, материалами авторских блогов, а также целевое онлайн-интервью полуформализованного типа с администратором исследуемого объекта.

Результаты исследования. По итогам работы были получены следующие результаты. Во-первых, сделан вывод о том, что данное объединение имеет признаки:

- неформальной социальной группы по интересам и целям;
- открытого интернет-сообщества, поскольку позиционирует себя в сети как объединение для достижения общей цели.

Во-вторых, ключевая идея их работы состоит в том, что каждое домашнее животное имеет право на комфортную жизнь, любовь и заботу хозяев. Цитата из одного поста сообщества: «Повторяем еще раз — нет, мы не считаем, что только породистые имеют право на жизнь. Право на жизнь — это право на крышу над

головой, стабильное питание, своевременное лечение, заботливого и ответственного хозяина». В узком смысле миссия выражается так: «Это сообщество объединяет простых людей, разделяющих идею „лечить болезнь“ под названием „бездомность животных“» (*цитата из интервью*). Можно заключить, что группа, с одной стороны, заявляет бесспорно благие цели, с другой же стороны, используемые ею методы частично противоречат общественной этике, а порой и отдельным статьям закона. Последнее, разумеется, является контраргументом подобной активности.

В-третьих, подобная миссия подразумевает следующую совокупность декларируемых сообществом задач. Это просвещение людей о методах своевременной кастрации и стерилизации животных, о важности и, главное, гуманности этих процедур; борьба со сложившимися стереотипами (например, о том, что животному полезно рожать («родить для здоровья»), потому нужно родить «хотя бы раз», «чтобы оно тоже оставило потомство»; что стерилизовать/кастрировать животное не нужно, так как это негуманно; беззаботная уверенность в том, что размещенные по разным семьям новорожденные питомцы обязательно окажутся в добрых руках, а не на улице). Отметим, что перечисленные стереотипные суждения сформулированы на основе данных, полученных в ходе контент-анализа сетевой страницы группы. Подобный момент отмечается в работе А.Ю. Сторожук (2020).

Важность поиска и внедрения оптимальных инструментов регуляции — бесспорно, важная задача, поэтому в чем-то усилия «антиплодильщиков» также целеобразны. Так, «если оптимизировать численность животных гуманными способами, то мы сможем добиться определенного количества, которое не понесет вред для городской среды, так как если исчезнут собаки и кошки из города, их место займут другие животные — к примеру, крысы — главные переносчики таких заболеваний, как тиф, чума» (Максимова, 2017: 68).

Большое значение имеет и привлечение общественного внимания к фактам жестокого обращения с животными, требование большего внимания к этому со стороны государства, продолжение и продвижение начатых и уже внедренных законодательных инициатив и изменений в этом вопросе.

Более конкретно, действия «антиплодильщиков» связаны с:

- активным публичным осуждением тех, кто не принимает стерилизацию как наиболее эффективный метод снижения количества бездомных животных, а также тех, кто бесконтрольно и безответственно разводит питомцев;
- освещением историй жестокого обращения с животными;
- конкретной помощью существующим приютам для животных (материальная, волонтерская, информационная);
- информированием владельцев питомцев о плюсах кастрации и стерилизации животных и их влиянии на численность бездомных животных.

Материалы интервью с администратором сообщества, а также анализ контента страницы в сети последнего позволяют отметить следующие виды активности сообщества:

- написание постов в группе социальной сети «ВКонтакте», где публично осуждаются люди (так называемые «плодильщики»), раздающие потомство своих питом-

- цев, которые не имеют документов, которых не стерилизовали и не собираются;
- размещение ссылок на сайты организаций, которые осуществляют льготную стерилизацию/кастрацию;
 - формирование договоренностей с ветеринарными клиниками о проведении дней льготных кастраций/стерилизаций;
 - обращения к неравнодушным людям, готовым подбирать бездомных животных и стерилизовать/кастрировать их в ветеринарных клиниках.

Вообще, активность и поиск сторонников, а также продвижение своих целей и ценностей в сетевом пространстве — отличительная черта деятельности групп и сообществ, чья работа так или иначе протекает в условиях фактического отсутствия в проблемном поле реальных активных формальных игроков. Этот момент фиксировала в своем исследовании Н.В. Левченко: «Зоозащитники и экологи-общественники вынуждены искать поддержку своих действий в „глобальных сетях“» (2011: 258). Полагаем, что активность изучаемого нами сообщества также это подтверждает.

В ходе интервью администратор группы сообщил, что их сторонники занимаются и активной волонтерской деятельностью вне интернет-пространства и социальных сетей. Соответственно, их интересы и активность связаны не только с сетевой коммуникацией. Таким образом, они совмещают нетрадиционные методы с волонтерскими практиками и пропагандистскими, просветительско-информационными акциями. К примеру, представителями группы проводятся: акции по пристрою животных; «уроки добра» в школах (по договоренности с администрацией); обмен агитматериалами по регионам.

Укажем также и на то, что на странице сообщества имеется раздел «Обсуждения» и подраздел «Успехи». В нем участники делятся историями успешного «вразумления» хозяев, осознавших неправильность отношения к размножению питомцев и пообещавших их стерилизовать/кастрировать. Тем самым, по мнению участников, формируется более осмысленное и ответственное отношение к животным. В определенной мере это можно считать конкретным результатом их активности.

В ходе анализа сетевого контента их страницы дано определение наиболее часто упоминаемому понятию. Это «плодильщик», слово, используемое как своего рода статус для обозначения оппонентов. Его «носители» — это индивиды, которые бесконтрольно и безответственно заводят и раздают (единожды или на постоянной основе, за определенную плату или безвозмездно) новорожденных животных (в возрасте около месяца или даже меньше), не желая стерилизовать питомца и его потомство, а также оформлять на него документы (ветеринарный паспорт). Одновременно это и люди, заводящие беспородных собак и кошек либо вяжущие породных животных в нарушение правил разведения. Этот момент отличает их от заводчиков, которые подходят к вязке ответственно и продуманно.

Заключение

Таким образом, на основе исследовательских данных были сформулированы основные характеристики сообщества, дана оценка его деятельности, в том числе

проблемного характера; сформулированы основные принципы и виды его работы. Авторам важно было понять, имеет ли деятельность сообщества результаты, насколько соотносится с реальной проблемой и нацеленностью на ее решение. Так, часто в сети имеет место лишь имитация реальных усилий, а по сути все сводится к привлечению внимания к аккаунту и созданию шумихи и эпатажа в сетях. Тем не менее есть основания говорить об определенных результатах усилий «антиплодильщиков» — в частности, просвещения относительно своевременной кастрации и стерилизации питомцев и т.п. Сложившаяся же у них практика смешанной деятельности — с использованием как традиционных (информирования в сетях, волонтерских практик), так и нетрадиционных и даже некорректных (публичного осуждения, порой грубых и уничижительных высказываний и т.д.) методов, по-видимому, вписывается в общую публичную картину проблемной ситуации. Ведь проблема бездомных животных не решается десятилетиями, внимание государства к ней крайне слабо и не носит систематического характера. Ситуация продолжает развиваться на фоне общей низкой степени гражданской, корпоративной и личной ответственности в отношении домашних животных.

Важнейшее направление, в котором необходимо проектировать ее решения, — это интеграция усилий всех социальных субъектов. Нужен активный социальный диалог гражданских и государственных субъектов; режим открытой «живой» дискуссии. Совершенно необходимо совместно обсуждать, искать и реализовывать действенные и гуманные пути решения этого вопроса. Ведь с ним связано наше «человеческое лицо» и способность решать, наконец, вопросы, ожидающие этого десятилетиями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бальтанова Г.Ж., Лычко А.А., Шерстюкова В.С. Анализ развития законодательства Российской Федерации в отношении бездомных животных. Евразийское научное объединение, 2020, 11–5(69), 320–322.

Вяткина М. «Кошачий» скандал вокруг «Аэрофлота»: хозяева животных настаивают на пересмотре правил авиаперевозок. Новый день, 2020. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/682925.html> (дата обращения: 29 января 2021 г.).

Кучина А.А., Дюмин М.С. Отношение общества к бездомным животным на примере городов Иваново и Владимир. Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ, 2016, 4 (7), 1–6.

Левченко Н.В. Влияние граждан на процесс принятия решений (на примере проблемы бездомных животных). Вестник института социологии РАН, 2011, No 3, 255–268.

Максимова Е.В. Проблемы и пути минимизации риска здоровью населения от бездомных животных в городе. В кн.: *Фундаментальные и прикладные аспекты анализа риска здоровью населения*. Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический институт, 2017. С. 65–69.

Минприроды предложило строить типовые приюты для бездомных животных. На них впервые выделяют деньги из федерального бюджета. Медуза, 2021. URL: <https://>

meduza.io/news/2021/01/12/minprirody-predlozhilo-stroit-tipovye-priyuty-dlya-bezdomnyh-zhivotnyh-na-nih-vpervyye-vydelyat-dengi-iz-federalnogo-byudzheta (дата обращения: 02.06.2021).

Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (дата обращения: 02.06.2021).

Орешко А.Н., Шуклина З.Н. Решение вопросов защиты и оптимизации численности бездомных животных с помощью социальной рекламы. В кн.: Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2016. С. 83–87.

Сторожук А.Ю. Гуманитарная экспертиза проблемы бездомных животных (на примере базы реабилитации животных в г. Кольцово). Человек.ru, 2020, No 15, 311–323. doi: 10.32691/2410-0935-2020-15-311-323

Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 с изм. от 08.04.2021). Статья № 245 «Жестокое обращение с животными». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6e2829afe7edbdbbe54047b79b4784ca6cc45d53/ (дата обращения: 02.06.2021).

REFERENCES

Bal'tanova, G.Zh., Lychko, A.A., Sherstyukova, V.S. (2020). Analiz razvitiya zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii v otnoshenii bezdomnyh zhivotnyh [Analysis of development of legislation of the Russian Federation in relation to stray animals]. *Eurasian Scientific Association*, 11–5(69), 320–322.

Vyatkina, M. (2020). «Koshachij» skandal vokrug «Aeroflota»: hozyaeva zhivotnyh nastai vayut na peresmotre pravil aviaperevozok [“Cat” scandal around “Aeroflot”: owners of animals insist on revising the rules of air transportation]. URL: <https://newdaynews.ru/moscow/682925.html> (accessed 02 June 2021).

Kuchina, A.A., Dyumin, M.S. (2016). Otnoshenie obshchestva k bezdomnym zhivotnym na primere gorodov Ivanovo i Vladimir [Society's attitude to homeless animals on the example of Ivanovo and Vladimir]. *Electronic scientific and methodological journal of Omsk State Agrarian University*, 4 (7), 1–6.

Levchenko, N.V. (2011). Vliyanie grazhdan na process prinyatiya reshenij (na primere problemy bezdomnyh zhivotnyh) [Influence of citizens on the decision-making process (on the example of the problem of homeless animals)]. *Vestnik instituta sociologii RAN*, no 3, 255–268.

Maksimova, E.V. (2017). Problemy i puti minimizacii riska zdorov'yu naseleniya ot bezdomnyh zhivotnyh v gorode [Problems and ways to minimize the risk to public health from stray animals in the city]. *Fundamental'nye i prikladnye aspekty analiza riska zdorov'yu naseleniya* [Fundamental and applied aspects of population health risk analysis] (pp. 65–69). Perm': Permskij nacional'nyj issledovatel'skij politehnicheskij institute.

Minprirody predlozhilo stroit' tipovye priyuty dlya bezdomnyh zhivotnyh. Na nih v pervyye vydelyat dengi iz federal'nogo byudzheta (2021). [The Ministry of Natural Resources

es offered to build standard shelters for homeless animals. For the first time they will be financed from the federal budget]. *Meduza*. URL: <https://meduza.io/news/2021/01/12/minprirody-predlozhilo-stroit-tipovye-priyuty-dlya-bezdomnyh-zhivotnyh-na-nih-vper-vye-vydelyat-dengi-iz-federalnogo-byudzheta> (accessed 02 June 2021).

Ob otvetstvennom obrashchenii s zhivotnymi i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 27.12.2018 № 498-FZ (poslednyaya redakciya) (2018). [On the Responsible Treatment of Animals and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: the Federal Law dated December 27, 2018 No 498-FZ]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314646/ (accessed 02 June 2021).

Oreshko, A.N., Shuklina, Z.N. (2016). Reshenie voprosov zashchity i optimizacii chislenosti bezdomnyh zhivotnyh s pomoshch'yu social'noj reklamy [Solving the issues of protecting and optimizing the number of homeless animals with the help of public service announcement]. *Ekonomika, upravlenie i pravo: innovacionnoe reshenie problem* [Economics, Management and Law: Innovative Problem] (pp. 83–87). Penza: ICNS «Science and Education».

Storozhuk, A. Ju. (2020). Gumanitarnaya ekspertiza problemy bezdomnyh zhivotnyh (na primere bazy rehabilitacii zhivotnyh v g. Kol'covo) [Humanitarian expertise of the problem of homeless animals (on the example of the animal rehabilitation base in Koltsovo)]. *Chelovek.ru*, no 15, 311–323. doi: 10.32691/2410-0935-2020-15-311-323

Ugolovnyj Kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 05.04.2021 s izm. ot 08.04.2021). Stat'ya № 245 «Zhestokoe obrashchenie s zhivotnymi» [Criminal Code of the Russian Federation Федерации from 13.06.1996 No 63-FZ (edited 05.04.2021 with changes from 08.04.2021). Article No 245. Animal abuse]. (1996). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6e2829afe7edbdbbe54047b79b4784ca6cc45d53/ (accessed 02 June 2021).

УДК 316.48

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Мурашева

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,
e-mail: murashova.svet@yandex.ru*

DOI: 10.14258/ssi(2021)2-12

Актуальность проблемы изучения социальных конфликтов в современном мире обусловлена чрезвычайной сложностью и противоречивостью общественных отношений, борьбой противоположных сил и тенденций во всех сферах жизнедеятельности. Изменения в социальном взаимодействии сопровождаются расширением сферы проявления конфликтов. В них вовлекаются не только большие социальные группы, но и целые территории, как однородные в национальном отношении, так и населенные различными общностями. Усложнение социальной структуры, дифференциация общества, появление свободы, плюрализма, несовпадающих, а порой и взаимоисключающих интересов, целей, ценностей создают источники для потенциальных конфликтов. На современном этапе развития общественных отношений появилась острая потребность в разработке и последующем внедрении в практику системы предупреждения и урегулирования социальных конфликтов. В силу данных обстоятельств исследование напряженности и конфликтности социального взаимодействия имеет концептуальное и практическое значение, привлекает пристальное внимание исследователей из различных областей научных знаний и побуждает их разрабатывать и внедрять в практику эффективные способы предупреждения и урегулирования конфликтов данного типа. Целью статьи явилось представление результатов исследования специфики социальных конфликтов в современной России. Важное место уделено влиянию данного вида конфликтов на развитие общественных отношений. Научная новизна предложенных в статье положений заключается в изучении особенностей социального взаимодействия и конфликтов. Практическая значимость заключается в возможности использования выводов статьи для разработки программ по предупреждению и урегулированию социальных конфликтов.

Ключевые слова: *социальное взаимодействие, социальные конфликты, социальное согласие, компромисс, предупреждение социальных конфликтов.*

SOCIAL CONFLICTS AS CAUSES AND CONSEQUENCES OF CONTRADICTIONS IN RUSSIAN SOCIETY

S. V. Murasheva

*Oryol state university of I.S. Turgenev, Oryol, Russia,
e-mail: murashova.svet@yandex.ru*

The relevance of the problem of studying social conflicts in the modern world is due to the extreme complexity and inconsistency of social relations, the struggle of opposing forces and trends in all spheres of life. Changes in social interaction are accompanied by an expansion of the sphere of conflict manifestation. They involve not only large social groups, but also entire territories, both homogeneous in national respects and populated by different communities. The complication of the social structure, the differentiation of society, the emergence of freedom, pluralism, divergent and sometimes mutually exclusive interests, goals and values create sources for potential conflicts. At the present stage of development of social relations there is an urgent need for the development and subsequent implementation in practice of the system of prevention and settlement of social conflicts. Due to these circumstances, the study of tension and conflict of social interaction has conceptual and practical importance, attracting the close attention of researchers from various fields of scientific knowledge and encourages them to develop and implement in practice effective ways to prevent and resolve conflicts of this type. The aim of the article was to present the results of the study of the specifics of social conflicts in modern Russia. The important place is given to the influence of this type of conflicts on the development of social relations. The scientific novelty of the provisions proposed in the article lies in the study of the peculiarities of social interaction and conflicts. The practical significance lies in the possibility of using the conclusions of the article for the development of programs to prevent and resolve social conflicts.

Keywords: *social interaction, social conflict, social harmony, compromise, social conflict prevention*

Введение

Развитие любого общества, любой социальной общности или группы, отдельного индивида представляет собой сложный процесс, который не всегда протекает гладко, а нередко связан с возникновением, развертыванием и разрешением противоречий. Они обусловлены тем, что разные люди занимают различные позиции, руководствуются различными интересами, преследуют различные цели. Стремясь реализовать свои потребности, интересы и цели, они довольно часто вступают в противоборство друг с другом и активно ищут возможность помешать сопернику достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение его интересов или изменить его взгляды, представления, позиции. Такое противоборство, ведущееся путем спора, применения угрозы или за-

пугивания, использования физической силы или оружия, является социальным конфликтом.

Очевидно, что без правильного понимания сущности социальных конфликтов и социального взаимодействия, их роли и места, соотношения в системе общественной жизни невозможно успешное принятие социальных и политических решений, развитие социально-гуманитарных наук, совершенствование духовного мира человека.

Длительное игнорирование проблематики социального конфликта привело к тому, что общественные науки оказались не готовыми предложить основательный теоретический анализ феномена конфликтности и практические рекомендации по регулированию процесса развития конкретных конфликтных ситуаций.

Методология и результаты исследования

Как и любой другой стране мира, современной России присущи различные социальные конфликты. Они достаточно разнообразны по формам своего проявления и пока не несут непосредственной угрозы существованию российского общества и государства, поскольку в их числе отсутствуют наиболее острые (например, гражданская война или межгосударственный конфликт).

Основной формой выражения социального противоборства в России сейчас является недовольство граждан существующей ситуацией, сложившейся не по их воле. Однако подобное недовольство в основном является латентным и сводится зачастую только к словесному осуждению не устраивающих людей социальных реалий и отсутствию каких-то реальных протестных действий. Большинство конфликтов в современной России сглажены и выражаются в относительно мягких формах, например в форме деприваций. В условиях развития информационных структур общества социальное недовольство также ярко проявляется в выражении гражданами своего мнения в социальных сетях, где возникают острые споры по поводу существующих проблем.

Для изучения специфики социальных конфликтов в современной России нами было проведено анкетирование в рамках работы Учебно-научно-практического центра разрешения конфликтов, функционирующего в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева. В исследовании приняли участие 40 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет, большинство из которых являются студентами высших учебных заведений.

В ходе исследования было установлено, что 25% опрошенных редко сталкиваются с конфликтами и конфликтными ситуациями, 31% опрошенных заявили, что часто вступают в конфликтное взаимодействие, и 44% ответили, что иногда сталкиваются с данным явлением. Вариант ответа «никогда» участниками не был выбран.

Из ответов опрашиваемых стало понятно, что они не сталкиваются с межгрупповыми конфликтами. Иначе обстоит дело с внутригрупповыми конфликтами. Один человек отметил, что иногда вступает в конфликтные взаимодействия внутри группы. Два респондента заявили, что они часто участвуют в межличностных конфликтах. Сталкиваются с межличностными конфликтами чаще, чем с каким-либо другим видом, 81,3% опрошенных.

На вопрос о продолжительности конфликтов с участием опрашиваемых мнения разделились следующим образом. Больше половины респондентов (68,7%) отметили, что все зависит от обстоятельств, и выбрали вариант ответа «всегда по-разному»; 12,5% анкетированных ответили, что конфликты с их участием могут продолжаться несколько часов и несколько дней; 6,3% опрошенных указали, что у них конфликты не затягиваются и длятся всего несколько минут.

По мнению респондентов, причинами возникновения социальных конфликтов являются: различия в социокультурных ценностях (12,5%); стремление к противоположным целям или использование различных средств для их достижения (12,5%); психологические особенности личности (31,3%); несовпадение интересов и желаний (43,7%).

На вопрос, какую роль для российского общества играют социальные конфликты, 14 респондентов ответили, что они играют положительную роль, пять — явно отрицательную, пять — не знают какую, и только четыре человека дали негативную оценку современному состоянию России, написав, что конфликты играют роль «никакую, в России и так все плохо». Иными словами, только 10% респондентов выказывают свое недовольство или раздражение текущей социальной ситуацией.

Анкетирование показало, что респондентам было легче назвать негативные последствия социальных конфликтов, чем позитивные. По мнению некоторых участников, социальный конфликт деструктивен сам по себе и не может нести ничего положительного. Частыми ответами стали следующие: понижение самооценки, разрушение коммуникативных связей, ухудшение самочувствия, нарастание враждебности в отношениях между людьми.

На вопрос «Есть ли положительные последствия у социального конфликта?» часть опрошенных указали, что вовсе не видят в конфликтах ничего конструктивного. Однако некоторые респонденты ответили, что социальные конфликты способствуют разрядке напряженности, выплеску негативных эмоций. Среди ответов также можно отметить те, в которых говорится, что конфликты являются «двигателем прогресса», помогают выявить «неполадки» в обществе, стимулируют более продуманные и рациональные действия для обоснования своей точки зрения.

На вопрос, какие конфликты ощущаются в России наиболее остро, в 35% случаев респонденты ответили, что это политические конфликты. На наш взгляд, это обусловлено влиянием СМИ, так как в политической борьбе участники опроса не участвуют, не являются членами партий, не ходят на демонстрации и т.п. В качестве наиболее остро ощущаемых конфликтов называются также экономические конфликты — 27%, межнациональные конфликты — 22%.

При ответе на вопрос о выборе стратегии поведения в конфликте мнения разделились: 12,5% опрошенных чаще выбирают уклонение, по 25% респондентов отдадут предпочтение двум противоположным стратегиям — соперничеству и сотрудничеству, 37,5% опрошенных идут в конфликтных ситуациях на компромисс. Стратегия поведения приспособление не свойственна никому из участников исследования.

В качестве основного способа, приемлемого для разрешения социальных конфликтов, 87,5% респондентов выбирают переговоры. Переговоры с участием только

субъектов конфликта указали 43,7%, 56,3% выбрали переговоры с участием третьей стороны.

На вопрос «Что может помочь избежать конфликтов и напряженности в российском обществе или минимизировать их последствия?» большинство опрошенных ответили, что этому поспособствует умение договариваться с другой стороной, умение слушать и слышать. Некоторые респонденты считают, что люди должны контролировать собственные эмоции. Респонденты указали также, что немаловажным является работа над собой и выбор конструктивной стратегии поведения.

Исследование показало, что в современном российском обществе социальные конфликты и социальная напряженность стали повседневной реальностью. Поэтому необходимо научиться управлять ими, стремиться к тому, чтобы разрешать их с наименьшими потерями для индивида и общества в целом.

Социальное взаимодействие как сфера проявления конфликтных и компромиссных отношений

Важной проблемой современной конфликтологии является соотношение категорий «социальное взаимодействие», «социальный конфликт» и «социальное согласие».

Согласно взглядам социолога П. Бурдьё, социальное взаимодействие охватывает все сферы жизнедеятельности общества, является необходимым его элементом. Формы этого взаимодействия бывают различными: конфликт и компромисс, сотрудничество и консенсус. При этом во всех указанных случаях, кроме конфликта, требуется согласие сторон (Бурдьё, 2007).

Существование любого общества вовсе не предполагает его полную бесконфликтность. Напротив, ему необходимы конфликты, но не любые, а институциональные, т.е. ограниченные социальными нормами. При таких конфликтах сохраняется определенная степень социального согласия.

По мнению известного российского социолога А.Г. Здравомыслова, конфликт выступает как важнейшая, наиболее противоречивая сторона взаимодействия людей в обществе (Зеркин, 1998). Он представляет форму отношений потенциальных или актуальных субъектов социального взаимодействия, мотивация которых базируется на противостоящих ценностях и нормах, интересах и потребностях.

Развертывание социальных противоборств способствует устранению тех недостатков и просчетов в социальной организации и деятельности, которые вызвали конфликт, снимает социальную напряженность и способствует установлению той или иной степени социального согласия. Конфликты выступают как форма разрешения противоречий, способствуют наиболее быстрому достижению результатов взаимодействия, но порождают риск деградации или разрушения социальной системы (Смелзер, 1994).

Выражением единства взаимодействия и конфликта является то, что последний зачастую выполняет интегративную функцию. Проблемы объединяют людей, усиливается взаимопонимание и чувство сопричастности к решению некоей общей задачи. Фактически возникает невозможное ранее в условиях отсутствия конфликта социальное согласие.

Конфликт стимулирует творческий потенциал людей, способствует мобилизации их сил и энергии для решения стоящих перед ними задач, активизируется анализ трудных ситуаций, при этом вырабатываются новые идеи. В таком случае разрешение конфликта способствует стабилизации социальной системы, поскольку могут быть устранены источники неудовлетворенности людей положением дел. Кроме того, наученные негативным опытом стороны конфликта в будущем могут быть больше расположены не к конфликту, а к сотрудничеству. Конфликт становится важным этапом на пути к более высокой степени социального согласия в обществе.

Конфликт может способствовать предотвращению более серьезных противоречий, которые могли бы возникнуть, если бы данный конфликт не произошел. Он также является средством определения соотношения сил социальных общностей, ведет к возникновению новых форм взаимодействия между людьми, помогает наполнить новым содержанием существующие нормы.

Социальный конфликт является источником развития общества в трех случаях:

- когда это конфликт, разрешающийся компромиссом и не ведущий к нарушению социального равновесия,
- когда это противоборство, ведущее к качественным преобразованиям,
- когда это конфликт, приводящий к социальной деструкции (Радугин, 1999).

В первых двух случаях конфликт является источником развития, в третьем — нет. При этом социальное противоречие выступает как движущая сила развития тогда, когда оно внутренне присуще социальной системе.

Американский социолог Т. Парсонс полагает, что в общественной системе «должна существовать тенденция к сохранению своего порядка, за исключением тех случаев, когда возникают какие-либо чрезвычайные обстоятельства» (Радугин, 1999). Самоорганизация является неотъемлемой чертой общества, даже через конфликты оно стремится к социальному согласию.

По мнению Н.Н. Сыбеновой (2011), конфликт представляет собой системное явление, а поскольку нелинейные системы способны к самоорганизации, то он способствует «рождению порядка из хаоса». Благодаря конфликтным и компромиссным взаимодействиям социальная система стремится к самоорганизации, воспроизводству и адаптации к изменившимся условиям. Эти процессы происходят при условии нарастания степени социального согласия в обществе.

Известный ученый С.П. Курдюмов отмечает творческую роль хаоса в эволюции социальных систем, конструктивную роль социальных конфликтов в процессах самоорганизации, «поскольку при этом сохраняется элементарный социальный уровень — взаимодействие людей. Иногда хаос может оказаться прелюдией к новому развитию, в жизнеспособных системах он «порождает более высокие формы порядка...» (Сыбенова, 2011). Разрушение старой социальной системы в этом случае ведет к гибели того, что мешает дальнейшему развитию.

По мнению К.Х. Делокарова (1995), кризис — это принципиально важный момент развития любой системы. Применительно к обществу он является признаком

того, что прежние источники развития системы и способы взаимодействия людей исчерпали свои возможности и процессы распада имеющихся структур преобладают. В таких условиях «высшие параметры порядка быстро преобразуют систему», проводятся назревшие реформы, формируется более жизнеспособное общество.

На любом уровне проявления социальный конфликт выступает как важнейший фактор самоорганизации социальных систем, т.е. механизм «спонтанного образования новых структур более высокого порядка» выступает «одновременно и энтропийным, и антиэнтропийным механизмом» (Сыбенова, 2011).

Наиболее результативным способом разрешения конфликта является устранение имеющихся противоречий и поиск на основе согласия и сотрудничества взаимоприемлемых решений. Для этого предпринимаются действия, призванные разрешить спор на основе взаимного согласия сторон и установленных в обществе норм.

Компромисс представляет уступки с обеих сторон до той степени, когда находится приемлемое для них решение проблемы или конфликта. Поэтому компромиссы органически включены в общественный процесс, они присутствуют в жизни любой исторической эпохи, во всех отношениях между индивидами (Андросова, 2013). Например, в современных условиях наиболее важной формой компромисса является социальное партнерство — сложная система регулирования отношений в обществе с целью достижения согласия и стабильности между социальными группами. В этой связи необходимо постоянное согласование позиций всех партнеров, «стремящихся к социальному миру и политической стабильности во всех сферах общественной жизни» (Караткевич, 2013).

Несмотря на то что конфликт является фундаментальной движущей силой изменений в социуме и трансформации характера взаимодействий людей, не стоит забывать о согласии и единстве, гармонии интересов, а не только соперничестве сторон. Социальная стабильность и согласие зависят и от общественно-политической ситуации в стране, и от сознательно-волевых действий власти и структур гражданского общества.

К повышению эффективности социального взаимодействия ведет активное включение граждан в общественно-политическую деятельность. Такие взаимоотношения между субъектами общества необходимы для того, чтобы могли удовлетворяться их интересы в результате сотрудничества, а также разумного разрешения конфликтов, ведущего к росту степени социального согласия в обществе. Однако при этом необходимо создать социальный механизм, способный обеспечить такое взаимодействие людей, чтобы в обществе не было как застоя, так и разрушения в результате борьбы интересов (Князева, 1994).

Все общественные системы сталкиваются с проблемами поиска механизмов снижения остроты социальных противоречий, нахождения точек соприкосновения позиций взаимодействующих групп. Значимость компромисса как весьма распространенной формы социального согласия в социальной жизни чрезвычайно широка.

Сущность компромисса следует рассматривать как единство трех проявлений взаимодействия людей. Во-первых, это согласование, баланс и равновесие как ин-

тересов и позиций отдельных людей, так и установление масштабных социальных тенденций. Компромисс позволяет урегулировать противоречия, не уничтожая при этом противоположности. Во-вторых, социальный компромисс ведет к интеграции общества путем взаимных соглашений и уступок в ходе взаимодействия. Третий аспект компромисса отражает согласованный уровень деятельности, переговоры и договоренности. Все аспекты компромисса связаны между собой и взаимообусловлены, поскольку это проявления взаимодействий, ведущих к согласованию интересов сторон.

Компромисс содержит элементы и противостояния, и сотрудничества, ведь конфликт и согласие — его два постоянно взаимодействующих начала (Бисовская, 2009).

Культура компромисса пронизывает все сферы общественного бытия. Для нее необходима терпимость к чужой позиции, понимаемая как готовность сближать противоположные позиции. Для обеспечения такого согласования и социального согласия нужны специальные институты, механизмы и процедуры. В наше время это конституционный строй и всеобщее избирательное право, система представительства и разделение властей. Они способны обеспечить диалог между социальными субъектами, выработать приемлемые для всех решения (Караткевич, 2013).

Социальный компромисс — это важнейшее проявление социального согласия. Он может реализовываться при соответствующей институциональной базе в виде структур и институтов, занимающихся разрешением противоречий в обществе на основе взаимной выгоды. Усилия государственных структур не дадут положительного результата, если у самых широких социальных кругов не будет выработан привычка разрешать разногласия через переговоры и взаимные уступки.

Бесконфликтное общество является недостижимым, поскольку полное исчезновение конфликтов приведет к его стагнации. Следует отметить, что ситуация, когда все соглашаются со всеми, не является социальным согласием (например, нельзя согласиться с преступными сообществами). Исследователь С.А. Эфи́ров выделяет два вида социального согласия: тоталитарное (насильственное насаждение догм) и демократическое (основанное на общечеловеческих ценностях) (Эфи́ров, 2002). Социальное согласие необходимо рассматривать в едином контексте с конфликтом, поскольку солидарность и сотрудничество являются средствами выхода из конфликта.

Конфликт и согласие всегда взаимосвязаны, поскольку движение к согласию происходит в том числе через конфликт. Компромисс при этом представляет такую линию поведения субъектов в конфликте, когда они ориентированы на взаимные уступки. Противоречия являются источником социального развития, поскольку их любое разрешение ведет к изменениям в обществе. Если конфликт заканчивается компромиссом, это ведет к развитию общественной системы. В этом случае социальное согласие обеспечивает конструктивное взаимодействие людей в обществе, более быстрое развитие социума. Однако даже если компромисс не находится, это тоже способствует развитию, поскольку тогда одна из сторон исчезает или же качественно преобразуется. В связи с этим либо конфликт, либо согласие должны быть неотъемлемыми сторонами всякого социального взаимодействия (Бисовская, 2009).

Стабильность общества невозможна без той или иной степени согласованности интересов. В идеале должно иметься социальное согласие по основным общественным проблемам. Поэтому социальное партнерство и социальное согласие играют роль стабилизирующей структуры в общественной системе. Конфликт — с одной стороны, сотрудничество, консенсус и компромисс — как формы социального согласия, с другой стороны, являются основополагающими формами взаимодействия, обеспечивающими и стабильность, и развитие общества.

Роль социальных конфликтов в жизни общества

Роль социального противоречия и социального конфликта в обществе оценивается по-разному. Некоторые исследователи считают, что социальные конфликты играют преимущественно отрицательную роль, потому что сопровождаются нервными перегрузками, разрушениями, жертвами и т.п. Они замедляют развитие общества, его институтов, организаций, индивидов (Соколов, 2001).

Долгое время в отечественной науке господствовало негативное восприятие социального конфликта. Наличие конфликтов в реальной жизни, несовпадение взглядов, позиций категорически отрицалось официальной идеологией, а соответствующая статистика фальсифицировалась. Результатом такого восприятия конфликтов явилось полное пренебрежение исследованиями по предупреждению и разрешению конфликтных ситуаций, недооценка роли переговорного процесса, посредничества. Отсутствовали механизмы и культура разрешения конфликтов.

Позитивно-функциональное восприятие конфликтов позволяет по-другому оценить их роль в жизни современного общества. Совсем не обязательно сразу обращаться в арбитраж, доводить дело до судебного разбирательства. Во многих случаях бывает достаточно привлечения к разрешению конфликта квалифицированных посредников, третьей стороны (Лукин, 2007).

Любой социальный конфликт так или иначе влияет на многие общественные процессы, особенно на массовое сознание. Он не оставляет равнодушными даже пассивных наблюдателей, поскольку воспринимается чаще всего если не как угроза, то, во всяком случае, как предупреждение, сигнал о возможной опасности. В обществе, где конфликты не скрываются, они воспринимаются как нечто вполне естественное (Осипов, 2003).

В целом деструктивная роль социального конфликта в жизни общества проявляется в следующем:

- конфликт способен оказать разрушительное воздействие на общность (систему), в пределах которой он возникает и разворачивается;
- конфликт способен привести к таким последствиям, которые затрудняют либо вовсе делают невозможным достижение целей;
- конфликт при своей достаточно острой форме способен существенно снизить уровень достигаемости целей конфликтующих сторон;
- конфликт создает стрессовые ситуации и вызывает состояние психической напряженности;
- конфликт способствует нарушению порядка жизни и разрушает устойчивое положение общества (Лихоносова, 2014).

К таким негативным результатам конфликт приводит в тех случаях, когда противостояние поглощает внимание и действие каждой из сторон в такой степени, что ближайшие цели заслоняют собой стратегические цели организации или общности.

Позитивная роль социального конфликта заключается в том, что он помогает субъектам социального действия принимать конструктивное решение, способствующее быстрому и эффективному продвижению к цели. Таким образом, как разрушительная, так и созидательная сила конфликта может быть направлена в то русло, которое способствует улучшению групповых решений и тем самым достижению цели.

Возможность конфликта выполнять конструктивную роль связывается с тем, что конфликт предотвращает «застой» и «омертвление» индивидуальной или групповой жизнедеятельности и стимулирует их движение вперед (Лихоносова, 2014), он способен упрочить внутреннюю солидарность в группе, вовлеченной в конфликтную ситуацию.

Позитивная роль конфликта в жизни общества проявляется в следующем:

- конфликт способствует выявлению или смене лидеров, чем острее и разрушительнее конфликт, тем вероятнее устранение одних и появление других лидеров;
- конфликт способен сыграть роль стимулятора быстрых и глубоких изменений в социально-экономической и политической жизни страны;
- обычно развертывание конфликта сопровождается радикализацией социальных ожиданий, взглядов, установок, т.е. происходят высвобождение и активизация жизненной энергии индивидов и групп, возрастает их стремление к раскрытию творческих способностей, развитию самостоятельности, предприимчивости и т.д.;
- конфликт обычно сигнализирует о деструктивных процессах общественного развития;
- конфликт может способствовать снятию психологической напряженности.

В зависимости от того, в какой мере конфликт несет в себе конструктивное или деструктивное начало, способствует или препятствует разрешению противоречий, он может получить ту или иную оценку (Лихоносова, 2014).

Социальные конфликты оказывают решающее влияние на ход развития общества. Они находятся на разных этапах своего формирования, оказывают друг на друга взаимное влияние и, как правило, плохо прогнозируются. Поэтому основными задачами властной элиты, представителей политических партий, ученых должно являться наблюдение, прогнозирование, моделирование и диагностирование социальных конфликтов и их последствий в обществе с целью минимизации их негативного воздействия.

Конфликты, с одной стороны, разрушают социальные структуры, приводят к значительным необоснованным затратам ресурсов, а с другой — являются тем механизмом, который способствует разрешению многих проблем, сплачивает группы и служит одним из способов достижения социальной справедливости (Лихоносова, 2014).

Любой социальный конфликт так или иначе влияет на многие общественные процессы, особенно на массовое сознание. Он не оставляет равнодушными даже

пассивных наблюдателей, поскольку воспринимается чаще всего если не как угроза, то как предупреждение, сигнал о возможной опасности.

Основные пути предупреждения социальных конфликтов

Несмотря на выделяемые конструктивные последствия социальных конфликтов, в основном они носят деструктивный характер. Поэтому необходимо научиться вовремя предупреждать их возникновение.

Под предупреждением социальных конфликтов понимается деятельность по созданию и укреплению таких условий жизнедеятельности, при которых исключается возможность возникновения конфликтов или переход конфликтов в вооруженную стадию развития. Сохраняет свою актуальность замечание американского социолога К. Боулдинга о том, что «самой крупной проблемой в развитии институтов контроля над конфликтом является умение выявить его как можно более «молодым». Иными словами, такие действия предпринимаются до того момента, как конфликт разгорелся.

Профилактика социальных конфликтов должна вестись по четырем основным направлениям:

во-первых, это создание объективных условий, препятствующих возникновению и деструктивному развитию предконфликтных ситуаций. Конечно, невозможно полностью исключить возникновение напряженности и предконфликтных ситуаций в обществе. Необходимо создать условия, которые бы минимизировали количество таких ситуаций;

во-вторых, важной объективно-субъективной предпосылкой предупреждения конфликтов является оптимизация организационно-управленческих условий создания и функционирования общества;

в-третьих, необходимо устранить социально-психологические причины возникновения конфликтных ситуаций;

в-четвертых, имеет значение блокировка личностных причин возникновения социальных конфликтов (Цыбульская, 2004).

Предупреждение конфликтов предполагает одновременное использование всех этих четырех направлений.

Исследователь Д. Хаймс, в свою очередь, предложил стратегию предупреждения социальных конфликтов, состоящую из четырех последовательных и взаимосвязанных шагов:

- 1) создание общей объяснительной модели;
- 2) согласование действующих ценностей первичных причинных индикаторов или предсказателей, определение и оценка любых новых факторов, которые проявились со времени проведения первоначального обследования;
- 3) ввод текущих ценностей этих причинных переменных или предсказателей в состав модели;
- 4) изменение этих предсказателей сначала по одному, а затем в различных комбинациях для определения возможных исходов (Зайцев, 2016).

Деятельность по предупреждению социальных конфликтов может осуществляться как самими участниками конфликтного взаимодействия с целью обезопас-

силь себя от противоборствующей стороны, так и третьей стороной, т.е. субъектом, желающим оказать помощь другим, предотвращая возникновение конфликта.

Деятельность по предупреждению социальных конфликтов разнообразна и во многом зависит от характера самого конфликта, тем не менее существует четыре уровня, на которых эта деятельность возможна:

1. Макроуровень (глобальный, общецивилизационный, государственный и национальный) — создание объективных условий, препятствующих возникновению конфликтов на общесоциальном уровне. Безусловно, полностью исключить возникновение конфликтов за счет создания «идеальных» условий для жизнедеятельности невозможно. Однако вполне возможно минимизировать деструктивный потенциал социальных противоречий и уменьшить их количество. Можно также научиться разрешать многие противоречия неконфликтным способом.
2. Микроуровень (формальные общности, в состав которых включены конкретные субъекты) — совершенствование и оптимизация менеджмента. Большую часть времени люди проводят в коллективах, поэтому необходимо создание условий для их эффективного функционирования;
3. Уровень межличностных отношений субъекта — устранение социально-психологических причин конфликтов на уровне межличностных отношений;
4. Внутриличностный уровень — устранение или блокирование личностных причин возникновения конфликтов за счет позитивного воздействия на сознание и поведение деструктивно настроенных субъектов, включая усилия по самокоррекции (Цыбульская, 2004).

Таким образом, предупреждение социальных конфликтов — это сложный и многообразный процесс, требующий особых знаний, умений и навыков в данной области. Следует помнить, что основным принципом предупреждения конфликтов является воздействие на их причины, а не на результат самих противоречий. Устранение причин, поводов, условий возникновения противоречий — самая эффективная и одновременно сложная форма предупреждения социальных конфликтов в обществе.

Выводы

Таким образом, существование общества без социальной напряженности и конфликтов невозможно. Конфликты сопровождают человека на протяжении всей его жизни, во всех сферах жизнедеятельности. Многообразие и сложность социального конфликта обуславливает необходимость его рассмотрения с разных точек зрения. Существует много определений и классификаций видов социальных противоборств, которые взаимно дополняют друг друга.

Социальный конфликт нельзя категорично назвать проявлением дисфункций, отклоняющегося поведения. Он имеет двойственный характер. С этим и связана сложность изучения данного явления. Социальные конфликты проявляются в различных формах: простых и сложных, мирных и насильственных. Каждая из этих форм существовала на протяжении всей истории человечества.

В российском обществе социальные конфликты имеют системный характер и связаны с противоречиями в различных сферах общественной жизни. Они об-

условлены экономическими и политическими особенностями страны, возможностью проявления этнических противоречий, ментальностью россиян, характером социальной структуры, сохраняющей некоторые традиции советской системы, а также спецификой информационного этапа развития общества, в который вступила Россия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андросова С.И., Попова Л.Н. Межличностные конфликты и согласие. Экономика и социум, 2013, No 3, 34–36.

Бисовская О.В. Конфликт как комплексная система социального взаимодействия. Этносоциум и межнациональная культура, 2009, No 8, 83–87.

Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

Делокаров К.Х. Синергетика и управление: методологические замечания. Самоорганизация, организация, управление, 1995, No 2, 65–91.

Зайцев А.К. Социальный конфликт. М.: Academia, 2016.

Зеркин Д. П. Основы конфликтологии. Ростов н/Д: Феникс, 1998.

Караткевич А.Г. Системный диалог как технология оптимизации политического взаимодействия в переходных обществах. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2013, No 2, 66.

Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994.

Лихоносова А.С. Социальный конфликт как индикатор общественного развития. Луганск, 2014.

Лукин Ю. Ф. Роль конфликтов в жизни общества, 2007, 199–201. URL: <https://narfu.ru/university/library/books/2912.pdf> (дата обращения: 27.05.2021).

Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2003.

Радугин А.А., Радугин К.А. Социология. М.: Центр, 1999.

Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

Соколов С.В. Социальная конфликтология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.

Сыбенова Н.Н. Социальный конфликт как фактор самоорганизации общества. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 2011, No 4, 162–166.

Цыбульская М.В., Яхонтова Е.С. Конфликтология. М.: Академия, 2004.

Эфиоров С.А. Социальное согласие: утопия или шанс? М.: РАН, 2002.

REFERENCES

- Androsova, S.I. (2013). Popova L. N. Mezhlichnostnye konflikty i soglasie [Interpersonal conflicts and consent]. *Ekonomika i socium* [Economy and Society], 2013, no 3, 34–36.
- Bisovskaya, O.V. (2009). Konflikt kak kompleksnaya sistema social'nogo vzaimodejstviya [Conflict as a complex system of social interaction]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura* [Ethnosocium and Inter-Ethnic Culture], no 8, 83–87.
- Bourdieu, P. (2007). *Sociologiya socialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space]. Moscow: Institut eksperimentalnoj sociologii.
- Delokarov, K.H. (1995). Sinergetika i upravlenie: metodologicheskie zamechaniya [Synergetics and Management: Methodological Notes]. *Samoorganizaciya, organizaciya, upravlenie* [Self-organization, Organization, Management], no. 2, 65–91.
- Zajcev, A.K. (2016). *Social'nyj konflikt* [Social Conflict]. Moscow: Academia.
- Zerkin, D.P. (1998). *Osnovy konfliktologii* [Basis of Conflict Studies]. Rostov-on-Don: Feniks.
- Karatkevich, A.G. (2013). Sistemnyj dialog kak tehnologiya optimizacii politicheskogo vzaimodejstviya v perehodnyh obshchestvah [Systemic Dialogue as a Technology for Optimizing Political Interaction in Transitional Societies]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culture and Art History. Questions of Theory and Practice], no 2, 66.
- Knyazeva, E.N., Kurdyumov, S.P. (1994). *Zakony evolyucii i samoorganizacii slozhnyh sistem* [The Laws of Evolution and Self-Organization of Complex Systems]. Moscow: Nauka.
- Lixonosova, A.S. (2014). *Social'nyj konflikt kak indikator obshchestvennogo razvitiya* [Social Conflict as an Indicator of Social Development]. Lugansk.
- Lukin, Yu.F. (2007). *Rol' konfliktov v zhizni obshchestva* [The Role of Conflicts in Society] (pp. 199–201), URL: <https://narfu.ru/university/library/books/2912.pdf> (accessed 27 May 2021).
- Osipov, G.V., Moskvichev L.N. (2003). *Sociologiya. Osnovy obshchej teorii* [Sociology. Foundations of General Theory]. Moscow: Norma.
- Radugin, A.A., Radugin, K.A. (1999). *Sociologiya* [Sociology]. Moscow: Centr.
- Smelzer, N. (1994). *Sociologiya* [Sociology]. Moscow: Feniks.
- Sokolov, S.V. (2001). *Social'naya konfliktologiya* [Social Conflict Studies]. Moscow: YuNITI-DANA.
- Sybenova, N.N. (2011). Social'nyj konflikt kak faktor samoorganizacii obshchestva [Social conflict as a factor in the self-organization of society] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural and Art Studies. Questions of Theory and Practice], no 4, 162–166.
- Cybul'skaya, M.V., Yahontova, E.S. (2004). *Konfliktologiya* [Conflict Studies]. Moscow.
- Efirov, S.A. (2002). *Social'noe soglasie: utopiya ili shans?* [Social Consensus: Utopia or Chance?]. Moscow: RAN.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Беликова Марина Васильевна** — кандидат культурологии, доцент, старший научный сотрудник Лаборатории гендерных проблем Института социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), (Москва, Россия), e-mail: beladm09@mail.ru
- Вавилова Жанна Евгеньевна** — старший преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций, Казанский государственный энергетический университет (Казань, Россия), e-mail: zhannavavilova@mail.ru
- Касенова Надежда Николаевна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры ПИМ-НО Института детства, Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия), e-mail: kasenova_n@mail.ru
- Кергилова Наталья Викторовна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, Россия), e-mail: kergilova@mail.ru
- Клочкова Ольга Игоревна** — магистрант, Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия), e-mail: kl_o_i@mail.ru
- Косыгина Ксения Евгеньевна** — научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия), e-mail: sene4ka.87@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>)
- Ласточкина Оксана Сергеевна** — младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения, Вологодский научный центр Российской академии наук (Вологда, Россия), e-mail: lasto4kina543@yandex.ru
- Мурашева Светлана Валерьевна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры социального управления и конфликтологии, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Россия), e-mail: murashova.svet@yandex.ru
- Панфилова Анна Олеговна** — кандидат социологических наук, доцент Департамента социальных наук, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru (<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>)
- Сарыглар Сылдысмаа Артуровна** — аспирант факультета социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: syldysma93@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>)
- Смолина Александра Андреевна** — студент, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), e-mail: smolina.aa@students.dvfu.ru
- Спирина Анастасия Сергеевна** — аспирант, Институт социальных наук, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия), e-mail: natali93_08@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-6003-1691>)
- Труфанов Глеб Алексеевич** — магистрант, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: buyanovivan@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0002-3537-9589>)

Усейнов Мирас Исмаилович — старший преподаватель, докторант, Международный Университет Кыргызстана, Таразский региональный университет имени М.Х. Дулати (Тараз, Казахстан), e-mail: miras_useinov@mail.ru

Шинкевич Владимир Ефимович — доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Сибирский юридический институт МВД России (Красноярск, Россия), e-mail: vlashink@yandex.ru

ABOUT AUTHORS

- Belikova Marina V.** — Cand. Sci (Cultural Studies), Associate Professor, Senior Researcher at the Laboratory for Gender Studies of the Institute of Socio-Economic Studies of Population — Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences ISESP FCTAS RAS (Moscow, Russia), e-mail: beladm09@mail.ru
- Kasenova Nadezhda N.** — Cand. Sci (Pedagogy), Associate Professor, Institute of Childhood, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), e-mail: kasenova_n@mail.ru
- Kergilova Natalia V.** — Cand. Sci (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaysk State University (Gorno-Altaysk, Russia), e-mail: kergilova@mail.ru
- Klochkova Olga I.** — Master's student, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia), e-mail: kl_o_i@mail.ru
- Kosygina Ksenia E.** — Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia), e-mail: sene4ka.87@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-5875-8912>)
- Lastochkina Oksana S.** — Junior Research Fellow, Vologda Research Center of The Russian Academy of Science (Vologda, Russia), e-mail: lasto4kina543@yandex.ru
- Murasheva Svetlana V.** — Cand. Sci (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Social Management and Conflict Studies, Oryol State University of I.S. Turgenev (Oryol, Russia), e-mail: murashova.svet@yandex.ru
- Panfilova Anna O.** — Cand. Sci (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru (<https://orcid.org/0000-0001-6156-828X>)
- Saryglar Syldysmaa A.** — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: syldysma93@mail.ru, (<https://orcid.org/0000-0002-8965-9922>)
- Shinkevich Vladimir E.** — Dr. Sci. (Sociology), Professor at the Department of humanitarian and socio-economic disciplines, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnoyarsk, Russia), e-mail: vlashink@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0002-9175-7492>)
- Smolina Alexandra A.** — Student, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), e-mail: smolina.aa@students.dvfu.ru
- Spirina Anastasiya S.** — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, Altai State University (Barnaul, Russia), e-mail: natali93_08@mail.ru (<https://orcid.org/0000-0001-6003-1691>)
- Trufanov Gleb A.** — Master's Student of the Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia), e-mail: buyanovivan@yandex.ru (<https://orcid.org/0000-0002-3537-9589>)
- Useinov Miras I.** — Senior Lecturer, PhD student, International University of Kyrgyzstan, Taraz

regional university named after M.Kh. Dulati (Taraz, Kazakhstan), e-mail: miras_useinov@mail.ru

Vavilova Zhanna E. — Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Media Communications, Kazan State Power Engineering University (Kazan, Russia), e-mail: zhannavavilova@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал Society and Security Insights является научным периодическим изданием, публикующим результаты оригинальных исследований, аналитические обзоры, ранее не опубликованные переводы научных работ зарубежных ученых, рецензии и короткие сообщения по проблемам фундаментальных и прикладных исследований в социальных науках, связанных с тематикой риска и безопасности, особенностей их социального конструирования, восприятия и интерпретации, воздействия на общественное сознание, социальные институты и процессы.

К рассмотрению для публикации в журнале принимаются статьи докторов и кандидатов наук, преподавателей, аспирантов и докторантов, специалистов-практиков в области государственного и муниципального управления, социологии, философии, психологии, экономики, менеджмента и других отраслей знаний. Публикации магистрантов принимаются только в соавторстве с научным руководителем.

К публикации принимаются статьи, соответствующие тематике журнала и ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Публикация бесплатная.

Журнал выходит четыре раза в год как в печатном варианте, так и в режиме непрерывной публикации (continuous publication). Это означает, что статьи публикуются сразу после прохождения рецензирования и утверждения редакционной коллегией, что значительно сокращает сроки публикации и повышает уровень цитируемости статьи. Статьи размещаются в режиме открытого доступа, каждой статье присваивается индекс DOI.

Редакция журнала принимает исследовательские статьи и аналитические обзоры объемом до 1,0 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами), краткие научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами), включая сведения об авторах, иллюстрации и список литературы. К рассмотрению принимаются материалы, подготовленные на русском и английском языках.

При наличии рисунков, диаграмм, графиков в статье они сохраняются в формате *.jpg в отдельной папке и передаются вместе с текстом статьи.

После независимой научной и технической экспертизы статья либо возвращается на доработку, либо принимается к публикации, о чём сообщается автору по электронной почте.

Для отправки статей необходимо зарегистрироваться на сайте <http://journal.asu.ru>. При регистрации обязательно указать в последнем пункте, что Вы являетесь автором и/или рецензентом. При регистрации нужно использовать английский вариант фамилии и имени.

Далее войти со своей учетной записью, на Странице пользователя, выбрать пункт Новая статья и начать процесс отправки, состоящий из пяти последовательных шагов.

Требования к оформлению статей, описание процедуры рецензирования и дополнительную информацию о журнале можно найти на официальном сайте <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

Тематика журнала

1. Международная, национальная и региональная безопасность.
2. Безопасность в странах Азиатского региона.
3. Теоретические и методологические вопросы исследования общества и безопасности.
4. Риск, угрозы и безопасность: социальные и психологические аспекты.
5. Социология безопасности.
6. Социальные исследования и мониторинг безопасности.
7. Демография, миграция и безопасность общества.
8. Безопасность информационного пространства.
9. Образовательное пространство безопасности.
10. Информация и образовательное пространство безопасности.
11. Исторические аспекты безопасности.
12. Национальная политика, межнациональные отношения.
13. Государство, гражданское общество и стабильность.
14. Рецензии.

RULES FOR AUTHORS

«Society and Security Insights» is a scientific periodical journal, publishing results of original researches, analytical surveys, unpublished translations of works of foreign researches, reviews, and case studies on problems of fundamental and applied researches in social sciences, related to risk and security, aspects social constructing, perception and interpretation, influence for public consciousness, social institutes and processes.

Journal welcomes papers by doctors and candidates of sciences, lecturers, post-graduates and doctoral students, specialists and practitioners in the field of state and municipal administration, sociology, philosophy, psychology, economy, management and other fields of sciences. Masters publish their articles only with co-authorship.

Journal accept unpublished papers, related to relevant issues.

The publications is free.

The journal is quarterly printed journal and provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge (continuous publication). This means publishing open access articles soon after double-blind peer review and accepting by editorial staff, promotes to distribution and citing of articles. All articles are open-accessed and have DOI index.

Editorial board accept research papers and reviews no longer than 1.0 author's sheet (40 000 characters, spaces included), brief reviews no longer than 0.4 author's sheet (16 000 characters, spaces included), other materials no longer than 0.15 author's sheet (6 000 characters, spaces included), including information about authors, pictures and references. Papers in Russian and English are welcomed.

If the article contains figures, they should be provided as individual files in *.jpg format together with the manuscript. After independent scientific and technical expertise the article is rejected, returned for revision or accepted for publication, then authors are informed by e-mail.

To submit a paper authors should register the online author submissions system <http://journal.asu.ru>. Registration as an author and / or reviewer is strongly required. While registering, please indicate the English version of last and first name. Authors should login the User Page and choose "New paper" to submit an article.

Paper requirements, templates, reviewing process, and guide on paper selection and reviewing process are available of journal web-site <http://journal.asu.ru/index.php/ssi>.

This journal provides a forum for researchers and academics to debate internationally relevant issues that fall within the scope of social sciences, including but not limited to:

1. International, national and regional security.
2. Security in Asian region.

3. Theoretical and methodology questions of research about society and security.
4. Risk, threats and security: social and psychological aspects.
5. Sociology of security.
6. Social researches and monitoring of security.
7. Demography, migration and security of society.
8. Security of information area.
9. Educational area of security
10. Information and educational area of security.
11. Historical aspects of security.
12. National policy, international relations.
13. State, civil society and stability.
14. Reviews.

SOCIETY AND SECURITY INSIGHTS

ВЕСТНИК АССОЦИАЦИИ АЗИАТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

2021. № 2. Том 4

Литературный редактор

Н.Ю. Ляшко

Подготовка оригинал-макета, дизайн обложки

Ю.В. Луценко

Подписано в печать 02.08.2021.

Дата выхода в свет 11.08.2021.

Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 13,87

Тираж 300 экз. Заказ 278

*Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС 77-74389.

Дата регистрации 23.11.2018

Журнал распространяется по подписке АО «Почта России»

Подписной индекс ПО198

Цена свободная

Адрес редакции и издателя:

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66

Типография ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

656049 Барнаул, ул. Димитрова, 66